

АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВ

СУДЬБА

КАЛМЫКА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анатолий Григорьев

Судьба калмыка

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Григорьев А.

Судьба калмыка / А. Григорьев — «ЛитРес: Самиздат», 2007

1943 год. В небольшой сибирский поселок приезжают первые эшелоны с депортированными калмыками. Они еще не до конца представляют, с какими трудностями им предстоит столкнуться. Но самые тяжелые судьбоносные испытания ожидают главного героя книги. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Автобиография	5
ОТ АВТОРА	6
Глава 1.	7
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	48
Глава 6	56
Глава 7	64
Глава 8	71
Глава 9	84
Глава 10.	93
Глава 11	98
Глава 13	113
Глава 14	126
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Анатолий Григорьев

Судьба калмыка

Автобиография

Григорьев Анатолий Семенович родился в 1939 году в Манском районе Красноярского края (Россия). Великая Отечественная война отняла у него родителей: в 1942 году под г. Ржевом погиб отец, в 1945 году умерла мать. Беспризорничал. Рос в детдоме и у родственников. Сумел закончить два вуза: высшее военно-морское училище во Владивостоке и Красноярский институт цветных металлов. Работал в Норильске горным инженером. Перенёс тяжелую трагедию шахтного завала. Для восстановления здоровья переехал в Крым. Живет в Бахчисарае. Женат, имеет двоих взрослых детей, двух внуков. Всю жизнь занимается проблемами неустroенного детства. Более десяти лет был председателем Бахчисарайского районного детского фонда, членом совета районного отдела образования. Является родоначальником бахчисарайского кикбоксинга, тренирует подростков при ДЮСОШ (в прошлом сам боксёр). Судья международной категории, заслуженный тренер Евразии. Пишет стихи, очерки, которые известны многим нашим читателям. Сегодня мы предлагаем выдержки из некоторых глав его книги – повесть «Гибель калмыка».

ОТ АВТОРА

То, что удержала моя память, то, что я видел своими глазами и слышал от других людей – всё это я пытался изложить в своей книге. Неоднократное посещение Калмыкии уже после реабилитации калмыцкого народа укрепило во мне мысль: я должен написать о том, что знаю и видел!

Сибирь – моя родная земля! На ней я родился и вырос. И мне горько и стыдно, что она стала местом невыносимой жизни и могилой для тысяч невинных – репрессированных граждан СССР разных национальностей, в том числе и калмыков.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года, утвержденного Политбюро ЦКВКП(б), Калмыцкая АССР была ликвидирована, а 28 декабря 1943 года десятки железнодорожных составов под кодовым названием «Улусы» повезли в бескрайнюю холодную Сибирь всё калмыцкое население республики, в основном женщин и детей, стариков и инвалидов.

Более 40 тысяч воинов-калмыков, сражавшихся на полях войны, были отозваны с фронтов, разоружены и отправлены в спецлагерь Широкий Строя системы ГУЛАГА, откуда мало кто вышел живым.

Глава 1.

В товарном вагоне-теплушке чуть заметно мерцал керосиновый фонарь, подвешенный куском проволоки к потолку. По его болтанке можно было определить характер движения всего не очень длинного паровозного состава. Если паровоз бежал быстро, дым в теплушку набивался меньше, и фонарь болтался меньше; если буксовал на подъемах или уменьшал ход, было много рывков, все гремело и падало. Фонарь тоже начинал судорожно мотаться, распространяя керосиновую вонь, чадил. Люди уже привыкли к рывкам и дерганьям и в основном сидели и лежали, прижавшись друг к другу, среди узлов и всякого тряпья. Подстилка из соломы осталась кое-где, и то ближе к углам вагона, да и она была истерта почти в труху. В вагоне витал горелый запах, и если бы не он, то от спертого воздуха и испражнений в вагоне дух был бы хуже чем на скотном дворе. Восемьдесят человек разного пола и возраста начали свой многодневный путь в этой теплушке. В составе поезда таких вагонов было пятнадцать.

Сейчас паровозик бежал налегке. Пять вагонов отцепили где-то под Новосибирском, осталось десять. Да и в каждом вагоне – теплушке пассажиров осталось на одну треть меньше. Каждое утро, когда было еще темно и новогодний мороз очевидно только набирал силу, паровоз, дергаясь и попыхивая паром, тянул свой состав куда-то в тупик, где на маленькой станции солдаты выволакивали на железнодорожную насыпь умерших в дороге пассажиров, и старший, пересчитав оставшихся в живых и уточнив число мертвых, приказывал закрывать наглухо открывшуюся дверь вагона. Он не обращал внимания на крики и плач оставшихся в вагоне, просивших о чем-то, и тупо уставившись на заиндевельный лес махал рукавицей, выдавливая из себя одно лишь слово: – Закрывай!

Похрустывая снегом, солдаты поспешно задвигали дверь, гремели задвижкой, заматывая ее петли проволокой. На этот раз в вагон не принесли почему-то флягу с водой и хлеб. Вскоре вагоны задергались и паровозик, словно обрадовавшись, что освободился от мертвого груза, побежал веселей. В вагоне озадаченно зашумели: – Голодом заморить хотят? Ну, пища кой-какая есть, что взяли с собой, кто сумел. А вода-то, вода. Почему не дали воды! Полфляги замерзшей воды имелось, но как растопить лед? И так чуть до пожара не дошло, грели ее соломой. Но что такое солома? Пых и сгорела. У стоявшей почти посередине железной печурки первые два дня еще можно было как-то обогреть руки, но скоро кончились дрова, других не дали, а труба, выводящая дым, возьми да оборвись, гнилое железо оказалось. Чуть все не задохнулись от дыма, начался пожар. Несколько человек охрана вынесла на снег. Так они и остались лежать там. А печку загасили водой и снегом, да и выбросили из вагона от греха подальше. Другую не поставили. Где взять среди сибирской тайги? А может быть скоро уже приедем, поэтому ничего и не дали? Ведь должен же быть когда-то конец этого ада! Би гемтэ бишив (я не виновата), би гемтэ бишив (я не виновата), – раскачивалась из стороны в сторону молодая калмычка, как в бреду повторяя эти слова уже несколько часов подряд, прижимая сверток из мешковины к груди.

В ту кошмарную ночь, когда случился пожар, у нее задохнулся от дыма годовалый сынишка. Она смутно помнила, когда так называемая санитарная бригада из солдат вытаскивала из вагона трупы и прихватили и ее ребенка, словно тряпичную куклу. Осветив фонариком безжизненное тельце ее сына, солдат устало произнес: – И этот готов, – и взяв его за ручонку легко приподнял и понес к двери на насыпь. Мать, находясь в угарном оцепенении, не могла пошевелить ни пальцем, не сказать ни единого слова. Она медленно приходила в себя, сквозь раздирающую головную боль и рвоту, а когда она поняла, что случилось с ее сыном, забилась в душераздирающем крике. – Пусть поплачет, – мудро рассудили старухи, и никто не стал успокаивать ее. Большое горе было у каждого. И было непонятно кому было лучше – тому кто умер, или кто умрет вскоре от будущей невыносимой жизни. – А на прошлой остановке вынесли из

вагона ее мать, – зашептала соседке старая калмычка. – Смотри, она собрала сверток и качает его вместо ребенка. Бедная, Бедная. (Адрх). Она сошла с ума. О, ях, ях! Ямаран гедрлт! (какая потеря!). Эй, Цаган! Ты жива? – тормошили старухи прислонившуюся к заиндевелой стенке вагона молодую женщину, не проронившую ни звука за последний день. Вдоволь наплакавшись, ее близняшки мальчик и девочка, укутанные в разное тряпье, уткнули свои головенки в ее колени и судорожно всхлипывали во сне. Усын! (воды!) Нёкд болтн! (Помогите!) Ухэ! (Пить!) Хархен! (О Боже!). Неслись в вагоне разные восклицания. Цаган, Цаган! Очнись! Не унимались старухи. Пропадешь ты, пропадут твои дети. Ну-ка очнись. – и старуха, подержав свою ладошку на обледенелом месте стенки стала тереть лицо молодой матери. Через некоторое время она застонала и задвигала по стене головой, мутно повела глазами по вагону. Все еще едем? – скривилась она. Едем, едем. – ответили старухи. Поешь, – и старуха на грязной ладони протянула ей две горошины сухого сыра. Не хочу, – отвела взгляд от ладони молодая женщина. Будет и ребятишкам, пусть пока спят. Пососи пока кусочек льда, – протянула ей другая старуха. Легче будет. – и она буквально впихнула льдинку в рот Цаган. Женщина задвигала губами, слизывая влагу от таявшего льда во рту. Потом медленно жевала катышки овечьего сыра. Вот и хорошо! – удовлетворенно кивали головами старухи. – Жива будешь, большая польза от тебя детям будет. Жить надо!

Ханжинав!(Спасибо!) – сложив лодочкой руки у лба поклонилась им Цаган. Ладно тебе. Помни, что у тебя дети!

Да, да. – закивала молодая калмычка. – Это какой мы день едем?

Сейчас скажу. – и сухонькая старушонка, порывшись у себя за пазухой, что-то достала на ладошку. – Ну-ка посчитай! Плохо вижу, да и пальцы не держат. И она высыпала на ладонь молодухи обыкновенные обгорелые спички. Девять здесь! Ожилась Цаган. Вот-вот, значит десятый день едем. Значит сегодня бое января 1944 года. . . вот такой у нас Новый год вышел. Так мы его встретили. Это где же мы? – задумалась она. Новосибирск помню когда проезжали. А потом все из памяти пропало. Это где этот Новый Сибирск? – допытывались старухи. – Ты грамотная, объясни.

– Это очень далеко от наших мест. Здесь холодно и кругом леса.

– Видели, видели. – закивали старухи. – Как ты думаешь, зачем так далеко нас везут?

– Не знаю. Думаю, что это ошибка тех, кто так приказал.

Вагон опять задергался, заскрипел тормозами. Поезд остановился. Наступившая тишина давила на уши. Хруст снега под чьими-то ногами был отчетливо слышен. Хорошо были слышны и голоса людей там, на свободе.

– Дохляков будем вытаскивать или уж до места доедем? А кому их сдавать, видишь в глухомань заперли нас? Щас воинский пройдет и нас отправят.

– Открывать значит не будем вагоны?

– А на хрена? Лишняя морока потом. То пить, то срать, то мертвяков вытаскивать.

Услышав подобные разговоры, в вагонах зашумели, застучали. В зарешеченные окна стали высовываться руки с кружками: Воды дайте! Погибаем!

– Слышь, на русском хорошо говорят! Там че, и русские?

– Поди разбери.

– Может, слышь, откроем, а?

– Не входить в контакт с арестованными! Прекратить разговоры! – размахивая автоматом пробежал начальник охраны – красномордый майор в белом полушубке.

– Дергай поезд туда-сюда! Мать твою! – кричал он машинисту паровоза.

– Дык дрова и уголь кончаются, посерединке центрального пути остановимся.

– Я те остановлюсь, штанами своими топку топить будешь. А ну давай!

Машинист исчез из дверного проема и паровоз, запыхтев, дернулся вперед. Майор прытко вскочил на подножку и, взобравшись на площадку, весело командовал машинисту:

– А теперь назад! Резче дерни, чтоб башки у них посрывало. Да сигналом погуди! А то разговорились, нехристи. Паровоз ревел гудком, дергался, туда-сюда лязгал буферами, пыхтел, натужно выпуская пар. Так их, мать в их души! – ярился майор, прихлебывая из фляжки и отдувался вместе с паровозом. Охрана вагонов стояла на насыпи и хохотала. А кто отвернулся от вагонов и хмуρο рассматривал вековую тайгу, накрытую шапками снега. Крики людей в вагонах постепенно стихли. Люди обессилили от бесконечных дерганий поезда. Кто затих навсегда, а кто прижался к кому, сберегая силы для будущей неизвестности. Там, далеко в глухих сопках Сибири.

– Хорош, заканчивай! – швырнул майор фляжку машинисту. – Держи, заслужил!

А сам, перегнувшись через поручень площадки, шумно блеванул рыжей струей в ослепительно белый снег и, шатаясь, стал спускаться вниз. Подскочившие двое из охраны повели его в вагон сопровождения, приговаривая: – Сейчас умоемся, и спатеньки!

Майор куражился, вырывался и все норовил стрельнуть по вагонам.

– Я их, бляха-муха, без суда и следствия.

– Так точно, товарищ майор! – перемигивались охранники, умело отобрали автомат и втащили его в вагон. Вдали замахал фонарем и засвистел помощник, свидетельствуя, что центральный путь свободен. Паровоз на этот раз взял с места более спокойно, охрана повскакивала живо в вагон, и, шипя и пофыркивая, паровоз потащил свой состав на центральную магистраль – на самую длинную в мире железную дорогу, прорезающую пол-Европы и Азию. От Бреста до Владивостока. Никто не считал, сколько шпал уложено, как и нет статистики сколько человеческих душ загублено на этом грандиозном сооружении, и сколько еще будет. Никто не знает. А в тамбуре последнего вагона часовой-солдат, молоденький мальчишка, согласно устава не имеющий права покидать свой пост ни при каких обстоятельствах, надергался по воле начальника до тошноты. Закутанный в длиннополый тулуп, он гнулся вниз через полустенку тамбура, стараясь не испачкать дежурную одежду, выворачивая в рвоте желудок наизнанку. Крики обезумевших в вагонах людей, вонь, идущая из клозетных дыр и щелей вагона, преднамеренные дерганья поезда вконец расстроили молодого солдата. Он складывался пополам в рвотной судороге, краснея от слез, с мокрым лицом, стонал: – Ой, мама!

А за тонкой перегородкой тамбура в вагоне за его спиной на мерзлом полу сидела девчонка лет десяти с раскосыми глазами и причитала над мертвой матерью: – Ях, ээж, ээж! (Ой, мама, мама!)

Плачь, деточка, плачь! Больше не будет твоей мамы. И теперь негде тебе будет спрятать свое лицо от страха и горя, как ты бывало прятала на ее груди. Ты еще не понимаешь, почему ты едешь этой дорогой. Не знаешь, сколько придется выплакать слез от голода холода и унижений. А когда выживешь и вернешься назад, и будешь рассказывать своим внукам о своей молодости, ты не будешь плакать. Не мигая, будешь смотреть куда-то вдаль, видя те далекие сибирские горы, покрытые льдом и снегами, в которых навечно вморожены твои слезы. А сейчас колеса на рельсовых стыках вторят твоим причитаниям:

– Ях, ээж, ээж! (ой мама, мама! Ой, мама, мама!) (Ях, ээж, ээж!)

Проникавший свет сквозь дверные щели, крохотное забранное решеткой оконце почти у потолка и через дыру бывшую дымоходом, начал меркнуть и скоро стало совсем темно. Заметно похолодало, и люди, не сговариваясь, сдвигались плотнее друг к другу. Само собой образовалась половина вагона живых людей в одной стороне, а те, кто не подавал признаков жизни, остались на другой половине. С наступлением сумерек и до позднего вечера, в полной темноте каждый вечер сквозь кашель, плач и стоны слышались монотонные молитвы монаха – гелюнга. Чиркая спичками, он несколько раз в сутки обходил вагон, протискиваясь меж узлов, лежащих и сидящих людей и всматривался в их лица. Умерших он оттаскивал к двери, и ни разу не ошибся, хотя родственники были против его действий. Фонарь давно погас, керосина больше не было, спичек оставалось мало, в вагоне царил полная темнота. На этот раз ста-

рик-монах раньше обычного начал осмотр вагона и обнаружил до десятка неподвижных тел. Скрючившегося мальчишку лет восьми он долго ощупывал, и, подняв с промерзшего пола, потащил в середину кучки старух и женщин с детьми.

– Согрейте его, он живой, а то утром солдаты унесут его на мороз как мертвого и он по-настоящему умрет. – рядом кто-то недовольно заворчал, но люди все-таки разошлись и старик опустил между ними мальчишку. Через некоторое время мальчишка зашевелился и рядом сидящие, довольные таким исходом, начали толковать меж собой.

– Вот видишь, Бог все-таки послал нам человека для помощи. И подбодрит, и молитву почитает, с таким и умирать легче. И точно в подтверждение этого, из угла где обычно сидел старик – гелюнг, полилась его заунывная молитва, просящая всевышнего принять в свое лоно новых пришельцев, покинувших сей мир. Другой частью молитв долгого богослужения была искренняя просьба за людей, пока еще живых, пребывающих в беде с ним. Деревянная фигура Будды, стоящая перед стариком на мерзлом полу, подрагивала и качалась от тряски вагона, и старику казалось, что он слышит звуки, исходящие от нее, переплетающиеся со стуком колес:

– Я слышу! Я вижу! Терпите, терпите!

Вдохновленный сознанием могущественности божества, он запел молитву более торжественно, с разными горловыми интонациями. Утомленные люди почувствовали в себе какое-то успокоение и стали засыпать, окончательно смирившись со своим положением. Такова уж воля Божья, коль мыкает с ними горе Его посланник – гелюнг.

Закончив молитву, старик долго сидел, закрыв глаза, прислушиваясь к различным звукам в вагоне. Он слышал сипение пустых трубок. Во время молитвы никто не курил. Он слышал тяжелые вздохи и перешедшее в хриплый шепот бормотание умалишенной матери, потерявшей сына. Она по-прежнему сидела в стороне от всех и качая сверток прижимала его к себе, бормоча:

– Би гемтэ бишив (я не виновата).

Он не пытался что-либо объяснить ей. Он понимал – рассудок потерян, его не вернуть. И днем, когда в вагон пробился свет, он подошел к ней и погладив ее по голове прошептал:

– Чи гемтэ бишив! (Ты не виновата!)

Женщина благодарно посмотрела на него, прижалась щекой к его руке, и радостно затараторила:

– Би гемтэ бишив, би гемтэ бишив! (я не виновата, я не виновата!)

Сидящие невдалеке старухи вытирали слезы и кивали головами. Они тоже были не виноваты. Прошла еще одна ночь, не принеся никаких облегчений. Поезд довольно долго шел без остановок и ранним утром, когда еще было довольно темно. Старик долго стоял у зарешеченного окошка, подставив какой-то мешок под ноги, пытливо вглядывался в мелькающий лес. И наконец дождавшись того, чего он ждал, сказал ни к кому не обращаясь: город большой проезжаем, но здесь нам не остановят. И когда колеса загрохотали по рельсам, как в пустой бочке, он добавил: Мост железный, река большая. Большая, но уже вся заморожена. Многие обитатели вагона прильнули к дверным щелям и видели то, о чем говорил старик. Паровоз бойко бежал по огромному городу среди стоящих составов, с пыхтящими паровозами, готовыми сорваться с места как только пройдет этот их поезд со специальным литером – «Улус». На платформах стоящих составов громоздились зачехленные пушки, трактора, машины, составы с солдатами – эти очевидно шли на запад, на фронт. На других составах в таких же вагонах как и у них, мычали коровы, ржали лошади – это очевидно шли оттуда, с запада, с мест боевых действий. А может это был и их скот. И кругом солдаты, солдаты, солдаты. Многие совсем мальчишки.

– Наверное, мы очень важные люди, если нам уступают дорогу воинские эшелоны, – заключил старик и тяжело опустил вниз, потирая замерзшие руки.

Выехав далеко за город, их состав затолкали куда-то в тупик, но никто из охраны не бегал, не кричал, к дверям никто не подходил. Паровоз спешно заправили водой, покидали в тендер немного дров и паровоз снова выкатился на центральную магистраль.

– Мал-мала, немного не дотянули до конца, – заключил старик.

И точно, часа через три, уже ближе к половине дня паровоз стал снижать скорость, дергаться, и скоро совсем затих. Сразу забегала охрана, слышались приказы, крики. Матерясь и трудно дыша кто-то пытался открыть дверь. Она не поддавалась, низ ее промерз очевидно из-за мочи затекшей сюда, от бессильно лежащих людей.

– В гроб мать! – кричали охранники, пытаясь открыть дверь. Тщетно. – Ломик сюда тащи! – орал за дверью. Наконец по двери забухали чем-то тяжелым, ее нижний конец сорвался с паза и она ухнула вниз, косо залетев верхним углом в вагон, размозжив голову лежащему у двери вторые сутки мертвому парнишке. Подпрыгнув от удара о пол дверь развернулась и своей ребриной, окованной массивным железным уголком рубанула солдата – охранника прямо в грудь. Выпучив глаза он только и успел выдохнуть: – Ё..а... – и завалился на грязный снег, накрытый массивной дверью. Из-под двери была видна голова без шапки и плечи солдата. Кровь булькала из его рта, глаза были неподвижно открыты. – Круглова долбануло, быстро снимай с него дверь! – Зычно заорал кто-то из охраны. Быстро приподняли с солдата неимоверно тяжелую дверь, но помощь ему была уже не нужна. На грязно-сером снегу образовалась лужа крови, его глаза не мигая смотрели в небо. В метрах пятидесяти от этих вагонов горели костры в разных местах, и вокруг них сидели и лежали люди, там же стояло с десятка полтора санных повозок с заиндевелыми лошадьми, два трактора и одна полупортка. Закутанные по самые глаза платками и шалями возчики повозок, а это в основном были женщины и подростки, кинулись к вагону, где произошла трагедия. Майор охраны с растерянным лицом, размахивая автоматом отгонял зевак от места происшествия.

– Разойдись! Кто совершил диверсию на солдата? Кто толкнул дверь на него? – с перекошенным от злобы лицом орал майор и потрясал автоматом в сторону открытого вагона с кучей людей, неподвижно сидевших на полу. Люди жмурились от яркого света, неожиданно хлынувшего из огромного дверного проема, терли глаза и молчали. – Унести потерпевшего солдата при исполнении, в вагон охраны! Четверо солдат взяли за руки, за ноги своего товарища и понесли в вагон. Бабы сморкались, вытирали глаза, голосили. – Так и наши где-нибудь погибают с такими вот начальниками! – и косились на майора.

– Что, что ты сказала? А ну марш отсюда пока цела! Еще надо выяснить зачем вы тут крутитесь?

– А затем! Сверкнула глазами бабенка. – Если мы уедем отсюда, сам будешь их развозить по колхозам и леспромхозам. И не махай тут на нас оружием и не тычь, наши мужья, отцы и сыновья на фронте кровь за тебя льют. Подошедшие плотнее к майору бабы теснили его к вагону.

– Ты кого привез? Посмотри! Майор только сейчас трезво глянул в проем вагона и ужаснулся: от вида раздавленной замороженной головы парнишки и непонятной кучи людей, сидящих на полу. Он вдруг разъярился и заорал: Предателей привез, вот кого! А ну выходить всем из вагона! В ответ гробовое молчание. Грязные, сморщенные люди жались друг к другу, прижимали к себе плачущих детей, затравленно смотрели на него и молчали. – Кто тут старший? Кто говорит по-русски? – сообразил, наконец, майор. Из кучки людей с трудом приподнялся на ноги старик и, держась за край проема двери, поклонился:

– Слушаю Вас начальник!

– Объясни своим бандитам, что путешествие закончилось, всем выходить из вагонов. В первую очередь выходят мужики.

Старик повернулся к своим и что-то сказал. Сидящие заколыхались, но не вставали с мест. Потом он повернулся опять к майору и спросил: Куда мне идти? И как сойти на землю, лестницу давай?

– Ты мне зубы не заговаривай, скажи чтоб мужики выходили!

– Вот он я, и три такой мальчишка.– он показал себе на пояс. – Четвертый тут лежит, – и он показал на труп с разможенной головой. Остальные в дороге померли, на насыпь их выбросили. Одни старые женщины и дети, тут и я. Только сейчас немного протрезвевший майор стал что-то соображать. – Смирнов, Ломакин! Осмотреть вагон и доложить! Здоровенные парни быстро заскочили в вагон и, затыкая носы рукавицами, осматривали вагон и людей, сидящих на полу. Мужиков не было, кроме стоящего старика. Соскочивший солдат что-то тихонько шептал на ухо майору и тот на глазах стоящих рядом баб – возниц наливался краской все больше и больше.

– Пить люди хотят, у нас два дня не было воды, – напомнил о себе старик. – Люди пить и есть хотят, сильно ослабли.

– Да? – удивленно посмотрел на него майор. Что ж, пусть едят и пьют, кто им не дает? Смирнов, Ломакин! Освободить от этих вагон!

– А куда их дальше? – смешался Смирнов.

– А местное начальство разберется! – и он издевательски ткнул автоматом в сторону баб – возниц. – А вам очистить вагоны от этих! – заикался он, и сверкнув глазами рывкнул: – Ясно?

– Так точно! – вытянулись солдаты. А майор, повесив автомат на плечо дулом вниз зашагал к приземистому зданию с огромной шапкой снега на крыше. Над дверью здания была прибитая вывеска, которая извещала: «СССР – Восточно-сибирская железная дорога отделения Красноярского края. Станция Камарчага». А стоявшие бабы вдруг загалдели и стали спорить, разве из полумертвых людей могут быть работники? Как их везти за 30 –40 километров на открытом морозе в 40 градусов? Их надо к кострам, отогреть, отпить. Боже, за что на нас свалилось такое горе? Война, и вот тебе еще несчастье, эти калмыки. Рыдающая бабенка наказывала другой: Марья, ты смысленей и ловчей меня, давай езжай в ту часть, которая призывников обучает. Обскажи все доходчиво, пусть пригонят сюда полевую кухню. Чай горячий надо и каша. Ефимов там капитан – он поймет и поможет. А мы тут хоть чем-то поможем людям. Раскатали губы – работников нам привезут взамен наших. Ага. Тут спасти их сначала надо. Потом разберемся, кто какой. А этот боров красномордый заморил людей в дороге! – погрозила кулаком она вслед ушедшему майору. Майор не успел дойти до здания станции как к нему навстречу вышел хромой с палкой, сухой мужик в шинели железнодорожника в нахлобученной по самые глаза мохнатой шапке.

– Слышь, друг, где начальника станции разыскать можно? – осведомился у него майор.

– А вот он я, чего искать?

– Может зайдём для разговора? – кивнул майор на здание.

– А чего заходить? Потом почаюем, а сейчас пошли смотреть чего привез.

– Да вот бумаги, тут все ясно, бери, подписывай, и точка, – и он пошевелил планшетом.

– Ну, не на морозе же писать, сам же говоришь. Посмотрим, сверим, тут, брат. Дело небystрое.

– Слышь, ты, бумагоед, посмотрим, сверим! – дыхнул на железнодорожника перегаром майор. – Вы тут в тылу, а мы там...

– Где? – прищурился хромой.

– На фронте! Вот где! – замотал он головой.

– На фронте говоришь? – ощерилась мохнатая шапка. – А я где был? И в награду что за это получил? – И он, задрвав штанину, обнажил уродливый ботинок с какой-то трубкой, идущей

к колену. Очевидно, это был протез тех времен. Только сейчас майор заметил, что одна нога его была в валенке, очевидно здоровая, а протезная с уродливым ботинком.

– Под Москвой оставил, сам чуть не лег там!

– Ну, извини, брат, все равно соблюдение субординации необходимо.

– А что я х..х..хвост собачий? Я тоже майор, так что не суй мне под нос свои погоны.

Майор охраны вконец смешался и закашлявшись искал выхода из неловкого положения. Выручил его сам начальник станции.

– Значит так. Согласно военному времени докладывать должна прибывшая сторона, как и подчиняться. Ясно?!

– Ясно! – приложил руку к виску майор. – Разрешите доложить? – вытянулся он.

– Да ладно тебе. Пошли все увидим, потом бумаги посмотрим. Все равно знаю что все перепутано. Актов о смерти и снятых с поезда наверняка нет. Так?

– Так. Откуда знаешь?

– Знаю. Там наверху сгородили приказ, вы копытом рыли землю – старались выполнить.

Скотину милый мой к нам лучше возят, чем вы людей.

– Откуда знаешь? – побагровел майор.

– А знаю вас!

– Кого?

– НКВД.

– Ну, и?

– А ты не нукай! Четвертый эшелон за вторые сутки людей хуже скотов привозите из Калмыкии и охрана одна. И сейчас поди трупов пятьдесят привез? Да поди старики, старухи да ребятишки одни. Нашли врагов. Лучше бы всех энкавэдэшников на фронт, лишняя дивизия была бы.

– Ну ты! – схватился за автомат майор.

– Остынь! – взмахнул невесть откуда появившимся в руке пистолетом железнодорожник. Так они и стояли, сверля друг друга гневными глазами. Первым убрал пистолет хромой и сплюнув: Дурак ты, братец! – похромал к составу, потом обернулся к майору и сказал: – Ты можешь со мной не ходить, сам разберусь и подпишу любые твои бумаги. Вы тут навезли людей, а зачем и сами не знаете, половину в дороге угробили. Нам расхлебываться во всем. А вы – фью-ить и назад.

Майор НКВД понуро поплелся сзади..

– ...А еще половина угробится, пока мы их устроим. Жилья-то нет, эвакуированными жителями с областей боевых действий все забито. А слышь, охрана? Хочешь знать за что этих степняков сюда привезли? Знаю, за измену..Ну это в приказе постановили так. А на самом деле за то, что калмыцкие конные полки, – а это кавалеристы с саблями, не смогли противостоять фашистской танковой дивизии. Смешно? Смешно. Вот за эту чью-то глупость расплачиваются они, эти люди.

Ну ты знаешь, нам с тобой так рассуждать нельзя. – вяло заключил майор охраны.

– Не знаю! А вон и районный бог приехал, – махнул на подъезжающую к составу полуторку начальник станции.

– Кто? Кто?

– А первый секретарь партии Манского района.

Майор охраны серьезно струсил. Крути не верти, а первый секретарь, самое малое полковник, да и хромой майор – люди-то свои. А у него столько недочетов при перевозке спецпереселенцев, пальцев рук и ног не хватит для перечисления.

– Слышь, браток, ты того, извини меня. При первом не выясняй, что и как у меня было. Не вернешь уже того, что произошло. Да и не во мне причина, ам понимаешь. Другой был бы, может, еще хуже было бы.

– Да куда уж хуже.. – дернулся хромой. – Тут второй эшелон «Улус» пришел, ну и капитан охраны его пустился права качать примерно как ты. Ну ты хоть что-то понял или прикинулся что понял, а тот буквально глотки всем рвал, стрельбу открыл. Ну и полсостава людей заморозил. Ты знаешь, нашли его вчера замерзшего вроде как по пьянке. Не уехал назад... Сколько людей живых привез? – вдруг строго спросил железнодорожник.

– Мертвых посчитаем, – скажу, – опустив глаза, тихо ответил майор. – Слышь, а куда мертвых девать?

– А вон видишь на отшибе сарай, пусть твои молодцы определяют их туда пока. А там разберемся. Но только слышь, охрана? У тебя будет все в ажуре, если мертвых устроите

туда и вагоны почистите, мне обратно в этих вагонах груз на фронт отправлять. Идет?

– Идет. – быстро согласился майор охраны.

– И еще. Коль недогрел людей в дороге, теперь обеспечь костры для обогрева людей, пока готовится чистка вагонов и ваша отправка. Ведь назад отправлять вас буду я. Понял? Ну, значит все. Пошли к богу партии. Ведь отсюда растолкать людей по нужным местам – головная боль еще больше твоей. Транспорта нет. Основная сила и надежда – это бабенки на лошаденках. Сумеют вывезти людей отсюда при трескучих морозах – хвала им и честь. Вон видел сколько техники? Два трактора – ЧТЗ, да полторка... Вся техника на фронте. А если где в леспромхозе и есть в лесосеке какой тракторишка, так он за 40-50 километров не доползет сюда. Район большущий, на сотни километров. Бездорожье, снега сплошные, сибирская глухомань. Удивляюсь, как это ЧТЗ из Орешного Катька пригнать сумела. За мазутом приехала, да попутно рабочую силу назад привезет, если найдет кого годных из калмыков. Ведь дорог совсем нет, а сейчас снегами все занесено.

– Слышь, товарищ майор!

– Да ладно тебе навеличивать, Петром Савельичем зови.

– Вот и говорю, Савельич, а что если мы эту Катерину, как ее по бабюшке, попросим помочь нам, а потом и мы ей поможем?

– Катьку по бабюшке? Да ей чуть более восемнадцати, – усмехнулся железнодорожник. – На фронт сбегала – вернули, здесь нужны трактористы лес для фронта заготавливать. Семь братьев у нее на фронте. Половина полегло уже. Ну а че хотел-то?

– Видишь какое дело... Хоронить-то людей все равно надо будет. Так вот где там у вас кладбище или где их хоронить будут? Туда сразу перевезти на тракторных санях? Только трактор с санями, а погрузка – разгрузка – мое дело, и похоронить тоже поможем.

– Совесть мучает? – энкавэдэшник скрипнул зубами и опустил глаза.

– Слепили приказы, правильно ты сказал: рыли землю копытом, выполняя их. А теперь буду рыть могилы! У меня три дня есть, все сделаю.

– А чем Катьке-то поможешь?

– А вон видишь сани-то у нее какие? Два бревна, да настил кое-какой, бочки еле стоят. А мои солдаты сделают на сани высокий кузов – ограждение. Досок вижу у вас валом. Туда сенца или соломы накидай, сади людей, доедут за милую душу.

– Дело, охрана, говоришь. Скажу об этом первому, поможет он тебе снять грех с души. Хотя, грехи дело вечное... Откуда мысль такая появилась?

– А в Воркуте на лесоповале работал, видел такое.

– Ладно, первый сам идет сюда.

Усталый, пожилой мужчина в добротном полушубке, каракулевой шапке, в галифе и валенках, первым протянул руку обоим майорам.

– Что будем делать, Петр Савельевич? Мертвых спецпереселенцев много, что сильно действует на психику людей, как прибывших, так и местных.

– А вот товарищ майор, сопровождающий этот поезд, предложил погрузить всех мертвых на тракторные сани и вывезти прямо к месту захоронения.

- Дельное предложение, товарищ!
- Только, Андрей Васильевич, место захоронения надо вам определить.
- А чего определять? От ограды кладбища отмерь двести метров и хорони. Количество человек, их фамилии и даты – ко мне на стол.
- Врача надо, – добавил начальник станции.
- Врач есть из моей команды – поспешил майор охраны.
- Вот и чудесно. Быстрее готовь этот состав, Петр Савельич, для погрузки кавалерийского полка. – и первый секретарь глухо кашляя повернулся уходить.
- Андрей Васильевич! Из дальних леспромхозов и колхозов за спецпереселенцами никто не приехал. Их скопилось здесь уже больше тысячи. Боюсь, люди начнут мерзнуть намертво и костры не спасут. Первый секретарь глядя в почерневший снег произнес: Будем изыскивать возможность для вывоза их отсюда. А куда и сам не знаю. С другими районами будем созваниваться, может туда возьмут. А главное чем вывозить, нет техники... – махнув рукой, он пошел концу состава, где еще шла разгрузка людей.
- Теперь понял, охрана, какой подарок вы нам подкинули?
- Ну, в этом «Вы» я небольшой винтик.
- Ладно, не оправдывайся, ты тут тоже наломал дров. Хочешь остаться живым – слушай меня!
- Ты что, Савельич! Что скажешь, все сделаю.
- Значит так. Срочно дай команду, чтобы из вагонов выгружали только живых людей. Мертвых оставлять в вагонах. Как только живых выгрузишь, состав отгоним вон туда, за поворот. Вот там и будешь разгружать свои грехи. Учти, когда начнет двигаться эшелон, люди побегут за ним, не так просто оторвать живых от мертвых. Всех выгруженных из вагонов стоняй вон туда к последним кострам, дальше от хвоста поезда и чтоб охрана не проморгала, сдержала толпу. Потом доставишь охрану на полutorке к месту разгрузки. Сейчас первому скажу, чтобы он трактор с Катькой отправил туда. Пока она доползет по снегам, как раз и твое время подойдет. Смотри, майор, поступи умно, при сдерживании толпы объясни своим воякам. Не вздумай открыть стрельбу, трупов здесь будет еще больше, больше тысячи народу здесь собралось. Многие уже поняли, что половине из них здесь будет крышка. Хоть старухи и бабы – здесь в основном калмыцкие, но глотку порвать тебе найдут способ. Здесь они на воле, не запертые в вагоне, и многие говорят не даром, все равно нам умирать, так что думай!
- Спасибо тебе, Савельич. Учту, постараюсь
- Ну, а мне там делать пока нечего, пойду к первому, объясню ситуацию, ведь не зря он тоже переживает за мертвых. И еще, Катьку никто не заставит возить мертвяков, если только первый секретарь не прикажет: она ведь по своему заданию приехала. Выделили там ей в дорогу каких харчишек, а то она последний кусок хлеба калмыкам отдаст.
- Все сделаю! – и майор охраны побежал к вагону, откуда неслся дикий крик. Двое солдат никак не могли оторвать калмычку средних лет очевидно от дочки лет четырех. Девочка была мертва, уже несколько дней назад, судя по ее посиневшему лицу и ввалившимся глазам. От нее шел нехороший запах. Обезумевшая мать намертво вцепившись в ребенка иступленно визжала: -Бичкэ! (керго) – не надо! Не надо!
- Солдаты нерешительно толпились около нее, брезгливо прикасаясь к ребенку. Из вагона уже вышли все, кто мог выйти сам и даже были вынесены плохо ходячие. Осталось лежать несколько трупов в дальнем углу, и вот эта калмычка портила всю погоду.
- Слышь, Леха, я щас ее вырублю по затылку, а ты сразу выдергивай заморыша и в угол его, а ее долой из вагона. Ты видишь на виду мы, в дверях, люди смотрят, поди знай кто они. Давай, тащим ее из дверей долой!

Калмычка продолжала кричать. Подбежавший майор живо оценил обстановку и зашипел на солдат: Вы что, отродье блядское, совсем оупели? Отпустите ее, пусть к кострам идет, там десятки таких. Женщина, выходите, никто не тронет вашего ребенка!

Калмычка замолчала, и подавив рыдания сказала чисто по-русски: «Спасибо!», выскочила из вагона и скоро затерялась в толпе.

– Быстро проверить все вагоны и закрыть их на петли! Мертвых разгружать будем в другом месте. Вы двое должны в тамбуре последнего вагона быть и никто больше. Ясно?

– Так точно! Бегом с первого до последнего вагона все проверить. Если кто по дурости на насыпь мертвых выгрузил, погрузить их обратно в вагон. Уезжаете с поездом вон за тот поворот только вы двое, остальные сдерживают толпу. И не вздумайте стрелять в людей. В крайнем случае в воздух. Потом мы догоним вас. Оповестить всю охрану. Я к машинисту паровоза. – и майор побежал к паровозу, изредка останавливаясь среди своих солдат и что-то им приказывая. Первый секретарь со своим помощником, взобравшись на кучу дров и поворачиваясь во все стороны, громко закричал:

– Граждане, спецпереселенцы! Слушайте внимательно! Прошу вас, кто хорошо говорит и понимает русскую речь, подойти сюда поближе! Передайте своим кто далеко от меня!

Тысячная толпа заколыхалась, в разных местах ее послышалась громкая калмыцкая речь и со всех сторон сюда заспешили в основном молодые и средних лет калмычки и старики. Натужно выбрасывая впереди себя костыль пробивался в солдатской шинели и молодой калмык. На шинели была приколата медаль, которая неимоверно болталась при его дергающейся ходьбе. Увидев, что к нему подтянулось человек до пятидесяти, первый секретарь вытянул вверх руку и потоптавшись на куче дров развернулся лицом к поезду. Люди тоже невольно разворачивались к нему лицом, но к поезду были спиной. Оглядев собравшихся, первый секретарь громко начал свою речь.

– Граждане, спецпереселенцы! Мы с вами оказались в одной беде, которую напустила проклятая война. Я не буду разбираться по какой причине вы оказались здесь, понеся огромные потери. Точно также мне не объяснить вам, какие потери понесли наши сибирские дивизии под Сталинградом и Москвой и на всех фронтах Великой Отечественной войны за эти годы с фашистскими гадами и весь наш советский народ. Придет время все будет подсчитано. История определит кто был прав, кто виноват. А сейчас надо жить, работать, помогать фронту. Я вижу, среди вас нет работоспособных мужчин – ваших мужей и сыновей. Они на боевом или трудовом фронте. Точно так же и у нас, куда вы прибыли, все боеспособные мужчины на фронте. Многие из них погибли, защищая Родину! – развернувшись боком, первый секретарь увидел что лязгнув буферами поезд начал тихонько двигаться. Охрана, держа автоматы наперевес сыпанула с насыпи и стягивалась ближе к хвосту поезда. В толпе послышались крики, началось движение. Многие побежали к поезду. Навстречу им неслась охрана, выставив автоматы с криками: – Назад! Назад!

И вдруг как по команде охранники остановились и припав на колени в снег дружно повели автоматами по толпе. У первого секретаря засосало под ложечкой до противной тошноты. Неужели будут стрелять? Бежавшие к поезду также враз остановились, а поезд, набирая скорость, уходил все дальше и дальше за поворот и вскоре скрылся из виду. Солдаты поднимались, отряхивали снег с колен и повесив автоматы за спину не оглядываясь поспешили к полutorке, которая вскоре увезла их в направлении ушедшего поезда.

– Уф-ф! – выдохнул первый, вытирая потный лоб. – Граждане спецпереселенцы! Ваших сородичей похоронят вон на том кладбище, – он указал рукой куда ушел поезд. – В целях соблюдения санитарии прошу не препятствовать выдаче умерших. Мы постараемся побыстрее определить вас на постоянные места жительства. Но нет транспорта, нет техники. Все ушло на фронт. Вы должны помогать нам. В ближайшие селения человек по сорок – пятьдесят можете сами дойти пешком, только чтобы с вами обязательно были люди, говорившие по-русски. А

сейчас военные привезли полевые кухни, где вы можете получить пищу и чай. Не стремитесь долго оставаться на этой станции, у костров. Надо как-то устраиваться. Прошу вас, переведите мою речь своим сородичам. Полевые кухни здесь пробудут только два дня и укатят на фронт со вновь сформированной частью. Я первый секретарь КПСС Манского района. Зовут меня Андрей Васильевич. Вон там в десяти километрах – районный центр, село Шалинское – большое село, вокруг которого много совхозов, колхозов и леспромхозов. Поедите, двигайтесь в том направлении, там везде люди – помогут. А эта станция – Камарчага, маленькая деревушка, здесь вам никто ничем не поможет. Здесь погрузка – разгрузка и до свидания. Запомните мои слова: вам здесь жить с нами, назад не уехать. Сейчас вы без всякой охраны разойдетесь по селам, некоторых вас отвезут кто приехал за вами. Там на местах вас возьмут на учет. Бежать отсюда невозможно. Снега, морозы, далеко. Да и везде на станции охрана – патрули. Всего вам доброго! – и первый секретарь спрыгнул с кучи дров. К нему смело подошла средних лет калмычка и на чисто русском представилась:

– Здравствуйте, я Менга Манджиева, медицинский работник. Вон там под навесом начались роды у молодой матери, чем могу тем помогаю.

– Вот и хорошо, будет первый новорожденный калмык на сибирской земле, – заулыбался первый секретарь. Сейчас, я вам выделю повозку и вы прямиком в госпиталь в районный центр, попутно возьмите еще того, кто поместится. И поискав глазами по сторонам он поманил за собою калмычку. Подойдя к молодой бабенке, стоящей около лошадиной повозки, он поздоровался и спросил:

– Откуда?

– Из Сосновки.

– Хорошо. Роженицу надо в госпиталь Шалинский отвезти – вот врач, ну и еще кого-то она возьмет.

–А мне работники на свиноферму нужны.

–Вот и хорошо. Отвезешь, вернешься, наберешь кого хочешь. А потом через недельку за роженицей приедешь. И ее с собой прихватишь, так, Менга?

Та внимательно посмотрела на женщину – возчицу:

– Фельдшерский пункт есть у вас?

– Нету, милая.

–Организуем. Спасибо вам.

И калмычка смело подала свою руку первому секретарю. Тот пытливым взглядом посмотрел ей в глаза и сняв рукавицу встряхнул ей руку.

– Ну что, поехали? – и женщины, подмяв под себя солому на санях, поехали к навесу.

– За что же все-таки их сюда прислали? Женщин и детей. А мужиков что, неужели, расстреляли? – терзался вопросом районный бог партии. – померзнет их тут половина.

Слышь, Иван Сергеич! – обратился он к своему помощнику – толстенькому невзрачному человечку. – Картина тебе, надеюсь, здесь ясна? Этих азиатов или кто они там, надо во что бы то не стало растолкать по деревням, колхозам и леспромхозам. Рассеять эту толпу по району, короче. А там уже с местных властей будем спрашивать. Через два дня чтобы здесь ни одного ни живого, ни мертвого не было. Магистраль железнодорожная центральная, проверочных глаз – тьма, под суд загреметь – в одну секунду. И уж с нами нянчиться как с этими калмыками никто не будет, к вышке и точка. Уясняешь себе?

– Так точно, Андрей Васильевич! Ну а по району мы сами боги, какие сведения дадим, такие и будут.

– С Рождеством Христовым вас! – раскланялась с ними пожилая возница.

– Ё мое! Сегодня же и правда второй день Рождества – оглядываясь по сторонам заключил районный бог партии. – За что вчера пили на заимке я так и не понял. До сих пор не пойму,

как ты узнал что я там. Такую бабу пришлось оставить. Не мог ничего придумать, обязательно меня дергать?

– Мог бы, мог. Только сегодня бы уже наверное мы с тобой под охраной¹ ехали в Красноярск.

– Иди ты! – изумился первый.

– Третий день крайком обрывает телефоны – доложить обстановку в районе по прибытию эшелонов «Улусы» и расселению их по району. Кстати, и сегодня в 16.00 прямая связь с крайкомом партии.

– А ты чего им вкатывал?

– Ну че я мог им сказать как не правду?

–Иван! – поперхнулся первый.

– Да успокойся Васильич! Еще после первого звонка – позавчера, сразу позвонил я Кузенкову.

– Кому, кому? – потирая лоб спросил первый.

– Начальнику Камарчаги – Петьке хромому.

– Ну и?

– Крайком звонил и на станцию. Майор им исправно отвечал, что ты в гуще событий по приему «улусовских» эшелонов и распределению калмыков по району. Последний раз разговаривал я с крайкомом партии, они настоятельно попросили – приказали, чтоб ты в 16.00 сегодня был на проводе. Так что ты правильно Васильич врубился в события. Оттуда сверху тоже приказали, чтоб через два дня на станции не осталось и духа калмыцкого. А ведь еще будут эшелоны подходить.

– Да ты что? – первый схватился за голову.

– Не печалься, Васильич, расхлебаем эту кашу, главное спихнуть их со станции. Спихнем. Морозец поможет.

– А, ну как работается? – пошел первый навстречу к начальнику станции.

– Да вот, такие дела! – развел руками Кузенков.

– Не тяжело? – поинтересовался первый секретарь.

– В сторожах тяжелее, и все время на морозе, и башку могут проломить.

– Хорошо, что понимаешь, Петр Савельич.

– Ну, я поехал, в 16.00 крайком на проводе, сам понимаешь, люди мы с тобой партийные, один воз везем. Тут Иван остается, решайте все тут разумно, людей на помощь подошлю. Колхозы пошевелю, пригонят повозки куда не денутся. На повозки садить самых немощных, здоровые пусть идут пешком. Главное спихнуть их со станции.

– Само собой! – буркнул майор.

– Ну все. Да тебе могут помочь вояки, отправляющиеся на фронт. Прежде чем грузить их в эшелоны, с лошадьми и техникой ставь им условие- отвезти в райцентр двести – триста азиатов. Военные люди изобретательные, сообразят как это сделать. Ведь площадка под погрузку всего на два – три вагона, остальные ждут, дурака валяют. А так доброе дело сделают и погрузиться успеют.

– Добро, подумаем. А что там за шум?

– Да кормежка началась, люди в драку лезут, не столько есть сколько пить. Чай для калмыков дело важное. Иван Сергеич! Что тут у нас по питанию спецпереселенцев?

– Все нормально, Андрей Васильевич! Все согласно приказов и указанных сумм. Первый эшелон правда был накормлен с опозданием, запоздала информация о прибытии, и военные запоздали, пока с полевых учений прибыли. А так Ефимов вовремя доставляет полевые кухни. Ну пища скажем не ресторанный, может и не до пуза, но кипяток организованный Кузенковым есть день и ночь. Пятисотлитровый котел у дальних костров, прямо у водокачки бурлит и сено там же.

– А сено-то для подстилки?

– Не только. В основном для чая.

– Как?

– А так! Завари в котел охапку сена, соли брось туда и калмыцкий чай будет готов.

Молока говорят еще надо добавить.

– Ишь ты! Непременно попробую.

– Напробуемся еще много чего. Новые люди. Много чего нового неизвестного увидим.

Чумы не натащили бы сюда, или болезней каких неизвестных. Вот тогда попляшем.

– Ладно, Бог не выдаст, свинья не съест. Война думаю скоро закончится, сейчас 44й, да и фрица уже поперли во многих местах так, что только пятки сверкают. Но впереди еще много беды будет, ох много! – вздохнул Кузенков.

– Ладно, не паникуй. Поехал я. Работайте. – и первый секретарь распахнул дверку полуторки, которая сразу рванула в сторону райцентра.

– Мог бы в пустой кузов человек двадцать посадить!

– Ща-аз, Петенька! Первый секретарь района это бог района, а бог должен иметь авторитет и недоступность.

Глава 2

Громадное сибирское село – Шалинское, своими деревянными избами и хозяйственными постройками словно покрывалом – шалью было накрыто множеством оврагов и бугров, спускающихся почти вплотную к болотистой речушке – Верх-Есауловке. Непонятно почему, но люди упорно строились в неудобьях, натаскивая землю на рытвины и промоины. Село словно скатывалось вниз от ровных нормальных земельных угодий, спеша застроить многокилометровый уклон, изрезанный оврагами и морщинами. Так и осталось загадкой, почему это село оказалось в стороне от известного московского кандального тракта и транссибирской железнодорожной магистрали, проходящих всего в десяти километрах от него. Село старинное, со времен Ермака, и не каждый знает, что из маленькой деревушки, а некоторых пор и станции – Камарчаги, есть хоть и трудная, но проезжая дорога в Саяны, проходившая прямо через центр села, через болотистую низину и речушку по длинному деревянному настилу, устроенному на сваях. Мост был важной артерией связи с далекими таежными селениями, куда убегала дорога. А таежный край – богатый край – деловой древесиной, зверьем – пушниной, различными рудами, не говоря уже о кедровом орехе, ягодах и грибах. В старину из этих мест хаживали через Саяны и в Монголию. Может быть и скрывало это село собой дорогу в манящие далекие страны. Кто его знает. При советской власти это село приобрело статус районного центра. До центральных дорог недалеко, удобно вывозить зерно, скот, древесину, взамен получать технику, необходимый для жизни провиант и материалы. А главное, по реке Мане, протекающей почти посередине района, плавать себе лес из самых глухих уголков тайги района, прямо в Красноярск. Удобно, прямо в центр края. Вот и назвали этот район Манским. По реке Мана.

В военные годы, как в гражданскую, так и в Отечественную, в Шалинском формировались полки для отправки на фронт. Пешим шагом десяток километров – и прямо в эшелоны. Затаскивалась сюда в мастерские покоренная техника с мест боев, приводилась в порядок, испытывалась и с новыми солдатскими расчетами уходила назад, в бой. Жизнь здесь бурлила, как в водовороте. Переполненные тыловые госпитали на справлялись с лечением солдат, особенно тяжелых. Куда их? А вот в такие места. Да и легко ранение, быстрее здесь лечились, вдали от грохота. Вроде как и дома побывали, да и попутно попадали во вновь сформированные части. Около госпиталя всегда было полно народу. Крутились вечерами девчата – молодость-то брала свое. Чуть подвыздоровев, солдатик еле-еле ковыляя, уже считал себя обязанным познакомиться и погулять с девчонкой. Сюда приезжали на лошадях, с бочками и забирали отходы из столовой для свиноферм из рядом лежащих деревень. Да и чего греха таить, много чего годного находили местные жители в пищевых отходах. Годы-то были голодные и граммы хлеба – 200 на иждивенца и 400 на работающего в сутки – были без приварка, как глоток воды в пустыне. Шла война. Была жесткая карточная система на продукты. Давалось столько, чтобы человек только был живой. Кто-то терял их, кто-то грабил. Кто мутнеющим взглядом смотрел как малолетние дети собирали со стола хлебные крошки ее дневного пайка. И на вопрос: – А ты ела, мама?

Отвечала: – Да, детки, ешьте, ешьте, завтра еще будет. А до завтра не доживала с голодухи. Все было. А кто-то жировал, и боясь показать свою сытую жизнь людям, скармливали хлеб и другие продукты собакам. Как же так получилось? Вот война идет два с половиной года, а крупы, сахар наглухо исчезли. А такая необходимость в хозяйстве, как иголки, нитки, пуговицы, гвозди и всякая мелочь, за что ни кинься, – будто и не производили их никогда. А у спекулянтов были. Втридорога. И лекарств – никаких. А как жить дальше? Мужиков почти в каждом дворе поубивало, или пропал без вести – ну, тут хоть какая-то надежда была, хоть и ненадежная. Поползли слухи, попал если в плен – враг народа. Останешься живой или нет – неизвестно. Многих расстреливали. Вот с такими невеселыми мыслями тянула за веревку

санки с грузом молодая бабенка. В гору санки тянуть было тяжело и сзади палкой их подпирал ее старший сын девяти лет, молча сопел и хлопал носом. Другой, семилетний, закутанный в большой платок с головы почти до колен, семенил рядом то с одной стороны, то с другой, и постоянно канючил:– Мамка, ись хочу, и ноги замерзли. Вон Тольку-то везешь, ему хорошо. Ты глухая че-ли, все молчишь? А нас зачем разбудила? – злился малыш. Мать наконец остановилась, подошла к санкам, отвернула в изголовье отдушину и увидев закуржавевший иней вокруг лица и на ресницах младшего четырехлетнего сына, укутанного в ряднину и привязанного к санкам, прошептала:

– Живой, Толичек?

– Больно мама!

– Терпи, терпи, скоро уж!

– Опять бинты отдирать? – скривился ребенок.

– Не мой родной, не! Не дам!

– Не давай мамочка! – задергался в плаче ребенок.

– Колик, Вовик! Мы не дадим срывать бинты?

– Толька, ты че! Мы не дадим тебя обидеть, – враз подскочили братья и нагнулись над ним.

– ПодЫхайте на няго, и ён успокоиться.

Братья шумно задышали в отдушину и меньший захихикал:

– Хватит, сопли капаят!

– Ну, будя! – и мать из рукава фуфайки достала тряпочку и вытерла личико меньшего.

– Мам, а почему ты белоруска? – вдруг выпалил средний.– Мальчишки дразнят нас. Белорусы жопы русы.

– Ай, маленькие мои! – обняла она обоих. – Тятя ваш русский, а я белоруска, все равно мы русские, христиане мы. Ня слушайте вы никаго. Вы сибераки!

– Ой, мамка, когда ты научишься по-русски говорить?

– А вот Толичек оздоровеет и научусь. Вы поможете. А куда хадИм детки, а то замерзнем. И закрыв отдушину на сыне, она потянула вновь санки дальше. Идти стало легче, подъем закончился. Мороз пробирал до костей. Январский, трескучий, сибирский. Маришка горестно вздохнула, взглянула на свинцовое небо, которое только-только начало светлеть и заспешила, хрустя по снегу подшитыми валенками. Ребятишки ягнятами бежали с обеих сторон. Она побоялась оставить их в нетопленной избе, да и топить уже было нечем, вся изгородь огорода была разрублена на дрова. Лес был не очень далеко, но зубами дерево не прогрызешь, пилу со двора кто-то утащил. Топор затупился. Росшие кусты у речки (ивняка и черемухи) можно было как-то рубить, но проклятое болото, плохо замерзающее даже в крепкие морозы, поглотило безвозвратно не одну душу и она запретила ребятишкам подходить туда. И они с гурьбой мальчишек днем ходили в лес за сучьями. Но что мог принести семи-восьми лет ребенок сквозь глубокие снега? Что-то несли, обмораживались. Хорошо если мать была дома или вместе с ними. Могла помочь, растереть. Ценился гусиный жир. Меняли на последний кусок хлеба. А если матери были на работе, обмороженные носы, щеки, уши кровоточили месяцами.

Маришка ходко шла, часто оглядываясь на санки и изредка предупреждала бегущих-то рядом, то сзади ребятишек, норовивших подъехать на санках.

– Помилуй бог, садиться к Толичку нельзя, вавки у него будут, кровушка поидеть. Тоды точно бинты сорвуть.

– Все Толичек, Толичек! – ревниво заныл опять средний пацан.

– Ой Колик ты мой Колик! – знал бы твой батька, яка бяда и жизнь у нас, из-за проклятых фрицев. А може где живой ён, у госпиталях где лежит? Можя, ошибка вышла с похоронкой? Так уже два года как пришла. И тихо зарыдав, она засморкалась в рукавицу.

– Колька, щас как дам пинка, зачем мамку расстраиваешь? – дернул его за рукав Вовка.

– Не дяритесь детки, скоро доедем. – Расстроенная женщина мучалась воспоминаниями.
– Эх, Сенечка, ты мой родной, как же ты не уберег себя? И я без тебе деток не могу уберечь. Дочечку Манечку в прошлом годе в мерзлу землю закопала. Не сберегла я ее, – давила в себе рыдания Маришка. – Крошечкой ты яе оставил и двух лет не прожила деточка. И кормить нечем, и работа проклята, догляда нету за детками. Глотошная задавила Манечку. Ох, Господи ты мой, почему ты допустил это? А тут с Толичком бяда стряслась, обварился кипятком малец. Божачка, ты мой Божачка, как теперь оздоровить яго? Мучаюсь сама, мучаю деток и яго.

Оглянувшись назад она увидела, что сыновья недавно бежавшие рядом изрядно отстали от нее.

– Ой, чаво это я задумалась. Хадим, детки, хадим» – приостановилась она.

– Устали мы мамка.

– Недалече уже, потерпите.

Голодные, усталые ребятишки подошли к ней и они уже не спеша похрустели снегом дальше. А Маришка никак не могла выбросить из головы тот день, когда произошла трагедия с ее младшим сыном. За три дня до нового года она поздно пришла с работы с ночной смены домой. Во-первых, смена закончилась почти в восемь утра. Во-вторых, домой топать никак не меньше часа. Ей шли на уступки, и в ночную смену ставили редко. Но она часто просилась в ночную сама. Отдохнув часок-два после ночной она могла что-то сделать дома днем. И дров заготовить, и постирать, за ребятишками приглядеть, накормить как-то. В тот день, придя с работы, она первым делом кинулась топить печь. Изба за ночь выстудилась и ребятишки вставать не спешили. Баловались в постели, хотя старший всегда, вставая, затапливал ее сам. Она боялась пожара и не настаивала, чтобы печь топили дети. Но потом привыкла, да и дети были понимающими, рано взрослели из-за голодной жизни. Ребятишки терпеливо ждали пока мать варила овсяный кисель. В избе стало теплее. Ребятишки вылезли из постели, оделись и толкая друг друга умывались у рукомойника. Мать вылила в алюминиевую чашку кисель, разрезав кусок хлеба на три равные части, положила на стол три деревянных ложки.

– Седайте снедать детки. Кисель горячий, дуйте. Толичека не обижайте.

– А ты, мам?

– А я... Я на работе снедала.

И Маришка взяв ведра пошла к речушке за водой. Ребятишки хихикали, отщипывали крошки хлеба, отправляли в рот, посасывая их – наслаждались.

Володька на правах старшего заявил:

– Поровну хотите кисель лопать?

– Хотим, хотим! – взялись за ложки младшие.

– Тогда берите ложки и загораживайте в чашке свою часть. Колька, сколь ты хочешь?

Тот сузил глаза примериваясь и воткнул ложку в середину жидкого киселя чашки.

– А ты, Толька?

– А я вот столько хочу! И он поставил ложку Еще дальше середины чашки.

– Ого! Мне совсем мало осталось! – с напускной обидой сказал Володька. – Ну ладно, пока горячо, ешьте потихоньку хлеб и держите свою долю киселя. Перемигиваясь и хихикая, Колька с Толькой жевали хлеб и закатывались в хохоте, наблюдая, как Володька спешно дул на кисель и жадно глотал его. На его носу выступили капельки пота. Вернувшуюся с водой мать ребятня, увлеченная каждый своим делом, не заметила. Поставив ведра, Маришка удивленно наблюдала эту картину.

– Колик, Толичек, а вы почему не снедаете?

– А мы потом свои доли съедим, щас Вовка свою долю съест.

– Ой! – взвизгнул Колька. – Он уже полчашки слопал!

– Ах тряся тваей матеряи! – дрожащими руками Маришка сдергивала с гвоздя полотенце. Мигом оценив обстановку, Володька сграбастал свой кусочек хлеба и юркнул под кро-

вать. Оставшиеся за столом братья молча принялись хлебать кисель, которого по оценке Кольки на двоихосталось меньше, чем слопал Вовка. Маришка суется и ругаясь, заглядывала под кровать, пытаясь извлечь оттуда нашкодившего сына. Но не тут-то было. Маришка разрыдалась и ткнулась на кровать.

– Божачка, ты Божачка мой, как мне дальше жить, чем кормить детей? На чугунной печурке стояло два чугунок с водой, один ведерный, другой поменьше. В ведерном чугуне варился щелок, просеянная березовая зола, кипятившаяся в воде, потом с полчаса отстаивалась и пожалуйста. Слегка мыльная вода годилась как для мытья головы так и для стирки одежды.

– Дров у печку подложи, неслух. – полусонно произнесла мать и отвернувшись к стенке заснула беспокойным тяжелым сном. Выждав еще минуту-другую, Вовка вылез из-под кровати и поглядев на мать подошел к братьям, сидевшим еще за столом, которые пальцами вылизывали чашку от киселя. Вытащив из кармана свой кусок хлеба, Вовка разделил его на три части и поколебавшись немного, один сунул себе в рот а два положил на стол перед братьями. Из-за вас мне попало! Дурачье, не могли уследить за своей долей! – зашипел он и тихонько дал обоим по подзатыльнику. Братья втянув головы в плечи не опечалились, а засунув за щеку по неожиданной удаче, заулыбались. Важно оглядев их он подошел к печурке и ощериваясь от жара подложил туда несколько поленьев. Поглядывая на спящую мать, он поманил к окну Кольку.

– Кататься на санках пойдём?

– А мамка?

– Она спит.

– А Толька?

– А его дежурным оставим, он любит дежурить. Снегиря пообещаем. И валенок у него нет.

– Давай! – охотно согласился Колька и стал одеваться.

– А вы куда? – готовый вот-вот разреветься Толька спросил.

– Дурак, снегиря тебе хотим поймать. Ни у кого нет, а у тебя будет. Хочешь?

– Да, да! – запрыгал пацаненок.

– Тогда дежурь, дома, ты старший. Если что, вон ухват у печки, ты же сильный, любого фрица завалишь. Матери не мешай, пусть после смены отдыхает. Можешь даже на столе сидеть и смотреть как мы катаемся, чтобы поймать снегиря. Хорошо?

– Да, да!

Пацаны оделись и тихонько вышли в сени. Взяв санки они не пошли под окнами на виду у Тольки, а ушли другой стороной, к уже гомонившей ребятней на горке. Толька походил по избе, выискивая что-нибудь интересное, но не нашел. Посидел он и на столе, пытаясь разглядеть братьев среди катающейся пацанвы. Не разглядел.

– Наверное, к лесу пошли, за снегирями.– решил он. – че-то долго ловят.

Устав сидеть без дела, он слез со стола и его взгляд уперся в ухват, которым мать выхватывала чугунок из русской печки. Толька взял ухват и попробовал кинуться с ним на воображаемого врага. Это был шестилетний Гошка – милиционера сын, который часто обижал его. Трудновато – но получилось. Тяжеловат был ухват.

– Авообще-то им чугунок таскают – рассуждал про себя пацан. И взяв ухват наперевес он решительно подошел к печурке. В маленьком чугунке вода еще не кипела, так как налита была недавно, а в большом уже пузырилась и пенилась. Толька с интересом стал наблюдать, как колыхалась поверхность резко пахнущей жидкости. Потом подняв над головой ухват стал водить им по пузырям. Интересно! Пузыри лопались и появлялись снова. Руки мальчонки устали и он захотел поднять ухват, чтобы вытащить его из чугунок. Но ухват все тяжелел и неожиданно стал тонуть в щелоке.

– Мамка заругает. – подумал растерянный пацан, и сквозь слезы и нестерпимый жар от печки он потянул его на себя, уже не поднимая вверх. Ухват своими рогами надежно закрепился за суженную горловину чугуна и выполняя правило рычага, стал медленно наклоняться в сторону пацана. Толька буквально повис от испуга на ухвате, чем довершил дело. Чугун опрокидываясь слегка плеснул жидкости на печку. Повалил вонючий пар. Потом окончательно опрокинувшись широким ребром на печку, он словно выплюнул полведра шелковистого кипятка на пацана, а остальную часть жидкости плескал на огненную печь. Душераздирающий детский крик пружиной подбросил Маришку с кровати. Вонючий пар и дым от воды навели ее на мысль, что в доме пожар. Схватив с пола недавно принесенное ведро воды она машинально плеснула его в сторону печки. Часть воды попала на катающегося по полу мальчонку, а часть на печь, которая изрыгнулась паром, как в бане. От пара в избе ничего не было видно. Толька отчаянно кричал. Мать наощупь нашла его и спотыкаясь об ухват выскочила с ним на мороз. Пацан корчился и дергался от боли.

– Люди, ратуйте, пожар! – кричала Маришка, обсыпая снегом тело сына. На удивление он стал затихать, открыл глаза, и всхлипывая спросил:

– мам, а че ухват такой тяжелый?

– Маленький ты яще сынок, большеньким станешь и ухват легче станет.

– Заскрипел снег и во двор, без верхней одежды засеменила Лысокониха. Че стряслось, Маришка? – Ой бядя, бяда, баба Маня, дитенок обварился, пожар у нас. Бабка живо протрусилась в раскрытые сени и избу, откуда еще валил пар, и поведя носом там, так же живо выскочила. – вытаскивай мальчика, а то простудится. Нету пожара. Щелок на печку опрокинулся. Вытаскивай мальчика, а то простудишь, раздевай и легкой простынькой прикрой. Я щас гусяного жиру принесу, смажем.

Маришка схватила сына, и отряхнув от снега понесла его в избу. Мальчонка метался, стучал зубами, кричал: ой, больно!

Пришла бабка Лысокониха и на удивление быстро и легко смазала ошпаренные места тела. В основном это были ноги и живот.

– Хорошо что он был без обувки, а то холодец бы получился. В больницу его надо.

Госпиталь там тепер, там помогут.

– Баб Мань, он же дотронуться до себя не дает.

– Ниче, ниче! Одевать его нельзя, обернем в простыню, закутаем в одеялы, шубу, к саночкам привяжем и с богом. А остальная армия где?

– Катаются поди, я ж с ночной уснула. Проспала, – зарыдала Маришка – всего полчаса поспала.

– Ниче, ниче, милая. Давай-ка собираться будем. Полдень ужо. Путь неблизкий. Печка уже обсохла, пар из избы вышел, но запах был сырой, банный. В сенях слышались какие-то шорохи и голоса, потом затихли. Я вилась старшие братья но почуяв что-то неладное заходить не решились. Маришка металась по избе, собирая нужные вещи в дорогу. Толька закатив глаза елозил головой по подушке и мычал. Бабка Лысоконих читала молитву, стоя на коленях перед кроватью, крестилась и изредка касалась рукой его лба, перекрещивая его. Очевидно, дверь закрыта была неплотно и ребятишки в сенях сообразили, что в доме беда и к ней наверняка причастны они. Дружно заревев, они начали потихоньку открывать дверь, но в избу не заходили.

– Вернулись неслухи? – увидела Маришка сыновей зареванных и сопливых. А главное в мокрых одеждах от катания, от кувыркания по сугробам.– В петлю меня загнать хотите? Вон погляньте спалили дитенка.

– мам мы больше не будем. Бей нас мам, не надо умирать. А Тольку вылечи, мы его любим.. огорошенная мать сгребла детей в охапку и опустившись на пол зарыдала вместе с ними. Чаго мне с вами делать? – качалась она из стороны в сторону. Положив мокрое полотенце

на голову Тольке бабка удрученно наблюдала эту сцену. Немного успокоившись, ребяташки стали раздеваться, мать помогла развешивать для просушки одежду. И вдруг неожиданно средний Колька возвестил:

– Мам ись хочу!

– Видишь, дура я, картоху не успела сварить, потерпи. А сейчас Толичка надо в госпиталь везти. Вовик-то должен бы помочь везти, да одежда мокрая, застынет. Вон бярите картоху, наряжайте пластиками, да на печке поджаривайте, покуль она топится. Ой, в щелоче вся печка, она горячая, не вымоешь, нельзя жарить.

Мам, – захныкал Колька.

– Мариша! Не печалься, щас я картошки принесу, только что сварила. На улицу сливать вышла и твой крик услышала, где чугунок бросила и не помню, кабы собаки не сожрали. Баба Маня, ты че? Давай бегом за картошкой или я сбегаю! – заверещал Колька.

– Ладно, ладно, армейцы, принесу щас. – и бабка вышла. По-военному она называла мальчишек из-за того, что они все были помешаны на военных играх. Вскоре она пришла, но уже одетая и с полной чашкой вареной картошки и сваленками подмышкой.

– Ну что вояки, будете еще ко мне в огород лазить за горохом?

– Не, не будем! – поспешил заверить Колька, глядя широко открытыми глазами на картошку.

– Ешьте-ка. – и бабка поставила ее на стол. Вот что, соседка, эти валенки этому герою – она ткнула на Вовку. Носки и портянки одел и пошел. Сняв фуфайку она также отдала ее Вовке. Мне она маловата, а тебе подпояшем и будешь как у Христа за пазухой. Штаны подсохнут к тому времени, как малыш проснется. Ну а мы с тобой Колька тут останемся домовничать, порядок наводить, картошки наварим.

– Ну, баба Маня! – кинулась целовать ее Маришка. – Чем же я отплачивать тебе буду?

– Ты, соседка моя, горемычная! Итак горя свалилось на тебя больше чем нужно. Вскоре они запеленали мальчонку в теплые одежды и вынесли на саночки. Володька, подпоясанный как мужичок, сзади палкой подталкивал санки. Еще перед началом поездки мальчонка проснулся и простонал: – Мам, а госпиталь это страшно?

– не, милый, там нам помогут.

А бабка добавила.

– Ты же солдат, а там лечат солдат, которые с войны.

– Ну тогда поехали.

В госпитале усатый военный доктор, расспросил как все это произошло, и чем мазали, похвалил Маришу.

– Молодцы, что сразу приехали. Ну ты брат, как танкист раненый. Обгорел, ошпарился, а терпишь. – А мне почти и не больно – скривился пацан.

– Помажем, обезболивающее поставим, но к сожалению положить ребенка на стационарное лечение не сможем. Мест нет, на полу и на койках по двое раненые лежат..

– Нет, нет – замахала руками мать. И на этом спасибо, дома ен будет, возить будем.

Поорал, повизжал Толька, когда ему делали уколы, мазали какой-то мазью, бинтовали живот и ноги. Потом затих, посасывая витаминку, которую дал доктор, и широко смотрел на пятна крови сквозь бинты у солдат, лежащих в коридоре. Через два дня надо привозить, если хочешь, чтобы герой выздоровел. Хорошо, буду.

– Тысячу раз спасибо, – поклонилась доктору Маришка. Не надо кланяться.

– А твой-то на фронте?

– Ага, под Москвой в 42-м – похоронка... – опустив глаза, ответила Маришка.

– Прости, положил он руку на ее плечо. Он один? – кивнул он на пацана.

– Трое. Было четверо. Не сберегла.

–м-да... – закашлялся доктор. –Борисов! Окликнул он проходящего санитаря.

– Слушаю, товарищ майор!

– Ты вот что...тут у нас танкист раненый поступил, кормить его.. – кивнул он на малыша.– полагается за геройство. Живо на кухню и полный котелок густой каши, с крышкой котелок и три ложки, ну сам пойми, на весь танковый расчет. Ну и хлеб какой там получится. Вытянув шею Володька прислушивался к разговору. Заметив его доктор спросил: – старший? –старшенький – закивала головой женщина.

Солдат-санитар принес котелок и что-то завернутое в бумагу. Вон передай тому командиру расчета. Санитар подошел к Володьке и стал отдавать все это ему. Володька не брал стыдливо, отнекивался.

– Ты че, дружок! Товарищ майор приказал, а приказы надо выполнять.

– А мы тут есть не можем, чтоб котелок вернуть и ложки. У нас дома еще Колька и баба Маня.

– А не нужно возвращать, у каждого солдата всегда должен быть свой котелок и ложка.

Поблагодарив, Вовка взял котелок и кулек, его распирала радость– вот это да! Мало, что их назвали танкистами, так дали еще настоящей солдатской каши и котелок. Ни у кого из его друзей такого не было. Везя брата с матерью на очередную перевязку Вовка гордо подталкивал палкой санки. На поясе у него болтался зеленого цвета настоящий солдатский котелок. Знатоки из бежавших рядом пацанов утверждали:

– Настоящий, трофейный, с фронта!

– Так и медаль могут Тольке дать, он ошпаренный, обгорелый, как танкист.

Пацаны знали все. Военные пацаны, росшие без отцов, многие из которых уже погибли. Это день как раз был предновогодний и Вовка еле тащил полный котелок каши и какие-то консервы в свертке.

– Мам, давай как-нибудь к Тольке привяжем, рассыплется сейчас все, – не выдержал он. Хоть Толька ныл и охал, но дома за обе щеки уплетал принесенное из госпиталя. Да и с работы выделили кое-какие продукты. Тольке выделили новые валенки. Радости было выше головы. Так как одевать их было ему нельзя из-за ран, он часами любовался ими одевая на руки. В первый день Рождества доктор бегло осмотрел малыша и быстро ушел, переложив дальнейшую процедуру перевязки на чернявого фельдшера. Или у фельдшера не было той чуткости к больным, а особенно к детям, или Толька невзлюбил его, но перевязка прошла с диким детским криком, до судорог. Маришка видела, как с мест где были оторваны присохшие бинты, выступила кровь. И когда она заметила, что не надо торопиться,– дайте я отмочу бинты – фельдшер буркнул: все согласно инструкции. Смазывая раны и бинтуя их, он не обращал внимания на крики пацана, быстро наложил повязки, сунул Маришке в руки баночку с мазью, бинт и жидкость в бутылочке.

– Если что, сами смажете. Ну вот еще про запас – и добавил баночку и два бинта. Дрожащими руками Маришка быстро рассовывала все по карманам.

– Спасибо, спасибо, – беспрестанно твердила она.– не попадет вам?

– Не попадет – устало ответил он. – На фронт мать уезжаем.

– А-а-а!– разинула рот она. – как на фронт?

– Война, мать, война!

– А сюды нам таперь когда?

– Так, сегодня 7 января, давай 10го.

– Да, десятого. За три денька у него должны подсохнуть раны.

– Ты милый прости меня, не любо на табе глянула я.

– Ничего мать, ничего.

– А доктор тоже уезжает?

– Нет, доктор остается. Без него здесь толку не будет. Только прошу тебя, денька три не тревожь его. Сына у него убили. Танкист, сгорел.

– Боже ты мой! – присела на корточки от помутнения в голове Маришка.

Пошатываясь она вынесла сына в коридор и в прихожую, где ожидал ее Вовка с болтающимся котелком у пояса. Она не помнила как укутала малыша в одежды и привязывала к санкам, но все натыкалась взглядом на Вовкин котелок, который он готов был отдать любому санитару для наполнения, но те почему-то не обращали на них никакого внимания. А в голове как молотком стучало: Танкиста убили! Сгорел! всю дорогу они молчали с Вовкой. И только дома рассказывая об этом бабе Мане она дала волю слезам. – Какой ён человек, доктор! Сына убили, а ён чужих должен лечить, спасать! Аж почернел весь.

Мрачный Вовка помыл несколько штук картошин, положил их в котелок, залил водой и поставил варить на чугунную печку. Сынок, картоха вареная вон в чугунке ёсть.

– По-солдатски сварю мам, докторского сына помянем, танкиста.

Мать покачала головой и залилась слезами. На работу она выходила через день, соседка приглядывала за детьми. И вот уже восьмого по селу поползли тревожные слухи: на станцию Камарчагу привезли не один эшелон предателей, которые хуже бандитов. Что теперь надо держать ухо остро, так как они будут определены на жительство в Манском районе, а уж в их Шалинском всех быстрее, потому что рядом. – Расстреливать их надо! – ярились люди. Ишь ты! Наши мужья и сыны головы сложили, а этих мордovorотов на жительство к нам. О чем думают власти? Ты погоди шибко- то не ори! – осаживали крикунов. Еще надо узнать да увидеть что да как. А то за властей и самому загреметь недолго. И вот десятого числа, как и было сказано фельдшером, Маришка с сыновьями рано утром подходила к госпиталю. Какая-то тревога закралась в ее душу, и уже почти перед госпиталем она нерешительно остановилась.

– Вовик, а не заблукали мы?

– Ты че, мам! Вон гляди госпиталь.

– А костров там николи не палили.

Подходя, они увидели множество людей у костров и так без костров. Сидящих и лежащих прямо на снегу в каких-то чудных расшитых шубах и меховых шапочках. В разной одежде, женщин и детей, в рваньё.

– Цыгане, мам, цыгане! – зашептал Вовка, а Колька уцепился за фуфайку матери.

– Нет деточки, это не цыгане. А кто не знаю.

Люди были темнолицые, широкоскулые, узкоглазые. Говор не русский, непонятный. У многих лица почерневшие.

– мам, а че они на снегу лежат? Им не холодно?

– Наверное им уже все равно.

Двор госпиталя так же был забит людьми до отказа. У выхода в корпус, где обычно перевязывали Толика, стоял часовой с автоматом и никого туда не пускал.

– Переполнено, входа нет!

– Нам на перевязку, к доктору. Сынок ошпаренный – просилась Маришка.

– Всем на перевязку, вес обожжены.

И Маришка с ужасом подумала, что ей не пробиться сквозь эту толпу. Что-то случилось, и ее сыном заниматься никто не будет. Уже совсем рассвело.

– Кто эти люди? – обратилась она к солдату.

– предатели – калмыки.

– Как???

– Женщина, освободите дорогу, сейчас будут выносить мертвых, не мешайте!

И вдруг она увидела растрепанную молодую калмычку, которая подходила к ним, качая на руках сверток из мешковины и улыбаясь приговаривала: Би гемтэ бишив!

– Чаго ена гаворит? Начисто забыв русский язык спросила Маришка у стоящей рядом старухи.

– Не виновата я, говорит – сплюнула старуха кровью на снег.

– Мам, пойдем отсюда! – почти вголос заныли ребятишки.

– А Толичек?

– мам, не пустят нас сюда. Здесь страшно.

– Давай отсюда женщина, пока тиф не подхватила.

– Ой, божечки ты мой! Ходим детки отсюда!

Убаюканный дорогой Толька ничего не видел и не слышал. И когда Дома брата рассказывали ему про страшных предателей-калмыков, он философски рассуждал:

– Хорошо, что их навезли в госпиталь. Зато бинты с меня не срывали. А мать обмачивала ему бинты желтой жидкостью и благодарила фельдшера что он дал ей мази и бинты впрок. И молилась своему Божачке, чтобы ен спас яго на войне.

С этого дня жизнь в райцентре забурилась. резко увеличилось население. Калмыки заполнили все пустые избы сараи, мало-мальски пригодные для житья, даже с дырявыми крышами. Резко увеличилось воровство. Не калмыками. Под их марку вылезло разное жулье, а указывали все на калмыков. Сопрет ворье быка или корову, прирежет, а требуху калмыкам отдаст или возле жилья бросят. Калмыки махан варят, радуются, а тут милиция нагрянет. Хватает кого захотят, и один бог знал, куда их увозили. Никто их больше не видел. Точно также белье и одежду после стирки нельзя было оставить для сушки на улице на ночь. Раньше неделями костенело на морозе выстиранное белье, пока не высохало. И нет ничего приятнее из запахов в русской избе, как запах свежее выпеченного хлеба и занесенного с мороза высохшего белья. Ну, с запахом хлеба в войну и после нее приходилось встречаться редко. Обидно, но и с запахами замороженного белья приходилось прощаться из-за воря. Сушили дома. А в те годы повальная вшивость частично уничтожалась именно сушкой белья на морозе, что доступно было для всех. В разных местах неожиданно обнаруживались трупы калмыков, бродивших в поисках пищи. Местные жители были недовольны. И если вначале относились к ним враждебно, то через некоторое время разобрались, что произошла страшная ошибка, из-за которой и им местным, коренным жителям Сибири стало жить хуже.

Работоспособные калмыцкие женщины и подростки еще на станции были разобраны посланцами из колхозов и леспромхозов и увезены на работу. Тем повезло больше. К труду не привыкать, хотя он был адский, но эти люди были как-то обеспечены жильем и пищей. Они числились в рабочих списках, с них спрашивали, за них отвечали.

А безродные, непригодные к труду дети, старики и старухи оказались никому не нужны. И в этой мешанине они просто не существовали, хотя и были живыми. Вот и заботились они о себе сами как могли, и гибли без учета, без фамилий. Небольшими кучками они ходили по селу от двора к двору и молча стояли под избами, пока хозяева не догадывались подать что-нибудь съестное, если такое было у них самих. Чаще они уходили ни с чем, и в закоулках улиц находили мертвых старух и дети. Энкаведешники сбивались с ног увозя на черных воронках трупы, а куда – неизвестно. Потом стали просто обяывать приехавших на лошадиных повозках возчиков в райцентр по разным делам увозить и расселять спецпереселенцев в свою деревню. Черные воронки отлавливали бродячие кучки беспризорных калмыков и увозили в соседние деревни, выгружая у сельсовета. Примерно год понадобилось районным властям чтоб хоть как-то определить калмыков. Спихнуть с глаз долой. К концу войны стали привозить на поселение латышей и литовцев, те приезжали красномордые, здоровые, с большими запасами продуктов. Что интересно, среди них было много мужиков, и они приезжали с семьями, чинно раскланиваясь с местными. Но где были мужики у калмыков? Расстреляны? Погибли на войне? Определены в спец зоны? Оказалось и то и другое и третье. Но оказалось больше всего в спец зонах, так сказать на великих стройках. К концу войны в Шалинском появилось несколько солдат-калмыков, и что удивительно с наградами. – Вот! – вздыхали бабы. Предатели не предатели, а живы. А наши головы сложили. За что? – За Родину, за Сталина! – подсказывали всюду шнырявшие энкаведешники в штатском.

Маришка тоже горестно вздыхала, что они с Сеней совершили большую ошибку, переехав в райцентр перед самой войной. Жили они громадной семьей у родителей Семена. У троих старших братьев были дети. Бурлила семья. Тятенька с маменькой управлялись. Да и неженатые братовья и сестры подрастали. Все работали, были при деле. На финскую Сеня угодил, но цел остался. С орденом пришел да еще и старшим сержантом. Ну и понравился он военкому, затаскали его в военкомат: Давай, молодежь призывную обучать будешь! А ведь до Шалинского 45 километров. И пешком приходилось топтать.

– Командиром будешь! Что ты орден Красного Знамени даром на груди носить собираешься? Опыт молодым надо передавать. Переезжай в райцентр, жилье дадим. – совестил, угонял военком.

А когда отец громадного семейства узнал что его Семен – кузнец наипервейшей марки – собирается уезжать в Шалинское, не стерпел. Схватил со стены ременные вожжи и потрясая ими петушком забегал вокруг него.

– Ах стервец ты доморощенный, я те уеду, я те отделюсь.

Широкоплечий крепыш Семен хмурился, косясь на хихикающих братьев и сестру, забравшихся на русскую печку, и наблюдающих за сценой:

– Тять, ну стыдно же! – тихо выдавил Семен. – а ехать все равно надо.

– Ох! Колыхалась на лавке рыхлая, тучная бабка Анна, жена старика- Артем Романович! Охлонись! – причитала она.

– Я вам неслухи! – дед гневно уставился на старуху.

– Будет вам! – неожиданно вышла из-за занавески пышноволосяя шестнадцатилетняя красавица Катька, единственная сестра семерых братьев Григорьевых.

– Ах! – почти в голос выдохнули четверо невесток, в том числе и Маришка.

Старик уже заносил в сторону руку с вожжами чтоб ударить сына, но дочка ласково улыбаясь и глядя на отца спросила:

– Тять! А ты че и вправду меня за Ваньку полоумного засватать хочешь? – И Катька ловким движением вынула из рук отца вожжи и кинула под лавку.

– Ты че, моя милая? Ты у меня свет в окошке. Мать, Ваньку в дом не пущать! – приказал он бабке Анне. – а то я его вожжами перетяну! – и он рассеянно посмотрел на руки и засмеялся. Засмеялись и все обитатели избы. На столе уже пыхтел самовар, и невестки юлой носились от печки к столу, расставляя еду и посуду.

– С утра завтра пусть едут дети наши. Посидим по-людски, чаю попьем, поговорим.

Семен подхватил сухонького старика и закружил по избе.

Остепенись, я вот-те шас накладу! – слабо сопротивлялся старик. Хохотала ребятня, вытирали слезы невестки и бабка Анна. Потом долго пили чай с пирогами. Замолкали, когда что-либо говорил дед.

– Обучать молодежь будешь, шибко-то не расслабляй! Да Маришку не забижай, дробненькая она. Трое вон орлов доглядывать надо! Да и на сносях четвертым.

– Тять, ну разве я могу обидеть?

– Ты послушай-ка пока! И еще. Ей среди нового люда не шибко ладно будет, говору-то нашего сибирского нет. Мариша, ты мне если че телеграмму стукни, я мигом соберусь, погляну как он тебя и внуков моих содержит.

– Тять, ну ты че!

– Да вот че. Родительское слово исполняй.

– Буду тять, буду.

– Ну то-то.

...Рано утром вел Семен под уздцы лошадь с телегой, в которой была наложена утварь и поклажа, на узлах сидела сонная тройка ребяташек. Маришка, вытирая слезы ладошкой, все глядела назад – на избу, где прожила семь лет. У широких ворот стояла, трясаясь, ее свекровь,

помахивая рукой и прижимая платок к глазам. А у столба стоял свекор, молча смотря им вслед. В Маришкиной голове застряли слова свекрови, которая сквозь слезы говорила: Милые вы мои дети, доведется ли нам свидеться? Не довелось. Умерла бабка Анна, не выдержав горя – всех семерых сыновей забрали на фронт и двух старших внуков. Погибли пятеро. Пошел добровольцем и дед Артем – удалой охотник был. Белку в глаз стрелял. Не взяли. Старый. Погоревал о сынах, о внуке, о бабке – да и сам слег навечно рядом с ней.

Не знала еще этого Маришка, шагая в окружении старших невесток, но сердцем чувствовала. Ой, как чувствовала! Впереди что-то будет страшное. И точно.

Приехали они в Шалинское, определили их в маленькую избенку – временно. – Погоди, хоромы тебе подберу со временем! – хлопал Семена по плечу военком. Молодец! – и блудливым глазом поглядывал на Маришку.

Весь вечер устраивались. Устали до смерти.

А утром слышали какие-то крики. Маришка выскочила во двор и услышала страшное слово: Война! Она обомлела и прислонилась к крыльцу. Подошедший Семен крепко обнял ее и прижал к себе. А за забором стояла их соседка – бабка Лысокониha, которая скорбно смотрела на них и повторяла: – Война, детки, война.

Это было утро 22 июня 1941 года.

Глава 3

А через три дня срочно сформированный полк из старослужащих бойцов бодро шагал на станцию Камарчага для погрузки в воинский эшелон. Был там и Семен. И после короткого обучения в Красноярске с одной винтовкой на пятерых (а, перед боем получим!) были брошены быстрыми темпами в Москву. На самый тяжелый рубеж обороны – Ржевское направление. Сибиряки выдержат! Им хоть в огонь, хоть в мороз – везде выстоят. Все с надеждой смотрели на них. Плохо вооруженные сибирские полки отчаянно дрались, но против танковых полчищ и мотопехоты, до зубов вооруженных фашистов выстоять было невозможно. Навечно легли сибиряки, заслоняя собой Россию и Москву. Среди них геройски погиб и старший сержант Семен Григорьев, 22 января 1942 года – так значится в похоронке-извещении, которую Маришка не смогла ни разу прочитать сама из-за пелены слез в глазах. Похоронку всегда читал старшенький – Вовка. Годы лишений и тяжелого труда во время войны не сравнить ни с чем. Но люди жили, росли дети, как-то учились. Выкарабкался после тяжелых мучительных перевязок и Маришкин Толичек. Война близилась к концу. Налицо были видны ее горестные результаты. Появилось много инвалидов, безногих, безруких и с изуродованными лицами. Народ уже не обращал внимания на приезжих переселенцев разных национальностей. Война наделала неразберихи – это понимали все, она ожесточила людей и попасть под страшную статью – враг народа – мог любой. Скажи слово не так – и загремел. О калмыках как-то забыли, хотя в этой многонациональной мешанине на глаза они все-таки попадались и уровень их существования был явно ниже всех. Катька, приезжавшая в райцентр за горючим или мукой для леспромхоза каждый раз увозила в Орешное несколько человек – калмыков. Заставляли энкаведешники. Она смеялась: С глаз долой спихиваете?

Райцентр, так сказать, зачищался от них окончательно. Их выселяли из землянок, сараев и заставляли переезжать вглубь района. Каждый раз, когда она приезжала в райцентр, обязательно останавливалась у Маришкиной избы и заходила проведать ее с ребятишками. Для них был настоящий праздник. Во-первых она всегда привозила что-нибудь съестное, то молока, то яиц, то орех и ягод. Во-вторых ни у кого из пацанов не было такой симпатичной тети – трактористки. Она позволяла набиваться пацанам на тракторные сани, сколько бы их ни было. Сани были летом и зимой, и прокатиться на них было делом очень соблазнительным. Каждый раз по приезду, оглядывая крошечную избенку, она звала их перевезти в Орешное. Покачивая головой Маришка отказывалась в очередной раз: – А вдруг Сенечка придет? Не, Катенька, покуль тут поживем. Так, армейцы?

– Поживем, ничего! – вторили ей сыновья. А Катька, обнявшись с Маришкой, плакали навзрыд. Убили на фронте и Катькиного жениха. Наплакавшись вдоволь, Катька отвела взгляд в сторону и известила:

– Маменьку-то схоронили, два дня назад. Долго приказала всем жить.

– Ох! – тихо опустилась на кровать Маришка. – Божачка ты мой Божачка, куды теперь нам прислонить свою головушку! – тихо заголосила она. Посидели девки-бабы, поплакали, и засобирались по своим делам. Катька поехала с оравой ребятни на нефтебазу, Маришка на работу. Сыновья подросли, стали серьезнее. И хотя старшему было уже 10 лет, среднему – 8, а младшему 6, душа за них все равно болела. Была последняя военная весна. Апрель выдался солнечный и уже в середине месяца снегу – как не бывало. Набухающие почки деревьев и кустарников казалось вот-вот лопнут и выбросят клейкие морщинистые листочки. Ребятишки бегали раздетые и босиком. Кабы к концу месяца не заморозило, – греясь под солнцем на зава-линке шамкала бабка Лысокониha. Известие о гибели сына и дочери уже в последние месяцы войны сильно подкосило старуху. Она согнулась и непрестанно кашляла, посылая сухонькими кулачками проклятья Гитлеру. Ребятишки участливо относились к ее горю, помогали ей при-

носить сучья на дрова и воду с реки. Привычно бежали играть за огороды, где перед болотом был заброшенный ничейный низенький сарай – землянка, построенный когда-то рабочими артели для заготовки и сушки осоки. Резучая была эта трава, осторожно надо было ее рвать или срезать, но особенное ее качество – быть годной для побелочных кистей, всегда привлекало к ней внимание. Этот сарай-землянка находился как раз за огородом Маришки, огороженного жердями. Как-то поздней осенью прошлого года она заметила, что из землянки вьется дымок. Это было вечером. А может это и не дым, а из болота туман. Близость болота всегда настораживала Маришку и угнетала. Зайдя в избу, она оглядела мальчишек и спросила: – Жгли костер за огородом в землянке? – Не, мам, там калмыки живут, а костер у них всегда горит. – А чаго ж ёны там жавуть? – Мам, кисти из осоки делают, корзинки из прутьев плетут. Живут.

– Потонуть ёны в проклятом болоте, не знавши – забеспокоилась Маришка.

– Нет, мам! Они смело по болоту ходят, особенно эта старуха, как ее?.. – сморщился Вовка. – А, Менга, Менга, вдруг выпалил он.

– Как это ходють? – заинтересовалась мать.

– А на ноги одевают такие плетеные из прутьев, ну такие широкие, как лыжи, и идут, прутья и осоку режут. Здорово! А одна ихняя калмычка летом пошла без этих лыж и утонула. Ну, эти старухи все приходили, сидели смотрели, трубки курили, потом пели чего-то. А потом глядим через несколько дней, у них костер в землянке горит, а они плетут корзинки и кисти из осоки вяжут. А потом и по болоту ходить стали. Страшно сначала было, ведьмы мы думали, черные, оборванные они, а потом увидели на чем они ходят, смеялись.

– А Вовка тоже ходил по болоту, брал у них эти лыжи! – высунулся с кровати Толька.

– Предатель! – кинулся к нему Вовка.

– Божачка ты мой! – закрыла рот в испуге Маришка. – Утонешь, сыночек!

– Не утону, а этому твоему Толичеку точно шелбана дам.

– Мама, а Вовка тоже умеет корзинки плести – не унимался Толька, – а Колька уже две выменял не четыре яйца. Мы три съели, а одно тебе оставили. Вон на окошке лежит.

– Милые вы мои детки, голодуха уже на болото вас загнала. Прошу Христом Богом вас, не ходите к болоту. И кто знает, какие эти калмыки, как бы худа не накликали. Милиция затаскает.

– А че, мам, милиция? Милиция давно знает, что там калмыки живут.

– Приедут, заберут кисти и корзинки, покричат, сунут какую-то бумажку и уедут.

– А чаво ены им кричат?

– А нельзя здесь жить, не положено, спекуляцию разводите. Ну, старухи соглашаются, выйдут из землянки, сядут в сторонке и ждут, пока они уедут. Милиция уедет, они опять назад приходят. За кисти да за корзины, они хоть картошки или чего-нибудь выменяют, а так у них все отберут.

– Ой, бедные люди! – вырвалось у Маришки. – Ходим к ним, отнесем картошин хоть пять.

– не, мам, они седня хорошо выменяли. И картошку. И лук.

– Нас даже угощали! – опять выкрикнул Толька.

– И вы ели, не заразно?

– Мам, это такие же люди, а картошка печеная в костре у всех одинакова.

Маришка о чем-то думая осматривала избу.

– А спят они на чем? Холодно ведь на дворе.

– Спят на сене, травы надергали, засушили. Вот и спят.

Она нашла старенькую дерюгу, смотала в комок и глядя на ребяташек сказала: Хадим отнесем им.

– Пошли. Давно бы было надо им дать чего-нибудь из тряпья, да все боялся тебе сказать, что заругаешь. А они старухи хитрые стали, наплетут корзин, кистей навяжут и на болоте в кустах спрячут. Когда надо отнесут обменяют, милиция приедет, а у них в землянке ничего нет. Поругаются и уедут.

Маришка с ребяташками пошла через огород к землянке.

– То-то вижу, тропинка через огород прямо к землянке ведет. Часто тут бываете?

– Бываем, – затараторили ребяташки.

Вовка снял верхнюю жердину из изгороди для матери. Подойдя к землянке, они увидели небольшой костер, над которым висело помятое закопченное ведро с деревянной крышкой. У задней стенки виднелись очертания полулежащих людей. Вход в землянку наполовину от низа был завешен мешковиной.

– Менга! Байса! Мендуть! – несколько раз произнес Вовка. Полог зашевелился и откинулся с одной стороны, и показалась небольшого росточка сухонькая старуха в меховой шапочке с трубкой во рту. Вечер был лунный, и она подслеповато щурясь оглядывала пришельцев. – А-а! – лучисто засветилось лицо старухи. – Мендуть – Здраста, Вовика! И тыча пальцем в каждого пацана она перечисляла: – Колика, Толика. Потом ткнула в себя трубкой, вынутой из беззубого рта – засмеялась. – Менга! Ребяташки тоже радостно засмеялись. Потом старуха указала на Маришку: – ЭЭж, эж?

– Ага, это наша мама.

– Мама, Мараишка? – выпалила старуха. – и все весело засмеялись.

– Откуль она меня знает?

– Знает. Я рассказыва – ответил Вовка.

– А ты по-ихнему понимаешь? – спросила мать.

– Немного понимаю.

– А ничего это? – настороженно спросила она.

– Мам, ты за это не переживай. Менга, а че Байса не идет сюда?

– Байса – пух – пух. – и старуха закрыла глаза и запухала впавшими щеками.

– Спит? – осведомился Вовка.

– Сапит, сапит – закивала Менга. Пацаны дружно засмеялись. Маришка протянула ей свернутую дерюгу, сказала: Спать холодно, укроешься.

Старуха вопросительно поглядела на Вовку. – Бери, бери, – кивнул он.

Старуха сунула трубку в рот, и, прижав сверток к груди, наклонилась. – Ханжинав, ханжинав!

– Чаго ена говорит? – обратилась Маришка к сыну. Благодарит за подарок.

– Какой же это подарок? Бедные люди! – Маришка с жалостью смотрела на старуху. Потом тронула ее за плечо. – Мои детки, Колик и Толичек, яще маленькие, и она показала на ребяташек, и на болото, – утонуть могут, посмотри за ними. Болото – буль – буль.

И Маришка прижала руки к вискам.

– Бичке – буль-буль – Толика, Колика, Вовика! – Бичке! – гладила она Маришку по локтю. Потом выхватила из кучки прут, и пригрозила пацанам: Бичке – буль-буль! Те живо отскочили от нее, удивленно смеялись, и сразу засобирались домой. – Нельзя тонуть! – говорит она. – переводил Вовка. – Поди ж ты, совсем нерусские, а такие же жалостные – удивлялась Маришка.

– Ну, пойдем до дому! До свидания! – и она помахала рукой.

– Менга! Сээхн ненд бээти! – последним пошел Вовка. Здраста – свидания! – махала в ответ старуха.

До самых больших снегов жили старухи в землянке, Маришка часто приносила им то супа, то шей, хоть без мяса. Потом к большим морозам землянка опустела. Говорили. Что приходил участковый и сильно ругался, узнав что старухи прятали в болотные кустарники свои изделия и выгнал из землянки. Маришка загрустила, где же зимуют бедные старухи? Морозы-то страшные. А может померли уж где?

– Не, утверждали пацаны, они дюжные, отсиживаются где-нибудь в кочегарке в тепле.

– Ну и слава бы Божачке! – крестилась Маришка. – свои-то матери – старухи померли, нет у вас бабушек. А старые люди в избе – польза большая, особенно для деток малых. Это

как икона в переднем углу у христьян в избе. Как без хозяина дом- сирота. – влажнели глаза у Маришки. – Будут живы бабки эти, ей-богу пушу их на следующую зиму к себе. Места всем хватит.

– Ну ты, мам, даешь. Они же эти, как их, нехристи, да и черные. Грязные.

– Эх, детки мои милые! Заставь вас по-собачьи жить, али на цепь привяжи – не токо грязные будете, какать под себя будете.

– А Розка у нас чистая, она никогда даже во дворе у нас не какает.

– Розка-то у нас хорошая собачка, на свободе она у нас, детки.

– Так и старухи свободные, куда хотят ходят – спорили пацаны.

– Нет, милые мои, несвободные они. Малые вы еще, не понимаете. А грязные они – отмыть их в баньке, одеть в хорошую одежду, бабы еще красавицами будут.

– Ох, бабки – красавицы! – смеялись ребятишки.

– А мне нравится, как они трубки курят – вырасту, большую трубку себе куплю и буду курить – пых – пых! – как паровоз пыхтеть – дурачился Толька. Я с тетей Катей ездил в Камарчагу, там много паровозов видел, и калмыков тоже много, и даже девчонок ихних.

– Да. Бедуют и их дети, за какие грехи, не понимаю. Маришка налаживала постель и укладывала ребятишек спать, грустно покачивая головой. Последняя военная зима – голодная, с сильными морозами, уже не казалась такой страшной, как предыдущая. успешные действия наших солдат на фронтах Великой Отечественной, несмотря на сильные потери, грели души людей, что их сыновья и отцы гибнут не зря. И что их тяжелый, тыловой труд приносит ощутимые результаты. Война близилась к концу, и даже рвущие душу рыдания матерей и жен, получивших похоронки о гибели близких, переносились легче. Люди понимали, во имя чего идет многолетняя, смертная война. Во имя мирной будущей жизни. А главное, понимали, с кем воевали – с оголтелым врагом, зараженным коричневой чумой. Его надо было уничтожить. Уничтожали. Погибали сами, во имя оставшихся в живых. Пришедшая весна обновила души и сознание людей, что еще немножко, еще чуть-чуть дотерпеть, и войне конец. Неутешное горе свалившееся от войны почти в каждую семью, неожиданно осветилось ласковым ярким солнцем апреля 1945 года. Отогревая замерзшие осиротелые души за долгое время войны, солнце вволю питало теплом искореженную взрывами и морозами землю. И благородная земля, вбирая в себя тепло от светила вселенной, тут же старалась выбросить на всеобщее обозрение зеленые побеги растений, цвета мира и жизни. И первыми таковыми испокон веков бывают подснежники и черемша. Подснежник – радость для души и глаза. Черемша – пища для живота. Еще маленькие побеги черемши, этого природного гибрида лука с чесноком, чуть побольше длины пальца, а толщиной уже почти с карандаш. Неожиданно несколько пучков оказались у Маришки на крыльце. Пока их нюхали и пробовали на вкус, гадая откуда взялось это добро, с дальнего конца огорода слышали смешливые голоса старух. Они стояли у забора, покуривая трубки, наблюдали за пацанами и изредка покрикивали: Эй, Марайшка, Вовика, Колика, Толика!

– Живы бабки! – почти хором закричали пацаны и кинулись бежать к ним по еще не совсем просохшему после снега огороду. Маришка пришла с ночной смены, увидела детей, разговаривающих с калмычками, и очень обрадовалась: -Слава Божачке, ёны живы!

Она отрезала два кусочка хлеба, примерно по спичечному коробку каждый, и пошла к ним. Сыновья увидели ее, кинулись навстречу. У каждого в руке был зажат пучок черемши, которую они аппетитно жевали.

– Мам, мам! – наперебой кричали пацаны. – Менга и Байса живые, черемши нам принесли!

– А я им хлебца немножко дам!

– Конечно дай, они добрые! Ну здравствуйте! А мы уж думали и не свидимся, – обняла Маришка каждую старуху. Живы?

– Живой, живой маленько! – засмеялась Менга.

– По-русски говорить научились? Ну, слава Богу! – перекрестилась Маришка, а старухи вынули трубки изо рта, положили их в карманы и сложив руки лодочкой, поднесли их ко лбу, и что-то тихо запели по-своему.

– Мам, это они по-своему молятся, – сказал Колька. Старухи помолились, поклонялись в разные стороны и получив от Маришки по кусочку хлеба, стали медленно посасывать отщипнутые крошки. – Ханжинав, ханжинав, – бормотали они и кланялись.

– Не надо кланяться, – расстроено шептала Маришка. – Божачка, слава тебе, что сохранил их. Спасибо вам за черемшу, – и Маришка указала на кучки в руках у сыновей.

– А-а, хилеп нету, а черемш – минога в балот, – и Байса махнула туда рукой.

– И вы не боитесь ходить туда? Там утонуть можно.

– Байса, Менга болшго (нельзя) буль-буль. – и поманив Маришку, они откинули полог землянки. Оттуда пахло теплом, от прогоревшего костра. В углу спала молодая женщина – калмычка, в фуфайке и ватных штанах. Ноги ее были обмотаны какими-то тряпками. Рядом с ней также крепко спал и двое детей лет по шесть-семь. Очевидно одна была девочка, судя по выбившейся косичке из-под шапки.

– Из Канска, Канска шел, – шептала Менга, – свой мужик, Эцк (отец), эк (мать) ищет, тут Манская, – и она от нехватки слов повела вокруг рукой. – Милиция болшго (нельзя). Сэн, сэн? (хорошо?) – и старухи сложили руки лодочкой и просительно замотали головами.

– Хорошо, хорошо, мы не скажем.

Во дворе вдруг яростно залаяла собачонка, и все повернулись к избе, от которой по огороду шли двое, один в милицейской форме, другой в штатском. Маришка в ужасе прикрыла рот ладошкой, потом быстро приказала ребятишкам: А ну, быстро утекайте отсуль. Повторять не пришлось. Ребятишки побежали вокруг огорода. Старухи рухнули на колени и сложив руки к голове шептали молитвы. Мордатый в штатском сходу напустился на Маришку: – за укрывательство преступников знаешь что будет?

– Не знаю. – смело глядя ему в глаза ответила Маришка.

– А вот статья за номером... – и он полез в кожаный планшет.

– Не трудись, любезный, а то я тебе тоже покажу бумажку за номером, какая оставила меня без мужа, а их без батьки, – и она ткнула на своих сыновей, остановившихся невдалеке. Мордатый смешался и что-то невнятно промывчал.

– Гражданка Григорьева, я давно предупреждал ваших детей, чтобы они не водились со спецпереселенцами, которым не разрешено здесь бывать и заниматься запрещенным промыслом.

– А ты им хлебные карточки дал? – кивнула она на старух.

– Это не в моей компетенции, – закипятился участковый. Пусть идут в райсовет.

– А их оттуль гонюють, вот и лезут бедные люди по болоту за черемшой али еще за чем.

Милиционер перешагнул изгородь, и заглянув в землянку, поманил к себе штатского. Тот вертя головой оглядел землянку и буркнул: – По ориентировке они.

– Тогда забирай! – развел руками участковый.

– Гражданка, э-э-э, понятой будете – приказал он Маришке.

– А никем ня буду, никаго я туточки не видела, – огрызнулась она и пошла по огороду к избе. Участковый устало махнул рукой:

– А ну ее!.. Слышь, а они живые там? Что-то лежат не двигаются.

– Спят – шли ведь в основном ночью. Сейчас шевельнем. – участковый взял палку и осторожно стал дотрагиваться ею до ступней женщины. Она не реагировала.

– Эй вы. Болотные жители! – обратился он к молящимся старухам. Старухи невозмутимо продолжали молиться.

– Слушай, может, бросим все это, а? Установили где она и ладно, сделай отписку.

– Нельзя, зарегистрирована она в Канском районе, обязана жить там. Это вот эти болотные шушеры, – указал он на старух, – пока никуда не привязаны, вот и шастают где хотят.

– А что делать с этой? Проще если бы она была мертвая. Протокол составил и все. А то беглянка, да еще с детьми. Мужа ей подавай! Морда калмыцкая.– и мордатый в штатском грязно выругался.

– Так с виду-то ничего, да грязная, да наверняка вшивая, -о чем-то раздумывал он. – Да и ребятишки рев поднимут. Давай, помогай, участковый! Эй, красавица, пойдём! – рявкнул милиционер и ткнул палкой в ноги калмычке. Та живо поджала ноги и села, опершись о стенку землянки. Потирая заспанное лицо, она ответила на чистейшем русском: Пожалуйста, можно потише и повежливее? Детей разбудите.

– Вот те на! – переглянулись стражи порядка. – Путешествие закончено, пора назад, да побыстрее собирайтесь.

– Никуда я не пойду, до тех пор пока не узнаю, где мой муж, и отец с матерью. Я знаю что они где-то в Манском районе, меня почему-то затолкали в Канский район. Районы по названию созвучны, кто-то из ваших ослов все перепутал, а мы должны страдать.

– Это кто осел? – ощерился штатский.

– А, возможно, и вы. Неужели трудно посмотреть картотеку и ответить мне, где мои родственники? Буду тогда спокойно жить и работать, обращаться куда надо о соединении семьи.

Обезоруженный мордатый молчал. Потом, налившись краской, зашипел: в отделение пойдём, там и получим сведения, а у меня ничего нет. Давай вставай, буди своих щенят и по-хорошему пошли. Вон машина стоит. Не пойдешь, сейчас солдат подниму, отнесут и швырнут в воронок. Разговорилаь.

–Прошу повежливей, дети мои тоже понимают русскую речь, иначе я постараюсь, чтобы и вам было не очень хорошо.

– Ишь стерва узкоглазая, а ну выметайся отсюда! По-хорошему прошу!

Участковый подталкивал локтем штатского, уговаривал:

– Не кипятись! Успокойся! Сейчас вытянем ее оттуда. А землянку разрушим. Вон взвод с полевых учений идет, у каждого по лопате. В пять минут сравняют с землей. Ну что гражданка по спецпереселению, как там? – Цынгилева Ц.Б. добровольно пойдешь или понесут? Тогда подальше на север затолкают.

– Будьте вы прокляты! – разрыдалась женщина и стала будить детей. Вскоре заспанные, испуганные малыши шли с матерью, цепляясь за ее фуфайку, а мать еле переставляла обмороженные ноги, замотанные разным тряпьем. Стражи порядка шли впереди, изредка останавливаясь и поджидая идущих за ними женщину с детьми и плачущих старух, которые гладили по головам малышей. Вся процессия шла по тропинке вокруг огорода Маришки, которая вышла из избы с узелком и пошла к ним по огороду наперерез. Сунув узелок молодой матери, она не скрывая слез сказала:

– Терпи милая, и береги детей, накорми их, чаго могу дать.

– Спасибо, женщина, я думаю за эти наши беды когда-нибудь кто-то ответит.

– Не разговаривать! – рявкнул мордатый.

– Божачка ты мой, да ты по-русски говоришь лучше мяне. Сохрани вас Господи! – крестила она удаляющихся калмыков.

Апрель прошел незаметно, солнечный, ласковый. Не сбылись опасения бабки Лысоко-нихи, заморозков не было. Люди занимались огородами, готовясь к посадке картошки и разной мелочи. Огороды копались не как попало, а с большим вниманием. Оставшиеся картошины в земле, после осенней уборки, тщательно выкапывались, промывались, сушились и растирались в кашу. Картошка-то была мороженая, и на воздухе растертая вмиг чернела, но крахмал в ней оставался. Вот из этого черного месива и пекли оладьи. Хорошо, если у кого было что добавить, – чуточку жира. Яйцо или молока. Но в основном пекли так. Без всего. Вот эти

сизо-черные оладьи и были весенней пищей, с черемшой. Спасали от голода. Запахи мерзлой, гниющей картошки были конечно не из приятных. Калмыки очень быстро и хорошо освоили добычу мерзлой картошки на огородах и прилегающих полях колхоза. Буквально каждый из них ходил с заплечным мешком, с тяпкой или с обыкновенным загнутым железным прутом, на манер кочерги. Разгребая землю, они искали картошины, из которых потом лепили разные колобки и пекли оладьи. Люди выживали как могли.

Перед самым первым мая к Маришке пришла старшая невестка – Мавра. Старший брат Семена – Николай – также погиб в 42м под Москвой, а вскоре пришла похоронка и на их Гришуху – старшего сына. Так бедная Мавра в один год потеряла мужа и сына. Остался младшенький Федюха, за которого она дрожала как осенний лист. Как бы и его не взяли на фронт. Не взяли. Мал был. Уставшая женщина с котомкой за плечами облокотилась и забор огорода, и наблюдала как Маришка с детьми возилась в огороде. Они собирали прошлогоднюю ботву, дергали бурьян и сжигали на костре. Густой дым валил то в одну, то в другую сторону. Ребяшня кричала, смеялась, подбрасывая в костер все новые охапки сухой ботвы. Оглядываясь уж который раз, Маришка наконец узнала родственницу. Всплеснув руками, она закричала: Божачка ты мой, Мавруша приехала! Детки, гостя дорогая у нас из Орешного.

Ребятишки мигом побежали к забору. Старшие пацаны хорошо знали и помнили тетю Мавру, один Толька сторонился и искоса поглядывал на нее. Но когда она стала уже в избе развязывать котомку и вытаскивать оттуда съестные подарки, и он был тут как тут. На радостях женщины смеялись и плакали, вспоминали как жили вместе. Жалели умершую свекровь, бабушку Анну. Ребятишки всю лепешку принесенные гостьей лепешки, макали их в варенье из черники. Лучшего кушанья не было на свете! И скажу тебе, Мариша, без утайки – остались мы совсем сиротами. – Тятю на прошлой неделе схоронили. Умер ваш дедушка Артем. Не выдержал горя. Велел перед смертью тятя тебе Мариша детей беречь, просил – внуков берегите, фамилию сохраните!

Маришка сидела на лавке, качалась из стороны в сторону, сжав виски ладонями и обливалась слезами, тихо повторяла: Божачка ты мой. Чем же мы прогневили тебя?

Потом Мавра достала из котомки четвертинку водки, которая была наполнена лишь наполовину и поставила на стол. – Вот с поминального стола специально тебе оставили. Давай стопки.

– Ой. Маврушка. Нету их у нас. Вот кружки.

– Давай кружки. – Мавра осторожно налила в них немного водки, и на доньшке оставила чуть-чуть в бутылке, заткнув ее корочкой хлеба. Взяв в руки кружки, бабы словно по команде перекрестились, заливаясь слезами. Маришка смотрела на Мавру, та тяжело вздохнув сказала:

– Помянем помершего тятю нашего, Артема Романовича, маму нашу – Анну Егоровну, сыновей их сгибших на войне, мужей наших Николая, Семена, братьев их Илью и Петра, сыночка мово Гришутку родненького – заголосила она. Захлебываясь и стуча зубами по алюминиевой кружке она все-таки выпила содержание ее. Зажмурившись, выпила и Маришка. И было непонятно, что бежало у нее по щекам и подбородку- слезы или водка. С разинутыми ртами, подсиненными черничным вареньем, смотрели на них пацаны, готовые сорваться на рев. Толька скривился и заревел и зарылся в материн подол. Долго в этот вечер велись разговоры. Больше горестные и уже без слез. Ребятишки, сморенные сытной едой, заснули первыми. А женщины, накинув фуфайки на плечи, долго сидели на крыльце, вспоминая прошлую жизнь в большой семье до войны, кляня тяжелую военную настоящую жизнь, тревожась за будущую послевоенную. Все разрушено, мужей нет, как жить, как детей растить?

– Катерину-то нашу медалью наградили за ударный труд. День и ночь на тракторе девка – не надорвалась бы. Какие где грузы везти – Катька. В лесосеках лес везти – Катька. Калмыков наверное с полтыщи привезла она. Вот какая доля выпала девке, за погибших братьев ворочать в лесу – горюнилась Мавра.

– Степу с Володей увидим ли живыми? – тревожилась Маришка за младших мужних братьев. Пишут ли когда?

– Нет, молчат. Может и вернуться.

– Санечка, младший, прошлой зимой когда забирали яво на фронт, из колонны прямо выскочил, к нам забежал, всех ребятишек перецеловал, и бегом пустился догонять своих.

– Ну Сашка-то может и уцелеет, на восток его взяли, там войны нет, – задумчиво вздохнула Мавра. – Зря вы тогда уехали, отделились. Может Маша жива была бы. Вместе все-таки. Ох, не знаю!

– Ну что, пойдём-ка спать. Мне ведь завтра ещё до свету надо выйти. 45 километров отшлепать пешком. К вечеру дойду. На работу надо, сама знаешь, за прогулы можно и отсидку схлопотать.

– Ох, Маврушка, хоть и горе а я такая радая, что ты пришла, сто пудов с души свалилось – обнимала её Маришка.

– Когда теперь свидимся?

– Свидимся, даст Бог, живы будем.

– А ты, вижу, совсем научилась по-нашему говорить. Помучишься – всему научишься, среди разных людей работаю. Все Сенечку жду, надеюсь.

– А я жду Николая и Гришу, не верится мне, что больше не увижу. Ох, горе ты горькое! Может, придут ещё? А?

Не пришли мужики. Легли навечно. И 9-го мая – Победа! Сколько народу вывалило на улицы, обнимались, плакали. Пели. Плясали. Центральная площадь у парка в райцентре бурлила. Играл духовой оркестр, невообразимая давка у буфетов, где вопреки продуктовой карточной системе за деньги можно было купить что-то съестное. Больше. Конечно, водку. Звеня орденами и медалями вне очереди шли инвалиды, кто без рук, кто без ног. А кто с руками и ногами, да еле держался на костылях, с развороченной грудью и животом. А те, кто завершили эту кровавую, победоносную войну ещё были там, на последних рубежах, и домой ещё придут не скоро. А здесь уцелевшие фронтовики подпив на радостях за Победу, пьяно осознав свое горькое положение, сначала тихо поскрипев зубами, потом все громче и громче выясняли отношения с сытой тыловой крысой или с блудливой женой, не сдержавшей верность. Пластались в ключья рубахи, горохом сыпались с гимнастеров пуговицы, хрястко влипали мосластые кулаки в свороченные носы. Выплывались зубы. Победа! Она всегда доставалась через боль и кровь. Через искалеченные судьбы. Через смерть. И не приведи Господь в те дни празднования Дня Победы, даже и через несколько лет после войны, встретиться искалеченному, подвыпившему фронтовику, с так называемыми спецпереселенцами, многие из которых носили этот ярлык неизвестно за что. А некоторые из них заслуживали большего наказания, да отсиделись за спинами невинных страдальцев. А побывавший в пекле войны калека без разбору крыл матом, определяя всех в предатели. Маришка с ребятишками также была на площади. После громких речей руководства района, под духовой оркестр и многочисленные гармошки на площади и в парке началась повальная гулянка. К буфетам было не добраться, да и лишних денег не было. Ребятишки ныли: – мам. Купи чего-нибудь. Володька с Колькой шныряли в толпе, подбегая через некоторое время то с конфеткой, то с пирожками. – Вон там дядька с медалями задаром нас угостил. – Не воруете вы детки? – тревожилась мать. – Мам, ты что?

Наконец повезло и Тольке. Солдат с костылями без одной ноги держал в руке бумажный кулек, и время от времени доставал оттуда конфеты – подушечки и кидал в рот. Мать разговаривала с какой-то теткой. Толька заворожено смотрел на солдата и удивлялся как точно солдат швырял в рот конфеты.

– Пожует-пожует, проглотит и снова кинет. Встретившись взглядом с Толькой, солдат подмигнул ему и поманил пальцем к себе. Толька отрицательно мотнул головой. Солдат удивленно усмехнулся и поковылял к нему.

– Поможешь?

Пацан заговорщически зашептал: – Мамка заругает.

– А мы отвернемся в сторону. Отойдем. Давай, смелей. А то мне одному уж надоело.

– Как это может надоест, они ж вкусные! – еле ворочал языком пацан, засунув в рот сразу несколько конфет. – Ну, действуй! – и он отдал весь кулек Тольке, который обомлел от радости. Маришка всполошилась, не увидев сына около себя и растерянно оглядывалась по сторонам. Толька перестал жевать и вылупив глазенки уставился на мать. Наконец она увидела его и замахала рукой: – Толичек, хади сюды!

– Ух ты! – выдохнул солдат – это кто?

– Мамка моя!

– Красивая, брат, у тебя мать.

– Лучше всех! – подтвердил пацан.

– А где ж ты взял конфеты? – затревожилась Маришка.

– Здравствуйте, с праздничком! – подошел на выручку солдат и протянул ей руку. – Иван, чуть-чуть не царевич, засмеялся он.

– Здравствуйте. С праздником! – смутилась Маришка, но руку подала.

– Вот с другом фронтовой паек уничтожаем. Ничего?

– Можно, – засмеялась Маришка. Тут подбежали Вовка с Колькой и увидев у брата такое богатство в руках напустились на него.

– Толька, нечестно, делиться надо.

– Мои сыночки, отец-то не дождался Дня Победы, еще в 42м похоронка пришла. Люди-то дожили, а ен нет. А может, где в госпитале лечится, а? – глаза Маришки наполнились слезами.

– Все случается, все случается – торопливо ответил солдат. – Ты не из Орешного случайно? – Оттуль. А таперь здесь живу, работаю.

– Вон оно что. Семена жена?

– Да. Семена Артемовича, а это его детки.

– Вон оно что, – протянул Иван потирая лоб и отдуваясь.

– Слухай, не видел ты его?

– А! Нет! – как-то странно протянул он бледнея лицом, зашатался на своих костылях.

– Табе плохо? – забеспокоилась Маришка.

– Жизнь мне спас твой Семен под Ржевом. Вместе воевали.

– Слухай. Милый солдатик, расскажи, как же ен?

– Прости. Мать, ничего не знаю. Помнил я пока в сознании был, когда тащил он меня из-под обстрела. Ногу вот оторвало, крови много потерял, очнулся уже в госпитале. А про него больше ничего не знаю. Потом госпиталь эвакуировали на Урал в Челябинск, где только не лежал. Контузия корежит, к ноге-то уж привык.

– Ну как же ты ничего не знаешь про него, а? – корила она солдата. – Может не хочешь чего сказать?

– Прости, мать, ничего не знаю. Хотел его семью разыскать и вот тебе на – встретились.

– Что ж ты такой, ничего не расскажешь? – рыдала Маришка дергая его за костыли.

– Дядя, а папка наш смелый был? – пылливо глядел на него Вовка.

– Смелый, дружок, смелый. Из пулемета до последнего патрона строчил. А потом и меня еще сумел вытащить, хотя раненый сам был. – Говорил я тебе, что папка наш смертью храбрых погиб, даже в похоронке так написано, а ты не веришь, – доказывал Вовка какому-то пацану, готовый сразиться с ним, толкая его плечом. – Сгиб, значит, мой Сенечка, а ты не хочешь сказать. Ты-то вот живой. – рыдала она, прижимая к себе младших сыновей.

– прости, мать, ей-богу ничего не знаю. – и заскрипев зубами, замотав головой, он медленно ушел в толпу.

– Ты че, мамка, зачем кричала на дяденьку, он мне конфет дал, и видишь. У него даже одной ноги нет!

– Ох горе мое горе! – рыдала Маришка- Глупенькие вы еще, ничего не понимаете.

– Ну ладно, успокойся, хватит.– подошла к ней соседка по работе. – У меня тоже двое сиротинок осталось, почти вместе похоронки получили. Жить надо, детей растить! Пошли концерт смотреть. А чего рты разинули, доблестные армейцы? Вон очередь стоит, булочки детям бесплатно дают. Там и мои девчонки, разыщите их и к ним в очередь.

– Мамка. Кончай плакать, праздник же! – и мальчишки умчались к очереди. Матери смотрели им вслед, вытирая слезы.

– Марайшка, Марайшка, праздника! – послышалось рядом. Поискав глазами, маришка увидела знакомых старух-калмычек, окруженных подростками-калмычатами, возраста как ее дети. Тут же стояли и две молодые женщины, держа за руки детей двух-трех лет.

– Твои друзья? – как-то странно посмотрела на нее соседка.

– Да, Валя, это про них я рассказывала.

Женщины подошли ближе к кучке калмыков.

– С праздником вас! – Празника, праздника! – закланялись старухи. Калмыцкие дети шептались, и внимательно смотрели в одну сторону, часто показывая туда вытянутыми руками. Валентина сообразила первой и весело-властно приказала ребятишкам: А ну быстро в очередь! Старухи враз закачали головами: Болшго! (нельзя!) и затараторили: – Нету, нету! Валентина переглянулась с Маришкой. – Вы что? Можно! Давайте быстрее в очередь! – и стали подталкивать ребятишек. Те несмело упирались, оглядываясь на своих, потом старухи разрешительно махнули руками и калмыцкая детвора, путаясь в своих немислимых рваных одеждах, пустилась бежать в очередь. Следом пошли и Валентина с Маришкой. Выгонят их, вот посмотришь, вон литовцы, греки, хохлы стоят хоть бы что, а этих прогонят. И точно. Не успели калмычата добежать до хвоста очереди, как несколько крайних пацанов обернулись к ним с возгласами: – Куда? Калмычата остановились как вкопанные. Рослый литовский пацан из их компании растопырил длинные руки и по-клоунски согнувшись нагло заулыбался: – Лабас денас! (Добрый день!) Булочка кушать без вас! И победоносно оглядывался ища поддержки в очереди. Кучка литовских пацанов

радостно гоготала. – Вон, зырь! Калмычат в очередь литовцы не пускают! В очереди произошло движение. Из середины очереди вышли несколько местных пацанов, среди них был и Вовка, и пошли в хвост очереди, враз засунув руки в карманы штанов. Белобрысый пацан чуть выше ростом Вовки, в надвинутой кепке на самые глаза боком подошел к литовскому пацану, цвыкнул сквозь зубы на землю и небрежно спросил: -В рыло хошь, морда? Ты уже третий раз со своей оравой становишься в очередь. – Не-е, я пожалуйста, залепетал литовец. – Мы просто стоим.

– Ну тогда не мешай другим. Точно! – загалдели остальные. – Налопались уже, а другим не дают. – кучка литовских пацанов тут же исчезла в толпе. Белобрысый сдвинул кепку на затылок, пацаны как по команде вынули руки из карманов и побежали в очередь на свои места. А белобрысый пацан важно оглядел калмычат и весело покрикивал: – Давай, давай, смелей подходи! Калмычата повеселели и так же кучкой пристроились к хвосту очереди. Довольный Вовка заглядывая ему в глаза захихикал – а то куда там: – Лабас денас! И они оба убежали к пацанам, которые уже нетерпеливо им кричали: – Давай, очередь подходит!

Счастливые ребятишки, получив по румяной булочке, оглядывали ее со всех сторон, нюхали. – Вот это да, вкуснятина! Девчонки Валентины подошли к ней и протянули ей свои булки: Мама, на! – Да ешьте, это вам, праздник же! Девчонки, отщипнув по кусочку, остальное сунули матери и убежали. Вовка с Колькой держа свои булочки на виду что-то разбирались с младшим Толькой, который слушая их жадно вгрызался в булочку. Ребятишки оглядывались

на мать, дергали брата за рубаху, но тот спешно поедал праздничное угощение Видя бесполезность своих увещаний братья наконец отстали от него и подошли к матери.

– мам, вот мы получили, а Толька сожрал свою булку.

– да ен же еще маленький, ешьте и вы!.

Потупив глаза мальчишки протягивали ей свои булки. Маришка отщипнула по крошке от каждой булочки, сунула себе в рот, вкусно зачмокала. – А это ешьте сами, праздник седни! Довольные сыновья куснули по доброму куску. Старший Вовка отломил половину булки и сунул в карман. И тут прибежали девчонки Валентины: – Все, булочки кончились, калмычатам не хватило!

– Божачка мой, и тут бедным людям не повезло!

Кучка калмычат возвращалась к своим как с похоронной процессии. Они сгрудились вокруг одного своего счастливого, который прижал к груди последнюю булочку, которой закончилась бесплатная раздача. Ребятишки что-то галдели. Нюхали аромат булочки, младшие терли глаза и ныли: Гын, гын, ях, ях!

Первым среагировал Вовка, он вынул из кармана свою половинку, оглядел ее со всех сторон и отломив кусочек протянул калмычонку. Тот глядел на него и не брал. Тогда он снял с него шапчонку, положил туда свой кусочек, и с вызовом оглядывая пацанов, жующих булки, громко сказал: – ну, кому слабо? – ребятишки нехотя отламывали по кусочку и бросали в шапку. Отломила и Валентина от каждой булочки и тоже бросила в шапку. Вокруг калмычат образовалась целая толпа из ребятишек и взрослых. Скоро шапчонка была полна булочных кусочков. Глаза калмычат светились радостью и они пошли к старухам, где высыпали кусочки в подол юбки Менги и разделили поровну, посасывая лакомство. А Менга усевшись на землю и растопырив по сторонам свою юбку, восседала как квочка с цыплятами и кричала: Марайшка, ханжинав, праздника, победа! А Валентина с маришкой и еще несколько женщин смотрели в их сторону и рассуждали: Ну мы мучаемся, поубивало наших на войне, живем-то хоть дома. А их-то за что на такие мучения, сколько их померло? Ну какие из них предатели? Старухи да дети. Нет, бабы, тут что-то не то. Натворили дел.

– Женщины, не омрачайте праздник победы ненужными разговорами. – неожиданно вынырнула перед ними прилизанная личность в пиджаке и галстук.

– А ну пошел отсюда! Наши мужики головы сложили ради этой победы, а ты сытый да гладкий, будешь тут вынюхивать, да учить нас о чем говорить. Зашумели и остальные бабы и двинулись в его сторону. Личность в галстук смутилась, замахала руками: Женщины, я с праздником хотел вас поздравить! – Иди, иди. Поздравить хотел! Праздник этот – горе и слезы наши. Личности как не бывало. – Ну что, бабы! Жить будем! Жить – детей растить!

Глава 4

Отгремели победные салюты, охрипли от громких речей высокие руководители, приходили в себя оглохшие музыканты духовых оркестров от непрерывной игры. Продолжались будни, люди подсчитывали потери. Внимательно и с ужасом оглядывали искореженную войной землю, разрушенные города и села. Продолжали работать, жить. Кончилась война. Но военный маховик продолжал крутиться, не ослабляя ритма. Также в военном режиме работали все военные и гражданские объекты, также работая выбивались люди из сил. Такая же была голодуха. Также каждый день в шесть утра из репродукторов на площадях, а у кого радио было и дома, начинался словами известного на весь мир диктора Левитана: – Говорит Москва! От Советского информбюро... И лилась душераздирающая песня: Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой! .. Песня скоро прекратилась, а тяжелая жизнь осталась. И эшелоны, катившиеся раньше на запад на кровавую войну с Германией покатали в обратную сторону – на восток. Готовилась война с Японией. А люди продолжали гибнуть от заминированных полей, от широкомасштабного мародерства, порожденного войной. В лесах Закарпатья засели недобитые банды эсэсовцев и бендеровцев. По всему Союзу гуляла малолетняя шпана, которую надо было укротить и обезвредить. У населения с полей сражений оказалось очень много огнестрельного оружия. Война кончилась. Но война продолжалась. Официальный конец войны ничем не облегчил жизнь обездоленных сирот, вдов и матерей, потерявших своих кормильцев. На фоне счастливых, не понесших урона от войны, душевные муки были еще сильнее. Психика у людей не выдерживала. Глядя на своих сыновей, которые по своему детскому возрасту не понимали всей сущности беды, которую принесла их семье война, Маришка все чаще и чаще плакала. Дети быстрее забывают боль и приспосабливаются к любым условиям жизни. Маришка видела несправедливость на работе, хотя утверждалось. Что по закону все равны. Нет, не равны. Кому война, а кому мать родна. Работая на хлебозаводе, на подкате вагонеток с дровами для печей, которые круглые сутки не переставая топились, она видела как уходили мешки с хлебом налево. Как с вагонов разгружалась мука и тоже мешки уплывали в сторону. А ведь хлебозавод – поставщик сухарей на фронт, охранялся так, что мыши проскочить было негде. Кругом автоматчики. Сколько пересадили за решетку народу за украденный с голодухи кусок хлеба. За булку хлеба – пять лет тюрьмы. Много видела она. Знала, а знающих либо высоко поднимают, либо с землей равняют. Огромные штабеля метровых поленьев и чурок немо высились во дворе завода, призывая молчать и работников. Кто-то молчал, кто-то нет. И как-то ночью вдруг запылал пожар внутри цеха и на складе дров. А за забором патронный цех. Не открой кран цистерны с водой, высившейся над дровами, быть большой беде. Взлетит все в воздух. Уже обожженная, дотянулась Маришка до крана. Открыла. Но сама оказалась под рухнувшим штабелем дров. Патронный цех остался невредим, как и штабель дров, залитый водой. Сгорел хлебный цех, и люди, отдохавшие тут же на часок-другой. Говорят, что скрыть следы преступлений умеют лучше всего вода и огонь. Точно. Десятки обожженных и сгоревших людей не смогли помочь следствию. Огонь и вода скрыли следы преступления. Может и смогла бы помочь следствию Маришка, да в недолгий срок ее жизни, отпущенной после трагедии, она была без сознания. И лишь в редкие минутные проблески сознания сквозь боль она в первую очередь справлялась о детях, и больше о младшеньком: Божачка помоги яму, ведь ен жа такой малый яще. – Она наглухо забыла русскую речь и впадая в беспомысленность выкрикивала по-белорусски свои суждения по поводу пожара на хлебозаводе. Дежуривший в ее палате следователь как ни напрягался, ничего не смог понять. Он поощрительно поглаживал по плечу шестилетнего Тольку, который ждал обеда (мамка все равно ись не будет) и часто тормошил его.

– Ну, переведи. Дружок, что она сказала? Толька вслушивался в бредовую речь матери и широко открытыми глазами смотрел на следователя, который не выдерживал его взгляда и лез в карман за конфеткой. Получив конфетку, пацан долго разворачивал ее и заключал: Муки и хлеба много там воровали, морды какие-то. – Ну, Толя, ясней. Конкретней надо кто. – Она не говорит. Может потом скажет, Может потом и я скажу, – загадочно отвечал пацан, откровенно поглядывая на карман сыщика. Вовка с Колькой на контакт с сыщиком не шли, забегали редко, мотаясь по базарам со шпаной, добывая себе кормежку как могли. В начале июня, когда палисадники и речные берега белели точно обсыпанные мелкими хлопьями снега, заканчивала цвести и осыпались лепестки с гроздьев дурмящей черемухи, Маришки не стало. Проснувшись поздно утром, Толька как обычно не обнаружил дома своих старших братьев, как и не обнаружил ничего съестного на столе и в чугунках. Взъерошенный и неумытый, он долго плелся к госпиталю к матери. По пути гонял чужих собак и кошек. От более яростных собак приходилось обходить по более дальним дорогам, видеть что-то незнакомое, на что тоже уходило немало времени. Да и мало ли каких дел может быть в такой длинной дороге у шестилетнего любопытного пацана? Перед входом в палату его встретила пожилая медсестра и сказала, что к матери пока нельзя, и пряча от него глаза повела в какую-то подсобку зашептав: пойдем-ка, я накормлю тебя, двойную порцию каши дам, хочешь? – Конечно, вот если маслицем полить, здорово бы было – шепелявил он без передних зубов. – Полю, полю милый. А наверх не ходи. Сегодня главный врач сердитый. Увидит, уши надерет и пообедать не даст. А маму может вечером сегодня, может завтра утром привезут домой. Так что сейчас покушаешь и иди домой, братьям скажи, старшему, чтобы пришел. Хорошо? А я тебе хлебца на завтра дам, чтобы ты зря сюда не ходил. И медсестра вытащила два хороших пласта белого хлеба. – Ух ты! Отсевной, белый. Как в праздник! – восторгался пацан и усердно работал ложкой. Медсестра закашлялась и вышла в коридор. Пообедав он сунул хлеб за пазуху и размышляя, где же он найдет старших братьев, побрел назад. Братьев он не нашел и домой попал поздно вечером и удивился: у их двора была привязана лошадь с телегой, во дворе были какие-то люди. Некоторых он знал, они работали на хлебозаводе вместе с матерью. Толька смело зашел в избу и первое, что он увидел, – на столе лежало два кирпича хлеба. – А у меня тоже есть! – радостно заявил он. Отсевной, белый. А тут черный! – и доставая из-за пазухи общипанные пласты хлеба осекся, увидев на лавке лежащую мать с заостренным лицом. – А че она такая неживая?! – вдруг скривился он. – И мухи по ней ползают. – заревел пацан и выскочил на улицу. Из избы неслись рыдания женщин. Ночевать дома Толька побоялся, и забрался на сеновал к бабке Лысоконихе. Туда же пришли и братья, объявив что будут охранять Тольку. Выспавшись ребяташки вернулись домой и тут обнаружилось, что из Орешного родня пришла – тетка Мавра, узнав о беде. – Вечером поздно сообщили, спасибо людям. Так сразу и наладилась к вам пеши. Вот орешков кедровых принесла, да пяток яичек. А Катерину-то не удалось разыскать, далеко в лесосеке на тракторе работает. Ох, жалковать-то будет! Любила она Маришку. Господи! Да как же теперь будет-то! – Жить будем! – повторяя материны слова, сурово заявил Вовка. – Да. Да, – горестно качала головой Мавра. – А дядя ваш старший Николай и брательник сродный Гришуха так и не вернулись. Остались с отцом вашим в чужой земле.

В обед на той же лошади и той же телегой привезли гроб. Хромой мужик распорядился похоронами. Усадил ребяташек на телегу и рассказывал бабам, что кому делать. Володька заартачился, на телегу не сел, и одев синюю отцовскую косоворотку. Которая была ему чуть не до пят, подпоясался ремешком и молча шел держась за телегу. На вопрос тетки Мавры – зачем он одел рубаху отца? – он вразумительно ответил: Пусть мамка думает, что ее и папка провожает. Бабы молча кивали головами. На кладбище Тольку пришлось вытаскивать из могилы, куда он спрыгнул, ревел и не соглашался чтобы засыпали гроб с матерью землей. Когда закончилось погребение и обессиленных пацанов усадили на телегу, чтобы отвезти домой, к ребяташкам подошел следователь и протягивая им по конфете тихо спросил: – Сказала вам что-

нибудь перед смертью мама? Старшие отрицательно качнули головами, а Толька ощерился как маленький зверек и завизжал: – Сказала мне, да тебе не скажу. Пожалел тогда конфетку, а я ее мамке хотел дать, может она живая была бы. А теперь твои конфеты не нужны! Същик смутился, а бабы участливо посоветовали ему: Не вовремя вы, оставьте детей в покое. – Да, да, извините – и он пошел в сторону. Ребятишки тихо сидели на телеге изредка всхлипывая, плакать уже не было сил. Они безучастно ждали и смотрели как бабы и хромой мужик доравнивали бугорок над могилой, укрепляли крест. Из-за кустов и соседних могил показалась кучка людей с обилием цветов – подснежников и черемуховых веток.

– Марайшка, Марайшка. – твердила одна женщина и пацаны признали в ней старуху – Менгу, с большой охапкой черемухи. Была здесь и Айса, и еще какие-то женщины-калмычки. – Сэн, Сэн, сэне (хорошо, хорошая) Марайшка, о, ях, ях! – заохали, запричитали старухи, положили цветы рядом с могилой и присев на корточки приложили сложенные лодочкой руки ко лбу, что-то тихонько жалостно запели. Все присутствующие оторопело и внимательно смотрели на них. – Вот ведь как. Нехристи, а цветов догадались нарвать, они что, знали Маришку? – Они у нас за огородом живут, мамка их иногда супом угощала, от милиции спасала – хмуро ответил Вовка. Видишь, люди помнят добро – заключил хромой мужик. Калмычки очень обрадовались, когда их цветы рассыпали по бугорку могилы. – Сипасиб, сипасиб! Ханжинав. Ханжинав, Марайшка! – низко кланялись они могиле. – Погодите. Не уходите! – сказал им хромой мужик и засунул руку в сумку, привязанную к передку телеги, достал полкирпича хлеба. – Вот, помяните покойную Маришку! – Бичкэ, бичкэ! (не надо, не надо!) – замахали руками старухи, прикладывая руки ко лбу и сердцу. – Они не побираться пришли! – рассерженно сказал Вовка. – Они уважают мамку.

– Стойте, стойте! – замахал руками хромой. Он отломил кусочек хлеба от куска, сунул его в рот и перекрестившись поклонился могиле. Старухи догадались что от них хотят. Они так же отламывали кусочки хлеба, клали в рот, приставляли руки ко лбу, кланялись могиле шепча: сэн, сэн, Марайшка – и отходили в сторону. Оставшийся кусок хлеба хромой молча просто сунул в карман старухи. Жаркое солнце, тряская дорога, смерть и похороны матери вконец обессилели пацанов и они отупело и сонно сидели на телеге, прижавшись друг к другу. Тетка Мавра прижав их головы к себе, молча обливалась слезами. Подъехав к избе хромой мужик завел лошадь с телегой под тень черемухи и тихонько сказал: Посиди так. Пусть поспят, успокоятся. – Поминать-то нечем, – удрученно сказала Мавра. – Ничего, – успокоил ее мужик. – Одну булку хлеба разрежем, сколько тут? Человек десять будет? А вторую булку ребятишкам оставим, да себе ломоть в дорогу возьмешь. – Че с детьми-то делать? – качала головой Мавра. Туда, к нам в Орешное взять? Голодно тоже, лишнего грамма хлеба нет. Картошка в прошлом году не родила, нынче огороды толком не посадили, семян нет. Попробую что-то через профком завода придумать. Хотя честно тебе скажу, вот эти две булки хлеба с горем пополам добыл. Сторело все начисто и семей попавших в беду много. Просто не знаю. Детдомы переполнены, да и там кормежки нужной нет. Что придумать? – горевал и мужик. – А

ничего придумывать не надо, дома мы будем жить. Папку с войны ждать. – привстал Вовка, потирая глаза. Вон сколько солдат уже вернулись. Да и из нашего госпиталя многие разъезжаются. И наш папка тоже раненый был, говорил же дядя Ваня, который воевал с ним. Вылечится да и приедет. Мамка-то все ждала его и нам приказала. А то вернется, а нас нету. Где искать-то будет?

Опешившие взрослые молча поддакивали ему, горестно качая головами: – Да если так, то ладно было бы. В первые дни после похорон соседи заглядывали к ребятишкам, приносили то чашку супа, то три-четыре картошины. Калмыцкие старухи, у которых в землянке были и другие женщины с детьми, снова наладили изготовление корзин. Увидя ребятишек во дворе они дружно кричали и звали их к себе: Вовика, Колика, Толика! Нааран хартн! (приходите сюда!), хот, хот (есть, есть). И угощали лепешками из саранок, испеченными на камнях

костра. Трудолюбивые старухи весь световой день бродили по болоту, лесам и полям, выискивая пищу. Выкапывались на полях остатки мерзлой картошки, пошла весной черемша, выискивались крахмалистые клубни ранней саранки, пошел и щавель. Немыслимого темного цвета лепешки из саранок, мерзлой картошки разной съедобной зелени, выглядели экзотической пищей, испеченной на камнях. Это надо уметь! Угощали калмыцким наваристым чаем – жомбой, из разных душистых трав. Иногда варили душистый махан (мясной бульон) из требухи или овечьих голов. Тогда по округе разносились аппетитные до одури запахи. Местные бабы завистливо поглядывали в сторону болота, плевались и судачили: Смотри ж ты, из дохлятины варят, а как вкусно пахнет – сглатывали они слюни. – А главное – живы, ни черта с ними не делается. А вон и Маришкины ребятишки у них ошиваются, тоже едят с ними и ничего. А наши чуть че не так съели – дрисня, рвота. А вон Рябков пацан чего-то наелся и богу душу отдал! Вот, вот, душу! – шамкала бабка Лысокониха.

– Сначала душу к калмыцкой пище надо сготовить, тады она на пользу пойдет. Вот к нам старшие пацаны приходят, сусликов и сурков ловят по полям. Ошкурят – шкурку сдадут. А тушку на костре подпалят и в котел. А суслики да сурки зернышки грызут, хлебные звери. Вот тебе махан – варится, с ума сойдешь – будто из быка только что забитого.

– Тьфу ты, – плевались бабы, – до крыс скоро дойдет. Встречая Маришкиных ребятишек бабы с отвращением смотрели на них: Не ходите к нашим ребятишкам, дохлятину жрете!

– Не слушайте их мальцы! – заступилась бабка Лысокониха. – Принимает ваше нутро иху пищу – ешьте. Это от зависти они говорят. Их-то пацаны при матерях растут, а вам хоть как вырасти надо. А вырастите – в ресторанах обедать будете. Вона, я слепо вижу. Но вижу как вся ребятня, и калмыцкая и наша босиком шлепает. Обувки-то нет, ясно дело. А к чему я? А-а. Вон у калмычонков и у Маришкиных деток столько цыпок на ногах нету как у ваших. А у ваших все ноги и руки в коростах расчесаны.

– А верно ить бабы! Мыло то ни у кого нет, а у тех и по давню. Они поди и не знают, что оно есть на свете. Эй, Толька, поди-ка сюда!

– Ага, к Маньке играть ходить не разрешаешь, а теперь иди сюда! – настороженно огрызнулся пацан, но ближе все-таки подошел. Но держался на расстоянии. Бабы внимательно разглядывали тыльные стороны его рук и ступни ног. Конечно, руки и ноги были достаточно грязные, как и полагается у настоящего пацана, но трещин и корост не было. Так, кое-где были царапины, ведь носило его где нужно и не нужно. – А между пальцами не чешется? – спросила его соседка живущая через дорогу.

– Это твоя Манька пусть чешет, у нее чесотка и болячки на губах. – выпалил пацан – Я сам к ней ходить не буду! – и засунув руки в карманы штанишек на одной лямке, он повернулся и пошел к своему двору. – ах, ты сученок! – задыхнулась от злости Манькина мать. – Ишь, говнюк! – Ладно тебе, Дюска! Пацан-то умыл тебя. Выдал семейные секреты. – смеялись бабы. Если хочешь быстро вылечить Маньку, иди к калмычкам, спроси чем они мажут руки и ноги пацанам, Маришкиным тоже видать. А так я слышала вроде сурчиным жиром. – Тьфу ты – сплюнула Дюска и с наворачившимися слезами на глазах закричала: Сдохну, крысятину и дохлятину жрать не буду. – Дура ты, Дюска, вон как у нас. У русских! Жить ведь надо. Выжить! А я вот пойду к калмычкам, махана попробую. И бабка Лысокониха поковыляла к болоту, за Маришкин огород, откуда ветерок тянул варившимся мясным бульоном. А бабы глядя вслед старухе стали вспоминать, что у калмыков тоже можно кое-чему поучиться. – Ведь ничего у них нет, а поди ж ты, живут. Вон и по болоту шастают, как у себя дома. Режут там осоку, лозу для корзинок, собирают клюкву, травы разные да черемшу. Додумались на ноги сплести лыжи-решетки. Хотя тоже вначале и их засасывало в трясины. А наши дуроломом попрут по болоту – или пан, или пропал. А вон лепешки с мерзлой картошки, да с саранок? Оказывается, не ленись главное – живой будешь. Вот ты Дюска на Маришкиных пацанов зря кричишь, что дохлятину жрут. Тебе завидно, что их калмыцким маханом угощают. А махан-

то из чего? У Шилихи бык овцу заporол, кишки выпустил. Ладно. Овечка кровью за ночь истекла. Дохлая она? Нет. Шилиха освеживала с помощью калмычек. Тушу и шкуру забрала себе. Втридорога потом мясо продавала. И я бы купила, да денег не было. А требуху, голову и ноги калмыкам отдала. Те бегом на речку, кишки прополоскали, выскоблили, мелко нарезали и в котел. Голову, ноги осмолили, выскоблили дожелта и тоже в котел. Вот откуда – махан и вкусно тянет, аж слюни текут. Специально ходила на речку дерюгу полоскать, хотя она чистая была. Наблюдала за ними. А у нас руки в жопе. Жрать хотим, а пошевелиться, ни, ни, куда там, кишки, обрабатывать! Облюемся, обворотимся. Но форс держим. Из графьев мы. А суслики-сурки, да они чище свиньи во много раз. Свинья любую падаль жрет, во всяком говне роется, а суслик зернышки, травку да орешки только ест. Чистюля.

– А может и ты уж на сусликов перешла? – подозрительно отодвинулась от собеседницы Дуська. – Перейти не перешла. А мой Генка их ловит, с голоду не сдохнет. Хрен я теперь требуху выброшу собакам. А чай ихний, калмыцкий, от любой простуды годен. Так любой жир застывший или топленый есть не будешь – рвотно. А в калмыцком чае, с разными травами, солью и молоком – даже вкусно. Сама пробовала.

– У них? – хором почти вскрикнули бабы. – Да нет, дома сама варила целую неделю, Генку выхаживала. Помнишь весной чуть не утонул в ледоход? А за рецептом к калмыкам ходила, тайком чтоб вы бляди не узнали. А то ведь заплюете, засудите. – А ты Клавка сука порядочная. Знала ведь против простуды средство, а не сказала мне. – насупилась на соседку Дуська. – Зимой Манька с Витькой целый месяц пластом лежали, думала уж не подниму их. – неблагодарная ты, Евдокия, не зря люди говорят. А кто твоих ребятишек мазью на ночь натирал? Ты в ночную, а я к тебе. Все ты нос воротила от этой мази. А ты чем их лечила, одним поглаживанием, да сюсюканьем? Так знай, чаем я их не поила – это верно, выгнала бы ты меня. А вот сурчиным жиром и еще там чем-то натирала. И поднялись твои ребятишки. – Ты? Сурчиным? – задыхнулась Дуська. – Да, да. Знай.

– Ох-хо! – затряслись в смехе бабы. Вот тебе и на! Вот тебе и калмыки. А вон у Засохиных, корову совсем прирезать собрались, вымя раздуло – не притронуться. Орава ребятишек – одно спасение было молоко. Все испробовали – не помогает, корова тощает, ничего не ест. Случайно калмычки проходили мимо, или побирались, слышали рев коровы. Ну и предложили свои услуги. По-русски ни бе, ни мэ, а за два дня вылечили корову. Ты бы догадалась теплую овчину с мазью на вымя корове положить? Нет, куды там? А они догадались. А мерли бедные поначалу как привезли их, ужас просто. В пустые избы и сараи забивались и замерзали там. А какие выжили, весной выползли, черные как тени. Уж в пустых избах и на отшибах не жили, как ни загоняли их туда обратно. К людям ближе пришли. Вон у меня под забором два раза шалаши ставили и каждый раз то старуха мертвая оставалась после их ухода, то дитя малое. Кормила оставшихся в живых чем могла. Шелуху картофельную сырьем ели. Сейчас немного обжились, растолкали их по разным местам. А то поставят к забору несколько палок, накидают сверху травы и веток и живут, а дожди-то все равно мочат. Что там за шалаш? Так себе, от солнца тень дает, да и только. А потом ведь и мы перестали им разрешать жить у своих заборов. Гнали просто-напросто. Боялись, что холеру какую-нибудь от них подцепим. Да и мертвых у своих дворов никто не хотел видеть. Хоронить-то у них сил не было, еле двигались. Ничего, выжили, разбрелись кто куда, хотя помирают их еще много. Ну, а наши не помирают? – заспорили бабы. – Помирают, слов нет, но не так. Мы дома – не забывай этого. А у них ни кола, ни двора. – Пожалела! А про своих сирот забыла. Может из-за них наших мужиков поубивало. – Э-э, уж если дура, так дура! Где наши мужики погибли? Под Москвой, то-то. А калмычня откуда? Из-под Сталинграда. Москва вон где, а Сталинград чуть не на юге! Тыщи километров между ними. Вон Пескарихин Васька под Сталинградом воевал, живой остался, хоть и дергает его, контузило сильно. Спрашиваем мы его про калмыков, в глаза он их там не видел. Тут чего-то накрутили. Напутали. Может, какой и был подлец у них, недаром ведь гово-

рят: – в каждом народе есть курва и злодей. У нас сколь хочешь подлецов, что теперь стариков и детей за решетку садить за них? Нет, бабы, тут что-то не то. Говорят, уже мужиков калмыцких видели, своих разыскивают. Все в медалях говорят. Вот тебе и калмыки. А на пацана ты Дуська зря накричала, чем ни накормят его калмычки, жив ведь. Правду говорит Лысокониha, – от зависти зубами ляскаем. Мы им ничем не помогаем. Работа проклятая, свои ребятишки, самим жрать нечего. А они глядишь и приглядят еще за ним. Он ведь еще сопливый, все один да один. Старшие братья – то все где-то болтаются, не глядят за ним. Да че уж греха таить, старших сколь уже раз на базарах ловили. Как бы в колонию не загремели. Связались со взрослым жульем, вот те и командуют ими. Ох-хо-хо, горе-то горе! Без хозяина – дом сирота, – точно говорят. Сама сколь раз видела, как стемнеет какие-то большие парни к ним в избу заходят, несут что-то. Уж Генке своему уши сколь раз драла, чтоб к ним и близко не подходил. Жулье-то оно и ест жулье, собьют с панталыку ребятишек. А в колонию попадут – это все.

Глава 5

Противоположная часть райцентра от речушки и болота вплотную примыкала своими постройками к деревушке. На другом конце этой деревушки находилась колхозная свиноферма. Длинные, приземистые сараи свинофермы пообветшали за годы войны, но необходимое по плану поголовье свиней сохранялось несмотря ни на что, хотя свиньи стали сплошь беспородными, неухоженными. Руководившая свинофермой дородная женщина особенно следила за поголовьем свиней, качество ее не волновало, ибо недочет в количестве в те годы грозил расстрелом. А то, что вместо упитанного полуторцентнерного кабанчика взамен появлялся на ферме горбатый, щетинистый поросенок вдвое меньше весом, знали немногие. Но молчали. Все работающие на ферме сами были не без греха. Была возможность утащить с фермы картошку, турнепс, жмых, отруби. В тяжелое военное голодное время это были ценные продукты питания. С полей растаскивались корма для свиней, так что жирку нагулять свиньям особенно было не на чем. Людей наказывали, сажая в тюрьмы, но голод брал свое. Охранять поля было некому, а вот свиноферма охранялась по ночам вооруженной охраной. Мясо поставлялось на фронт и в расположенный в райцентре госпиталь. С военкоматом была договоренность, и выздоравливающие в госпитале бойцы считали за счастье побыть в ночном дозоре на ферме, при оружии. В одну из ночей любители свининки из городского воря задумали уменьшить число поголовья свиней на ферме. Подъехав на телеге, угнанной из соседней деревни, они смело подошли к курившему у забора солдату. – Слышь, служивый, а правда у тебя автомат заряженный? – криво усмехаясь спросил щербатый парень с прилизанной челкой на лбу, поигрывая финкой. – Какое там заряженный! Учебный. Так, дураков поугагать – приклад со стволом, – весело глянул на них солдат. – Ну, так ладно! Ты жди дураков, а нам некогда! – и блатная тройца смело шагнула в свинарник.

– Э, э, вы куда? – повернулся к ним солдат. – Ты вот что, заглохни, служивый! А то схлопочешь пулю. – и бандит вытащил из-под рубахи пистолет. – Е-мое! Да вы чё, ребята? – развел руками солдат. Из свинарника послышался визг свиньи. Владелец пистолета сунул голову за дверь, любопытствуя как там идут дела, и тут же упал как подкошенный, сбитый с ног увесистым березовым колом. Его пистолет валялся у ног, а он сам корчился лежа в проеме двери. Подобрал пистолет, солдат передернул его, увидел что он заряжен, удивился и сунул его к себе за ремень. Из-за пазухи достал автоматный диск, укрепил его на автомате и взял за ноги лежащего, оттащил его от двери, которую запер на засов. Сняв с лежащего на земле охающего бандюги ремень, он связал ему сзади руки. Тут же послышался сильный грохот в двери. – Миха, ты че, сдурел? – открывай дверь, а то свиньи разорвут нас! – орали изнутри. – Вот и хорошо! Навек запомните дармовую свинину! – загоготал солдат. За дверью творилось невероятное – визг свиней, один особенно истошный, крики людей, грохот в двери. – Яйца берегите, оторвут! – весело смеялся солдат, наступив ногой на бандита, пытавшегося встать. – Ну ты, сука служивая, вытащи нас, иначе в куски порежем! – заорали за дверью. – Ага, щас! – солдат весело загоготал, и выпустил автоматную очередь в небо. – Это мой учебник боевыми строчит! – добавил он. Как ни странно, в свинарнике все замерло. – Вот так чтобы и сидели тихо-мирно! – уже яростнее заорал солдат, дергаясь от перенапряжения и заваливаясь набок. Связанный бандит в страхе зажмурил глаза. Солдата швыряло по сторонам, он вставал, падал, но автомат из рук не выпускал. – Пристрелит так, припадок у него! – мелькнуло в голове у бандюги и изловчившись он взбрыкнул ногами и попал каблуком в лицо солдата. Солдат ошеломленно остановился на секунду, из носа у него хлынула кровь, к нему вернулось сознание. Быстро глянув на бандюгу с задранными вверх ногами, он резко выставил перед собой автомат, держа его за приклад и ствол, упал на него. – Задавлю, сволочь, – давил он автоматом поперек шеи. Воряга захрипел, засучил ногами. – Погоди, Петька, убьешь, отвечать придется! –

вывернулся из кустов второй солдат, застегивая на ходу свои галифе, без гимнастерки в нижней рубаше. Сзади него испуганно выглядывала с растрепанными волосами девка. Прибежавший солдат был здоровенный детина, но никак не мог оторвать своего товарища от лежащего внизу пришельца. Наконец это ему удалось и видя заостренный взгляд с раскинутыми руками ночного гостя с каплями крови на лице и шее, он обреченно изрек: – Ну все, Петька! Попали под трибунал. Почиркав спичками, он внимательно оглядывал лежащего и хлопая его по щекам приговаривал: – Очнись, дура ты этакая! Потом вскочил, метнулся к углу сарая, зачерпнул в свои огромные пригоршни дождевой воды из большущей бочки и вылил на лицо лежащего. Тот захрипел и вдруг чихнул. – Ну, то-то! – ободряюще молвил детина, – а то вздумал комедь мертвую ломать. На другом конце сарая вдруг зазвенели стекла разбитого окна, которые длинными рамами – лентами были устроены почти под крышей свинарника. – Бля, уйдут, а я ногу подвернул! – как-то буднично заявил Петька, успевший разуться и перематывающий портянки. Кто там еще? – выдохнул детина. Да двое еще в свинарник заскочили, свиней резать. Этого-то я уговорил колом по хребту, а тех запер в свинарнике. Уйдут, вот тогда точно под трибунал. – А стрелял кто? – Да я в воздух пальнул для острастки. – Мать твою за ногу! И меня от самого интересного дела оторвал, – ругнулся детина и рванул в сторону звеневшего стекла. Петька подгреб ближе свой автомат и вертел головой, слушая крики и треск ломающихся досок или палок в яростной борьбе у дальнего края свинарника. Он также внимательно поглядывал на лежащего бандюгу, который что-то бормртал. Вдруг из-за изгороди метнулся по кустам сноп света и вскоре послышалось урчание машины. Наконец пучки света фар нащупали Петьку, одевающего сапог и вдалеке согнутую фигуру, с усилием волочашую что-то по земле каждой рукой. Свет уже не метался, а устойчиво высвечивал всю эту картину. Петька поспешно взял в руки автомат и начал подниматься. Сидеть! Брось оружие! – визгливо донеслось из кустов. Петька снова сел, но автомат из рук не выпустил. – Стоять, руки вверх! – заорали где-то на другом конце сарая. Брось на землю, чего несешь! Солдат – детина, поймавший двух остальных воругов, и не думал выполнять чью-то команду. Сипло дыша, он продолжал тащить свою поклажу, изредка поддавая коленями то одному, то другому бандюге, цеплявшимся за его ноги. Положение их было незавидное. С разбитыми мордами их тащили за шиворот волоком по земле, как щенят. – Стоять, руки вверх! Стрелять буду! – вновь заорали сзади детины. Солдат остановился. Повернулся назад и хрипло дыша заорал в ответ.: Ты че, дурак? Подниму руки вверх, они же убегут! И поддав коленями направо-налево, вновь потащил свой груз дальше. А Петька спокойно сидел и вел переговоры, не выпуская из рук автомата. – Милиция, говоришь? А покажись на свет, пистолет убери. Не-а, не знаю Вас. Не могу сдать оружие и пост. Да вот одного бандюгу взяли, двоих мой начальник тащит. Свининки друзья захотели, поронули там в свиношнике свинью – другую, да вот мы-то тут для чего? Задержали. Стало быть. И в подтверждение детина шумно дыша и харкаясь брякнул на землю метрах в двух от Петьки свою поклажу. – Лежать, суки, а то каблуком в землю втопчу! И он пошел к бочке с водой, где шумно умылся. В пригоршнях он принес воды и спокойно сказал: Умойся. Петя. А то весь в крови. Петька одной рукой зачерпывал из его пригоршней, другой крепко держал автомат. Милицionеров очевидно было трое – четверо. Одного Петька видел, другие не показывались прячась в кустах. – Ну чего ребята делать –то будем? Задержанных надо сдавать органам. – Ага, сдай, а вы может вместе с ними за свининой приехали. Точно, Гоша? Все может быть! – пыхтел детина скручивая руки ремнем второму бандюге. – Вот что. Ребята, мы у вас на виду под прицелом, вы нас можете перестрелять. Но оружие и бандитов мы вам не отдадим пока не привезете сюда нашего начальника охраны госпиталя. Есть такой капитан Кулагин, или его заместитель. – Нака, Гоша, трофей – и Петька сунул ему в руки пистолет. У машины, в темноте, совещались. – Слышь, ребята! Пока светло от фар, разложите костер. Рядом с вами будет светло – вас будет видно, вы будете под прицелом. А наш человек смотается за вашим начальником. – Ты смотри, варит башка у мусоров, – прошепелявил кто-то из лежащих бандитов. Щас, Петя, я мигом

костерчик разведу, – и Гошка метнулся к поленнице, и принес огромную охапку дров. Надрав бересты с поленьев он умело разжег костер, и когда он ярко запылал, машина попятилась назад и уехала. Без света фар стало темнее. Из кустов с разных сторон доносились голоса: Ребята, мы здесь, не балуйте! Не шалите и вы, друзья! Петька из всей дивизии был наипервейший стрелок. Стреляет и на ощупь, и на звук без промаха. – Слышь, мужики! Развяжите руки, свидимся, хорошо заплатим. Нельзя нам к мусорам попадать – вышка будет. – А ты вскочи и бегом, может они и промажут, мы-то стрелять не будем! – пыхтел самокруткой Гошка. – Да руки связаны, не убежишь. Стало быть лежи, не дергайся. – и Гошка деловито подкладывал дров в костер. – Да жарко! – елозили по земле ворюги. –Ничего, грейся, на Севере холоднее будет! – успокаивал их Петька. – Слышь, Петя, ну попались мы, ваша взяла. Колыма нам за радость будет. Об одном прошу – не говори, что дуру у меня отнял. – Кого, кого? – не понял Петька. – А, забыл что ты не ботаешь по фене. Ну, пушку, пистолет, не говори, что у меня забрал. Мокрушный он, за мусором числился. Петька озадаченно уставился на Гошку. Все очень просто, каждая вещь должна находиться у хозяина. И Гошка быстро, не церемонясь сунул пистолет бандюге за воротник рубахи между лопаток. Тот закурился по земле змеей и заверещал: Не надо, вытащи! У, суки, убью вас! – Ага, щас! – и Гошка так ляпнул своей ручищей по его пояснице, что тот взвыл диким ревом. По кустам замелькали блики света. И скоро подъехала машина, хорошо высветив обитателей у костра. Из машины вывалилось много людей. Петька кошкой кувыркнулся в тень от костра и скомандовал: Всем стоять! Капитана Кулагина к костру! Уберите пистолет в кобуру, товарищ капитан! – Ну, ты даешь сынок! – возмутился капитан и стал засовывать пистолет в кобуру. – Вот теперь я узнал Вас, товарищ капитан, не надо убирать пистолет. – Ах ты, сукин сын! – возмутился усатый небольшого росточка толстенький капитан. – Вот мы с кем войну выиграли! И растопырив руки он пошел к костру. – Где ты, Гусаков? – Да тут я! – совершенно с другой стороны выкатился Петька и похрамывая пошел к капитану. – Люди-то эти из органов? – осведомился он. – Из органов – проверил удостоверения и за подмогой в райотдел милиции позвонили, вторая машина идет. Напарник-то твой жив? – Да тут я! – пробасил Гошка. – А чего не по форме, где гимнастерка? – Да жарко, вон на кусту висит. – Живы, значит? Ну и ладненько. Рассказывайте, чего тут у вас стряслось. – Да вот на охраняемый пост напали, свиней резали, хотели увезти. На чем только не знаем. А, вон за бугром лошадь с телегой, у дерева. Наверное, их транспорт. – сказал капитан. Ну, а при задержании оружие применяли? – Не. Одного колом по хребту, а двоих вон Гошка кулаками отходил. Ну а я в воздух три патрона выпустил. Было. Можно было и не стрелять, так, созорничал. – Ладно тебе Гусаков, на бандитов патронов жалеть. Сам бы мог погибнуть. –Это точно. Вон у того за шиворотом полная обойма. – Пистолет? – вытянулся лицом капитан. – Точно, – подтвердил Гошка. – Узнаю разведку – каждая вещь должна быть у своего хозяина? – засмеялся капитан. – Молодцы, что вот так. – и он жестом показал на пистолет под рубахой бандюги. – Ну что, зовем милицию? Зовем. – и капитан жестом поманил к себе стоящих у машины. Не только от машины, но и из кустов к ним с оружием в руках стали подходить милиционеры. Свинарник был оцеплен. Расспросив что и как здесь произошло, майор милиции долго светил фонариком в лицо первого бандюги, что-то выискивая не то в его лице, не то в своей памяти. Ощупывая на его хребте очертанья пистолета, он шумно вздохнул и заключил: Вот и встретились, Бульга, как ты от меня не убежал. Тут тебе и конец будет. – Не мой это пистолет, подкинули мне его! – заверещал и задергался бандюга. –Ожил, значит, ну и хорошо. Уберите его, ноги связать, дергаться начнет, актер он хороший. А за шиворотом пистолет оставьте. – Не мой это пистолет, уберите! – верещал бандит. Задержанных быстренько утащили в воронку, покидали на пол. Попросили и солдат с капитаном проехать в отделение. Капитан махнул рукой: Ладно, съездим! Благо смену часовых я захватил. Тут и прибежала запыхавшаяся заведующая свинарником. Охая и ахая она цеплялась за китель майора и выспрашивала, сколько свиней украли. –Да целы твои свиньи, может какую и зарезали, завтра утром выясним. А сейчас его охрана да моя останутся до утра. –

Нет, я посмотрю! – настаивала завхозша. – А я говорю до утра туда ни шагу ногой! – Ой. Да что же это такое! – заголосила она и пошла прочь. На следующий день только и было разговоров про нападение на свинарник. Со временем разговоры утихли, но для всех было ясно, – ночью с военной охраной лучше не шутить. Днем на свинарнике в основном работали бабы и подростки деревушки. Пришедшие с войны немногие мужики пока отсиживались по домам, на законных основаниях отдыхали и до мертвецкого состояния упивались самогоном. Отдохнув недельку-другую, пора бы и честь знать, браться за работу, но мужики, собираясь в кучки, нажравшись вдрызг, сначала обнявшись пели жалостные песни, потом. Выявляя кто лучше из них воевал и что тут без них делали их жены, хватали друг друга за грудки, молотили по сопаткам. Програвшие в этой свалке являлись домой, расхристанные с разбитыми мордами, и вот тут-то начинался настоящий мужнин спрос: где ж это была его зазноба, да и что ж она делала тут без него во время войны? А его верная зазноба, облапив малолетнюю свору четверых – пятерых детишек, в рев кричащих от страха перед грозным родителем, преданно смотрела ему в глаза, не уставая повторять: Тише-тише! Мы сейчас тебя обмоем, тише родной. Мы так тебя ждали. Другого нам и делать было нечего. Обескураженный мужик бревном падал на пол, бился об пол головой, приговаривая: Да что ж я дурак такой! – Ничего, ничего, – вытирала, умывала его жена. – Старшенькие-то при тебе родились, вон четверо их. Ты ж так любил их! – четверо сыновей, нук, скажи у кого такие есть? Нету ни у кого. То-то. Только у тебя. Ну, а Настенька без тебя через месяц родилась, как тебя на фронт взяли. Ты ж видел, что я вот-вот родить должна была. Ты ж так дочку ждал! Вот тут мы все и есть, ну-ка посчитай нас! – Все мать! Простите меня! Завтра же иду на работу. – Ну и ладненько, а сейчас поспи, родимый, – и мать незаметным движением выпроваживала детей на улицу. – Тихо-тихо, все хорошо! В другой семье, где отец воин-победитель по пьянке пытался учинить подобный спрос, жена покорно становилась перед мужем на колени, закрыв лицо ладонями хрипло шепча: Виновата, бей! – А, стерва! Пока я кровь проливал, ты тут миловалась, наслаждалась! – и мощные пинки и удары кулаками опрокидывали женщину на пол. С искаженным лицом от злобы и ревности, муж – победитель топтал, таскал за волосы свою половину, мать его детей, изошряясь в побоях и уже не знающий, как же еще можно выместить на ней всю злобу, за войну, за нищую жизнь. За ее измену. Детей в таких семьях как правило прятали заранее – в соседях, на сеновалах, в подполе, до прихода отца. И среди старших, рожденных при отце, в серединке был крепко зажат и малолетний, из-за которого шел сыр-бор. Приятный малыш, рожденный без отца (и не дай бог от другого) хлопал глазенками и никак не мог понять: почему все родились, а он не должен был рождаться? Так нечестно. И он страшно обижался, когда ему кто-то говорил: Ванька, ты нам родной, но не совсем. – А почему вы мне тогда совсем родные? – Вон папка из-за тебя видишь что творит? – Ниче, он привыкнет, это он потому, что меня раньше не видел, а вас видел. Вот увидите, привыкнет, совсем родным станет. Я-то его родным считаю. А это главное. На детскую логику и убежденность возражений не хватало ни у кого.

Жизнь продолжалась. Много забывалось, многое переоценивалось. Постепенно деревенские мужики стали выходить на работу. Но на свинарник из них никто ни ногой. – Мы че, кровь проливали, чтоб в свинском говне возиться? По Европам зря шастали? Нет, увольте, должность сурьезную давай! Ну, еще на конном дворе с лошадьми куда ни шло. Верховодил мужиками хромой, лупоглазый Костя, звеня медалями и тыкая на грудь. – Вот моя история и отчет за то время. А у вас че? Как лопата и вилы были в руках, так и остались. И сами засохли как кочерги. Я, бывало, в Чехии таких кралей видывал! – пьяно куражился он перед кучей баб на утреннем наряде. – Э-эх! – сочувственно смотрели на него бабы, понимая поломанную психику человека, прошедшего войну и оставшегося калекой. – Пошли, бабы, на работу, а он пусть болтается, выискивает министерскую должность. Вон наши 13-15летние пацаны надрываются на свинарнике. Ждали вас победителей домой, думали полегчает жизнь. А вам только хмельно нажратся. – Ну не все ж такие! – парировали некоторые бабы. – Да тебе повезло, так

хоть помалкивай. Пошли в кормоцех, а то вся свиначья ходуном ходит. Две сотни с лишним свиней, запертые в общем свиначнике, грозили сорвать огромные ворота с запоров и петель и вырваться в огромный загон, огороженный крепким забором, с вкопанными в землю по низу бревнами. Свиней держали общим гуртом, перегородки сделанные еще до войны для индивидуального содержания были разбиты в пух и прах. Для свиноматок еще как-то родильное отделение сохранилось, там и выхаживали малышей – поросят. Кормежка взрослых свиней и подросшего молодняка производилась два раза в день – утром и вечером. Для этого посреди загона лежало несколько огромных корыт, выдолбленных из длинных толстых лиственничных бревен. Чтобы наполнить эти корыта кормом, приходилось начинать работу в 4-5 часов утра. Для этого были определены две лошадиные повозки, с огромной бочкой на каждой. И вот наполненные бочки с кормом, из нарубленного турнепса, картошки, залитые болтушкой из отрубей из кормоцеха, несколько раз отвозились в загон и огромными черпаками выливались в корыта. Также привозились отходы из столовой госпиталя. Возчиками повозок были трое пацанов 14-16 лет, Колька, Витька и Сашка. На правах старшего был более рослый Колька, указания которого выполнялись беспрекословно. Он знал куда и сколько наливать корма и командовал выпуском свиней в загон. Еще прошлым годом, пытаясь облегчить раннюю утреннюю работу, он несколько раз, после вечерней кормежки свиней, заперев их на ночь в сарай, завозил в корыта корма. Но к утру, на удивление всех, корыта оказывались почти пустые. Корм за ночь растаскивали. Приходили за кормом в основном ребяташки из райцентра. Солдаты, охранявшие свиначник, по ночам, подходили к этому с состраданием и пониманием. Взрослым здесь появляться не разрешали, а детей просто не замечали. Среди местных ребяташек было много калмычат, которые из наполненных корыт ели все подряд, напихивая за пазухи и в карманы куски картошки и турнепса. От вечернего завоза корма отказались. Утром пока возили корм в корыта часам к семи на забор загона подтягивались ватаги пацанов, которых голод гнал из мест ночлега. Как только повозки выезжали из загона, пацаны словно воробьи срывались с забора и бежали к корытам, выискивая нужную пищу. Особенно ценились отходы из столовой госпиталя. Там можно было найти кусочки хлеба. Утопая по колено в грязной навозной жиже, ребяташки неслись наперегонки к корытам. Увидев подъезжающие повозки, они снова карабкались на забор, залезть на который можно было только в определенных местах. Там обычно была свалка. Зная это, возчики делали крюк и поощрительно похлестывали кнутами зазевавшихся. Больше пацанов на заборе было на вечерней кормежке, так как многие приходили сюда и для зрелища. Вечерняя кормежка была интереснее. Закончив подвоз кормов и распределив их по корытам, повозки выгонялись из загона, ворота запирались. Ворота же свиначника продолжали сотрясаться от напора запертых свиней. Визг и грохот стоял несусветный. Животные чувствовали запахи корма и надсадно визжали. Возчики выпускать их не торопились. Подражая взрослым, нещадно матерясь и дымя махорочными самокрутками, ездовые Колька и Витька шли вокруг загона с внешней стороны и деловито похлестывали кнутами по задам и пяткам пацанов, сидящих на заборах. Надо сказать к их чести, что каждого хлестали только один раз. И если он выдерживал эту экзекуцию, то волен был делать, что угодно: бежать на полных правах к корыту или сидеть просто для зрелища. Многие не выдерживали, срывались с забора, падали в крапиву, усугубляя свое положение. Намертво вцепившись в забор и зажмурившись, эту порку калмычата выдерживали, и шмякнувшись в загон, бежали к корыту. Третий возчик Сашка, никого не трогал и растопырив руки как циркач шел-балансировал по верхнему бревну забора, ловко перескакивая через сидящих пацанов, смеялся. Не прошедшие экзекуцию калмычата плотнее припадали к забору, пропуская его через себя и было непонятно наступал он на них или нет. Потому как и после удара кнутом и после его прохода через них, калмычата открывали узенькие щелочки своих глаз, подражая Сашке смеялись, своими круглыми лицами-подсолнухами. Кольке и Витьке нравилось мужество калмычат и со временем, они к ним чуть прикасались кнутом. У остальных пацанов это вызывало большое негодование и они часто спихи-

вали калмычат с забора в отместку. Закончив обход, Колька и Витька вскакивали на забор с разных его концов. Сашка в это время уже стоял на нижней палке – запоре ворот свинарника, содрогаясь вместе с воротами от напора свиней. Он всегда ездил на одной повозке с Витькой и охотно помогал ему. Витька был более покладистый, Колька был грубоват. Как полководец, оглядывающий свое войско перед битвой, так и Колька оглядел кругом загон, ребянтю копошащуюся у корыт и нескольких человек, оставшихся на заборе. – Ишь ты, сытые! – разозлился он на пацанов, сидящих на заборе. – Ниче, зато эти нажрутца щас вдоволь! И вконец разозлившись он яростно щелкнул кнутом по бревну забора и затянувшись до одури самокруткой заорал Сашке: Чего рот раззявил? Выпускай! Сашка, внимательно следивший за двумя палками – запорами, ходуном ходивших в скобах, весело мотнул головой и мельком глянул на пацанов у корыт. Некоторые из них поглядывали на него, готовые в любую секунду дать стрелкача на забор, а некоторые не обращали внимания ни на кого, рылись в корытах. Сашке стало нехорошо и он медленно стал вынимать верхнюю запорину из скоб. Сразу образовалась большая щель, через которую свиньи высовывали свои рыла. Ворота затрещали. Колька уставший от работы и одурманенный сильной махорочной затяжкой отупело сидел верхом на заборе – пощелкивал кнутом и похрюкивал на свиней манер. Услышав треск ворот, он дернулся, глянул на Сашку, увидел высунувшиеся рыла нескольких свиней и заорал: – Ты че, бля! По башке захотел? Выпускай! У Сашки не хватало сил выдернуть вверх запорину из скобы. Она плотно была прижата к воротине напором свиней. По рылам их бей! – истошно орал Колька. Наконец, Сашка улучил момент и подпрыгнув на другом конце запорины, шарнирно укрепленной на створке воротины, выбил зажатый конец палки из скобы. Визжащая масса свиней отшвырнула воротины в разные стороны, кинулась наперегонки к корытам. На одной из воротин, уцепившись руками за верхнюю скобу, отъезжал Сашка. А громадное стадо щетинистых, худых длиннорылых свиней, отшвыривая в стороны более слабых, несло вперед. Завидев несущееся грозное стадо, пацаны кинулись к забору. Быстро бежать мешала топкая навозная жижа. Замешкавшийся калмычонок от страха присел за корытом, но тут же был отброшен в сторону клыкастым хряком. Пацан еле поднялся, и почти на четвереньках пополз к забору, где пацаны забыв про обиды помогли ему забраться на забор. На заборе калмычонок усидеть не смог, держась за бок окровавленными руками, он кубарем слетел вниз на другую сторону. Пацаны участливо оттащили его под куст и вновь влезли на забор – наблюдать за драками кормящихся свиней. Скоро корыта опустели, свиньи стали разбредаться по загону. Только у одного корыта творилось что-то непонятное. Они рыли что-то у корыта, дрались подобно собакам, вставая на задние ноги, вырывали друг у друга длинные грязно-красные куски и ленты тряпья. – Маленького поросенка разорвали! – предположил один пацан. – Дурак! – запротестовал другой. – Калмычонка разорвали, он не успел убежать, за корытом спрятался. Сначала его затоптали, потом разодрали. – Ты че! Врешь! – Да не вру! Сам видел! – надувался жилами на шее пацан. Вон смотри и калмычата видели. Видишь плачут? Жалкуют о своем друге. Сгрудившись на заборе в одном месте, калмычата показывали пальцами на дерущихся свиней, хватались за головы, жмурились и размазывая слезы по лицам грязными ручонками вопили: О, ях, ях, Ока! О, ях, ях, Ока! – Видишь, ихнего друга звали Ойка. – доказывал пацан, – вот они и режут. Скоро драка свиней прекратилась, они еще порылись в грязи немного, оставив после себя внушительную яму, и разбрелись. А не веривший пацан в неожиданную новость не унимался: Слышь, ребя! А может все-таки калмычонок убежал? Кто с калмыками может разговаривать? Может их как-то спросить? – Да че спрашивать, сожрали его свиньи, вон и тот пацан видел. – Я те бля сожру! – хлестанул кнутом пацана Колька, неизвестно как оказавшийся здесь. – Щас толкану туда к свиньям, тогда узнаешь как жрут свиньи. – Ой, Коля, не надо! – взвыл пацан и кубарем скатившись с забора побежал в кусты. И больше чтоб я тебя здесь не видел! – кричал он ему вдогонку. – А вы чего тут расселись, морды калмыцкие? И он защелкал кнутом по забору, но их пока не трогал. Калмычата горохом сыпанули с забора, и плотной кучкой сгрудились в отда-

лении, заглядывая за его спину и показывая туда жёстами. Колька оглянулся увидел Витьку и Сашку, согнувшихся у куста и что-то разглядывающих. – Че там? – закашлялся он от дыма самокрутки. – Да, вот. – неопределенно развел руками Витька и отодвинулся в сторону. Под кустом скрючившись лежал маленький калмычонок, грязный с окровавленными руками, прижатыми к боку. Зеленые большие мухи деловито ползали по всему его телу. У Кольки враз отвисла челюсть, выпавшая самокрутка оставила пепел на его кисти, держащей кнут, но он этого не заметил. Побелев лицом, он присвистнул: – Вот это да! Но тут же справился с секундной своей слабостью. И досадуя на то, что все видели его растерянность, его, Кольки, которому все нипочем, он рассверипел. Таким его Витька с Сашкой еще не видели. А тут еще в секундную его малохольность напомнили о себе калмычата своими всхлипываниями и вздохами. – Мать вашу в рыло! Предатели узкоглазые, чего ноете? Дохнете тут с голодухи, а я отвечай. – и он яростно замахал кнутом, по забору и кустам. Толпа пацанов слезшая с забора поглядеть на мертвого калмычонка, разбежалась в стороны. –Чтоб я не видел здесь вас больше никого! Свины сожрали! А кто докажет? Ты? Ты? Ты? – Наконец силы оставили его, и он опустился на утопанный бугорок земли. – Коль, дак мы че? Мы ж не видели ничего. Это Васька все проболтал, дак ты его проучил. Пацаны начали подтягиваться к нему, правильно поняв стратегию поведения. – вам пожрать даешь, а вы туда же, свины, калмычонок! – Коль, ну мы же всегда за тебя, ничего не выдадим. А тут мы ничего не видели. Ну можно мы будем приходить? А? Ты ж знаешь, у меня мамка давно уж лежит, болеет, – лебезил вихрастый пацан. – Ладно. Совсем маленьких чтоб здесь не было. Они ж еще ходить толком не умеют, не то что бегать, – милостиво разрешил Колька, подобрал свою самокрутку и с хрипом затянулся. Выпустив табачный дым через ноздри, а потом еще и колечками изо рта, что считалось высшим пилотажем, он окончательно успокоился. Поднявшись с земли он щелкнул кнутом почти у самых босых ног пацанов, но не задел никого, чем привел их в восторг. Потом махнул кнутом вверх голов, со звучным щелчком, также никого не задев. Пацанва угодливо хихикала: Во дает, Колян! Мир был восстановлен. Оглянувшись на мертвого калмычонка, где жужжали над ним распуганные мухи, Колька сказал: а этот дохляк с забора упал на ту корягу и пропорол себе брюхо, – и он ткнул кнутом на остро торчащую корягу у забора. – Точно, точно! Мы видели! – поддерживали пацаны. – А чего тут эти торчат? – накинулся он на калмычат. – А ну, марш отсюда! И его забирайте отсюда! – показывал он на лежащего калмычонка. Четверо более старших калмычат, исподлобья глядя на Кольку, несмело подошли к своему товарищу и взяв его за руки и ноги, пошли прочь от загона. Остальные младшие побоялись пройти около Кольки и через кусты пошли вскоре к ним. Отойдя немного калмычата остановились, положили на землю своего друга и что-то начали обсуждать. Колька вышел из-за кустов и закричал: Э-э! Давай, давай отсюда! И он махал рукой в сторону громадного оврага, где жители его деревни и райцентра брали глину, и куда валили всякий мусор. Непрестанно оглядываясь, куча калмычат побрела к оврагу, неся горестную свою поклажу. Остановившиеся пацаны, сгрудившиеся вокруг Кольки, вдруг увидели как самый маленький калмычонок, бредущий сзади своих, что-то закричал и начал грозить кулачком. Печальная процессия остановилась и повернулась в сторону загона. Все стояли молча и только малыш что-то кричал и грозил кулачками. – Коль, догнать, поддать им? – заглядывали ему в глаза пацаны. – Не надо! – угрюмо мотнул он головой. – Они ведь тоже люди! Пошли к повозкам. Цвыкнув слюной сквозь зубы он кивнул Витьке: – Поехали на речку за водой, жара наступает. Разок съездим, в корыта нальем, потом бабам в кормоцех. Скупнемся по пути. Повозки, облепленные со всех сторон ребятней, забывшей моментально о случае в загоне, загромыхали к речке. Пацаны весело болтали, кричали на кидавшихся им вслед собак, продолжали жить. Каждодневные смерти из-за голодной жизни стали привычным явлением для того времени. Дети быстро переключаются на другой ритм жизни, хотя их цепкая память удерживает многое на всю жизнь. Подъехав к речке и загнав повозки в воду, Колька приказал пацанам: –Так, по очереди наливайте бочки, а мы с Витькой пока скупнемся. Вы можете здесь

тоже побулькаться. И он с Витькой ушел метров на сто выше, откуда слышались веселые крики купающихся и детворы. Вдоволь накупавшись, они разлеглись на траве среди ребятни, утомленно вытянув руки. Пацан, сидящий рядом с Колькой, перекидывая камешки в руке, спросил: Утопленницу видел? – Где? – испуганно подскочил Колька. – Да вон за поворотом, недалеко от ваших водовозок, – рассмеялся пацан. Прихватив одежду они с Витькой пошли назад и увидели своих пацанов на противоположном берегу реки. Сразу за изгибом реки прибитая течением к берегу, на мелководье лежала нагишом утопленница. Судя по небольшому размеру тела, это была девчонка лет 13-14. Худющая с остренькими торчащими в стороны грудями. Зацепившиеся за куст черные волосы в косичках удерживали ее голову под свешивавшейся травой с берега, так что лица ее не было видно. На смуглом ее теле были видны кровоподтеки и царапины, особенно на плечах и бедрах. Подошедшая баба с коромыслом и ведрами, полными мокрого белья, поставила ведра на землю. С ней было несколько девчонок, с мокрыми волосами. Они очевидно купались где-то дальше. – Чего зенки пялите? – напустилась она на пацанов, – травой хоть бы прикрыли несчастную! Пацаны живо стали рвать траву и кидать на утопленницу, но трава в основном падала в воду и уносилась течением. – Не надо в воду кидать, вытащить ее надо на берег. Баба смело вошла в воду и стала отцеплять волосы девчонки от куста. Отцепив волосы, она повернула ее лицо вверх и все ахнули: Калмычка! Баба закачала головой: Она горемычная! Изнасильничали ее бедную, а потом утопили! – Да ну! – вытаращили глаза девчонки. – Вот и ну! Сколь говорю не шастайте одни по кустам, жулья полно всякого! И эта за ягодами очевидно пошла, вот и нашла себе конец. А может и сама кинулась с горя в воду. – Да ниче, она ж калмычка, не наша же! – заржал какой-то пацан. – Ах, ты сученок вражий! – взъярилась баба. – Ее мать рожала, как и тебя скотину! Только ты живешь, а ее в чужбину привезли неизвестно за что и жизни лишили. Я тебя сейчас сама в луже утоплю и задницу прежде нахлещу! И схватив застрявшую в воде ветку она кинулась к кучке пацанов. – Ты че, тетка! – в страхе заорал мосластый подросток и резво перескочив речку, скрылся в кустах. Жидковат, Кузя, наложил в штаны! – смеялись пацаны. – Сволочи, гады, чтоб у вас поотсыхало все на свете! Дочка ж это чья-то! Ах ты Господи! – сморкалась и плакала баба, возвращаясь по мелководью от неудавшейся погони. – Чего стоите! Вытаскивать ее на берег надо! – заорала она на всех стоящих. – давай бери ее за руки! – кивнула она Кольке. – Незаразная она. Часа два назад живую ее еще видела. Ох, грех на моей душе! – засмуцавшийся Колька нерешительно подошел, но брать руки девчонки-утопленницы никак не хотел. – Да бери ты, что ли? – закричала опять баба. И они наконец вытащили девчонку на берег. Причитающая баба вместе с девчонками укрыли травой бедра и грудь утопленницы, а Колька ощерившись растопив руки, долго глядел на них. Потом долго полоскал их в воде. А баба скомандовала девчонкам: быстро добежите до милиции, скажите что утопленница лежит тут. Да не говорите, что калмычка она, а то могут не приехать, а она бедная будет лежать тут гнить. Жара, мухоты вон сколько. А остальное, мол, не знаем что и как. При упоминании о милиции Колька с Витькой засобирались к своим повозкам. Быстро долив бочки с водой, заспешили назад к ферме, сопровождаемые толпой пацанов, которые на подъемах дружно подталкивали повозки. Уже въехав на основной подъем дороги, встретились с милицейским бобиком. Притормозив у самой повозки, милиционер, сидевший на заднем сиденье, спросил: Э, мужики, кто там на речке утонул? – А мы не видели! – почти хором ответили пацаны. – Понятно, даже если знают, хрен скажут, – ткнул он в спину водителя, – давай, двигай, только время теряем. И машина запыхала вниз, к речке.

Глава 6

Пассажирский поезд «Москва – Чита» никогда не останавливался на маленьких станциях, подобной – Камарчага. Разве только в экстренных случаях, когда надо было добавить в паровоз воды и угля. Но подобного на Камарчаге не бывало – захоlustье. И такие поезда, весело оставляя густой шлейф дыма, обычно прокатывали мимо, вызывая восхищение и зависть у людей сельского вида, в кои века выбравшихся к станции, для поездки в город, ждущих пригородный поезд. На этот раз приближающийся поезд еще издали начал притормаживать и заскрежетав тормозами почти остановился и потом, пробуксовывая, начал набирать скорость. Выскочивший дежурный суетливо вертел головой направо – налево, пытаясь определить, что же случилось. Но смог лишь определить, что кроме нескольких человек спрыгнувших с разных вагонов и разбежавшихся в разные стороны из-за густого пара, он больше ничего не увидел. Он побежал к паровозу, высоко держа флажок, чтобы его увидел машинист, чтобы потом не было обвинений в его адрес, что проморгал такое событие. Но куда там? Паровоз еще сильнее запыхтел, навалил пару и дыма еще больше и скрылся из вида. Дежурный еще долго стоял с поднятым флажком и наконец в последнем вагоне увидел расстроенного проводника в разорванной рубашке, что-то кричавшего ему из раскрытой двери. Проводник часто прикладывал кулак к уху, и когда дежурный сообразил, что надо куда-то, о чем-то звонить, поезд уже ушел далеко и подтвердить свои соображения он не успел. – А, стоп-кран сорвали! – осенило его. – Вот сволочи! Оглянувшись назад он увидел как далеко на путях спешно удаляются к лесу какие-то люди, а со станции к ним бегут четверо штатских, потрясая пистолетами с криками: Стой! Стой! Стрелять буду! Уходившие нырнули в лес, а догонявшие разделившись по двое побежали к лесу окружным путем.

Народ с интересом наблюдал эту картину, а шнырявшая всюду шпана – беспризорники радостно разъясняла: Фиг догонят! Хорошую пенку сняла братва, раз стопорнула поезд. И тут же раздался истошный визг бабы: Держи их! Корзину Сперли! Толпа суматошно засуетилась, проверяя свои вещи: Да где? У кого? – Да. Вон два оборванца через пути тащат корзину! А ты, мать их! И тут же предостерегающе раздался гудок приближающегося поезда. На всех парах груженный товарняк зафыркал-загрохотал мимо растерянной толпы. Стой! Куда ты лезешь! Тащи назад бабу! – одурело кричали вокруг. Хромой мужик и высокая девка с трудом удерживали обворованную бабу, рвавшуюся на другую сторону поезда. Наконец поезд прошел, толпа устало выдохнула: Фу ты, чуть под колеса не попала! А на другой стороне путей, словно в насмешку, сиротливо лежала опрокинутая корзинка, валялись какие-то тряпки и бумага. – У меня же там было все, больше у меня ничего нет! – голосила баба, обхватив голову руками, и побрела к корзине.

В толпе жарко обсуждали, что беспризорников надо сажать в тюрьмы. Куда власть смотрит? И тут кто-то насмешливо воскликнул: – А где ж они? Все оглядывались – беспризорной шпаны нигде ни одного не было. Вот те раз! Умело действуют! – восхищалась толпа, которая тут же переключилась на новое событие. О бабе забыли. Еще когда аварийно останавливался пассажирский поезд, многие видели как почти у станции из вагона выпрыгнул нерусский солдат, с легким вещмешком за спиной. Одной рукой он придерживал многочисленные медали на груди, чтобы не оборвались. Некоторые бабы-вдовы вытянулись туда (но нет – это не мой!) и закаменев лицами, отвернулись в другую сторону, наблюдая за другими событиями. А солдат, поправив гимнастерку и пилотку, растерянно улыбался и смотрел по сторонам. – Здравствуйте! Белозубо поприветствовал он проходившего угрюмо дежурного. – Здорово, здорово! Машинально ответил тот. – Это Канский район? – спросил улыбаясь солдат. – Канский – Манский, – пробурчал дежурный. – Вон смотри, если читать умеешь. Станция Камарчага Манского района. А до Канска и его района несколько часов поездом. Рано вышел. Стоп-кран не ты сорвал? –

пытливо смотрел на него дежурный. Солдат словно не слышал его вопроса, зажмурился, оскалил свои белые зубы и застонал. – Че, худо че ли? – осведомился дежурный, растерянно глядя за его спину, откуда показывал ему знаками отойти, от солдата хорошо выбритый, мужик в светлой рубашке. – Да сколько же вас тут? – засосало под ложечкой у дежурного, и он поворачиваясь в другую сторону сказал солдату. – Сейчас тебе все объяснят, – и отошел от него. К солдату тотчас подошли двое штатских, один высокий ростом, другой пониже. – Что случилось? – обратился высокий к солдату. Солдат открыл глаза и молча смотрел на них. Те так же молча показали ему красные удостоверения. Солдат в ответ полез в нагрудный карман и достал довольно много документов, разных бумаг. – Ого! – повеселел высокий. – Дай сначала справку, откуда ты. – И читая ее, шептал: Широкстрой, угу, печать наша НКВД, а на награды документы есть? – Вот здесь все! – и солдат хлопнул по другому нагрудному карману гимнастерки. – Ну хорошо, молодец что приехал, кадры нам нужны, поехали! – Куда? – заволновался солдат – я к семье – еду в Канский район, ошибочно вышел здесь, обманули меня на похожем названии. – Да не переживай ты, Цынгиляев, будет у тебя и семья, а сейчас в райотдел. Тут недалеко, десяток километров на машине. На нашем участке ты появился, за тебя отвечаем мы. Тебя ж не спрашивали кто сорвал стоп-кран? – Да вы что? – развел руками солдат. – Ну вот тем более! – засмеялся высокий. – У нас тебе лучше будет. И своих разыщешь быстрее. У нас, брат, как в военном деле все налажено. А ты оставайся здесь, жди возвращения группы из леса, а мы поехали. – сказал высокий своему напарнику, садясь в кабину черного воронка. – Меня не арестовали? – не решаясь заходить вовнутрь кузова спросил солдат. – Да ты что! Ну, просто другого транспорта нет. – А если не поеду? – Увезем дорогой все равно, – уверенно мотнул головой высокий. – Ладно, поехали! – и солдат влез в утробу воронка. Дверь захлопнулась, замкнулась. Пока ехали, солдат снял с груди половину медалей, и достав к ним документы, растолкал за голенищами сапог. Приехав в райцентр, энкавэдэшник завел солдата в комнату, где были разные военные чины. Тут оказался и военком, и начальник милиции. Просмотрели внимательно все документы – Ну, что ж, хорошо. Баджейский леспромхоз давно просит шоферов и трактористов, как раз туда и направим в село Орешное. – Помилуйте! – воскликнул солдат. – У меня же направление в Канский район, в сам Канск! Семья у меня там! – И с семьей разберемся, а работать и жить будешь в Орешном, давай туда направление, – кивнул начальник помощнику. Тот поглядывая в документы солдата, заполнил какой-то бланк, поставил печать, начальник расписался и протянул солдату. Военком рассматривая наградные удостоверения попросил для проверки снять медали и ордена, чтобы сличить номера. Волнуясь солдат снял. – Ну, в общем сходится, только когда ты все это успел получить? Странно. Проверим, вернем. – и военком сгреб медали и ордена в кулек и туда же сунул наградные бумаги. – А пока все это полежит у нас. А тебе дадим опись хранящихся у нас наград и документов. Надежнее будет. – Да вы что? – в ужасе прошептал солдат помертвевшими губами. Второй раз отбираете завоеванное кровью и риском для жизни. – Ну, вот что, спецпереселенец Цынгиляев, вернули же тебе награды после Широкстроя? Придет время, вернем и мы, если это твои. – Да как вы смеете? – задохнулся солдат. – Смеем, смеем! Не усугубляй свое положение. – А как же семья? Здесь же черным по белому написано – направлен на воссоединение с семьей. – Размазано написано. Восстановишься у нас. Но для этого надо жить и работать там, где тебе мы определили. – А как же это? – кивнул солдат на остальные бумаги и удостоверения шофера – тракториста. Тоже пока полежит у нас. Вот твои главные бумаги, – кивнул он на анкету и опись, – а там на месте определят тебя куда надо. Все, до свидания! – Да как же это? – выходил из райотдела расстроенный солдат. – Вот тебе и приехал. Вышедший вслед за ним высокий энкавэдэшник, который привез его сюда, видя расстроенность солдата, ободрил его. Не унывай, служба, хуже ведь было. Точно? – Да всякое было, – промямлил тот. – А как добраться до этого, как это – теперешней моей новой родины? И, заглянув в анкету, прочитал – в Орешное? – А просто.

Вот центральная дорога и через 45 км – Орешное. Ну, будь здоров! – и высокий, вскочив в воронку, уехал. Наверное опять на станцию, за очередной жертвой.

Ему повезло. Ехавшая на тракторе с саями, загруженными бочками с горючим, подобрала его веселая девка, и, сверкая белыми зубами, захохотала. – Ну, давай знакомиться! – и протянула ему мазутную руку: – Катерина. – А я – Мукубен! – в ответ засмеялся солдат. – Ты знаешь, Максимом проще тебе будет у нас. – Почему? – А поживешь, узнаешь. Так с Катериной подачи Мукубен Цынгиляев стал в народе Максимом. – А ты знаешь, среди русских меня уже называли так, погибший друг так меня звал на фронте. – Ну, вот видишь, я многое умею отгадывать, – посерьезнев, глядя куда-то далеко, далеко за горизонт молвила девка. И изучающе оглядев его она спросила: Ты воевал? Угу – буркнул солдат. – А че награды снял? – Откуда знаешь? – Такие как ты должны иметь, да и дырок на гимнастерке тьма. – Глазастая ты! – и Максим поплеывая на пальцы стал затирать дыры. – Да ты лучше одень их! – нет, не время! – покачал он головой. – В Орешное приедем одень. – пытливо посмотрела она на него. – Почему? – А товар лицом показывают, и еще пока встречают по одежке. Ты калмык? – Калмык, – широко заулыбался Максим. – Тем более. Пусть все знают какой ты. Всего себя показывай. Или нечего? – Ну, Катерина, обижаешь! – и Максим стал выгребать из-за голенищ свои награды и к ним бумаги. – И эти бы отобрали если бы не спрятал. И он коротко рассказал как все это случилось. – И правильно сделал, что спрятал. – А калмыки у вас в Орешном есть? – поинтересовался Мукубен. – Есть, есть! Знаешь сколько я их отсюда перевозила к нам. – Многих лучше бы и не возила, если б знала. – А что, плохие люди оказались? – забеспокоился он. – Нет, что ты! Муху не обидят. Многих на смерть привезла, сколько их поумирало. – А почему? – насторожился Максим. – Ваши плохо приняли? – Знаешь, может и наша вина в этом есть. Ты ведь ничего не знаешь. Видеть это надо. Привезли в морозы тысячи людей, стариков, женщин да детей, вывалили из вагонов и они сутками на морозе, у костров, ели как попало. Война ведь была, всем худо было. А их привезли под клеймом предателей. Отношение презрительное и тюремное. Кто что знал про них? Это сейчас немножко яснее стало. Да хоть война кончилась. Да растолкали их по району с горем пополам. В разные сараи да землянки поселили, с кормежкой беда, одежды нет. Мерли как мухи. Мы как могли помогали. Русского языка не знают, к нашим условиям не привыкшие. А тут разруха военная, сейчас вроде чуть налаживаться все стало. Техники больше стало, хлеба. Но все равно голодно. Короче, приедешь, увидишь. Семья-то есть? У нас, в Орешном? – Семья-то есть, да где-то под Канском. И не знаю живы ли они. – Ну, не горюй. Это все-таки не так далеко. Со временем все прояснится. – Надеюсь. – Вижу ты грамотный, кем работал? – До войны зоотехником, на фронте – разведчиком, в спецлагерях – шофером – трактористом. – Э-э, – да ты мой собрат! – захлопала по плечу его Катерина. – А что мы стоим? – Да вот, остановились, да боюсь даже узнавать, что с моими племянниками. – и она коротко рассказала о трагедии их большой семьи. – Вот так, Максим, не думай, что калмыкам только плохо живется. Так что, как тут рассудишь эту беду нашу и вашу?

К остановившемуся трактору стали подходить соседки ребятишек, покойной Маришки. Катюку тут все хорошо знали. Бывало, что по пути она привозила им бревна на дрова. – Что, Катюха, не выходишь? – окликнула ее одна баба. – Да вот смотрю на заколоченное окно и душа ушла в пятки. Живы хоть ребятишки? – Да, живы, чего с ними случится. Неудачно ты немножко приехала, сейчас их нет дома. Недавно их второй раз в детдом забрали. Первый раз вскоре после смерти матери – осенью по детдомам разобрали. Ну а к зиме они тут как тут, припожаловали. Сбежали. И в этот раз сбегут, попомнишь меня. Шутка ли родных братьев по разным детдомам? Спрашивали мы почему так? Говорят воспитательная мера такая. Мол они друг на друга плохо действуют. Ну не ироды ли власти? Зиму-то мыкались ребятишки, топить нечем, есть нечего. Жулья каждый раз полная изба, попали под каблук взрослого хулиганья. Младший-то всю зиму с собачонкой спал под кроватью, места ему нет. Поди ж ты, а с соба-

чонкой говорит тепло. Вот из-за этого и не замерз. Вон собачонка ждет их, подкармливаем как-никак.

На крыльце действительно лежала небольшая дворняжка и внимательно глядела на людей. Катерина, стоявшая среди баб, мазутными руками вытирала слезы и не стесняясь рыдала. Да вот еще спасибо старухам калмычкам, помогали доглядывать их, да за домом смотрят. Сама знаешь, у нас самих детей полно, с голодухи пухнем. При упоминании о калмыках Максим, внимательно слушавший разговор, встрепенулся и высунулся из кабины. Улучив момент, он спросил у женщин: А сейчас где те калмычки? – Где и всегда, у болота. – ответила баба. Максим не понял и внимательно смотрел на женщину. – Не понял, вижу? Вон, за огородом землянка у болота, там они и живут. Только неделю назад Байса умерла, а Менга живет, ничего, к ней еще какие-то калмычки пришли. – Катя, извини, я сбегая к ним? – Давай, только недолго. – И Максим бегом пустился бежать вокруг огорода. Смотри, точно по тропинке иди, а то кругом болото, утонешь! – крикнула ему вслед женщина. Около землянки Мукубен увидел небольшой костер и над ним на палке подвешенное ведро. Вокруг никого не было. Землянка тоже была пуста. Максим растерянно озирался по сторонам. И вдруг из болотного кустарника донеслось: – Мендуть! (здравствуй!). – Мэн, мэн, мендуть! (да, да, здравствуй!) – радостно ответил Максим. – Ты наша? – Ваша, ваша! – поспешил он ответить и из-за куста топкой местности, всплескивая студенисто-мшистую поверхность, какими-то странными плетенками на ногах, вышла маленькая старушка-калмычка с пучком тонких тальниковых прутьев. Сбиваясь с русского на калмыцкий солдат назвал себя. Менга не успевала отвечать на вопросы Мукубена. – Нет, отца и мать его она не видела, а может и видела да не знала их. Много умерло по дороге людей, а где хоронили – не знает. Вот Байса умерла – она была с его стороны, с его улуса. Она могла знать. Женщина с двумя детьми, мальчиком и девочкой, была тоже прошлой весной, но ее арестовали, увезли. Куда не знает. Как зовут? – Ой, не спросила! Такая хорошая, грамотная, все какую-то бумажку читала. Только вот ноги поморозила. Мужа искала. Может тебя. Давай жомба (чай) пить, – и старуха полезла в землянку, вынесла две деревянные пиалы. Но тут затарахтел трактор, Максим торопливо хлебнул поспешно несколько глотков, и поставив пиалу на пенек, стал кланяться, приложив руки клинышком к лицу. – Ханжинав, эк! – (спасибо, мать!) Ханжинав эк! Мне пора. Меня ждут. Со слезами на глазах уходил Максим. Около трактора толпа женщин и детей увеличилась вдвое. Подошедшего Максима встретили вопросами: Ну что, узнал чего-нибудь? – на что он отрицательно покачал головой. Смотри дорогой, Катерину нам не обижай. Максим с усилием улыбнулся и ответил: Ее нельзя обижать, она у вас хорошая. То-то. И решительно подойдя к Катерине, сидевшей за рычагами, сказал: – позвольте мне прокатить вас на этом рысаке. – А хоть до самых Саян! – засмеялась она и отодвинулась на пассажирское сиденье. Бабы долго стояли кучкой и все махали руками. А ребяташки, облепив сани с вонючими мазутными бочками, наслаждались поездкой, выехав за райцентр на целый почти километр. Поздно вечером, загоня трактор в гараж, с уважением глядя на Максима, Катька сказала: – Вот всегда бы так попеременно рулить. А то одна в нитку вытянешься, пока съездишь, да и смену в лесосеке не просто без помощника выдержать. Давай, Максим, завтра в контору двигай, проси технику. Соревноваться будем! – захохотала она. – А сейчас иди в кочегарку, переночуешь там.

Так, после войны в Баджейском леспромхозе, в селе Орешное, появился первый калмык – солдат, прошедший войну, спецлагеря, и вновь определенный на поселение. Его грудь украшали ордена и медали, которых было наполовину меньше, чем тогда, когда он первый раз ступил на сибирскую землю на станции Камарчага. Люди уважительно смотрели ему вслед: – Ишь, ты! Калмык, а поди ж ты столько наград. Парторг леспромхоза вместе с участковым милиционером долго придирчиво изучали справку – направление, разъясняли права и обязанности спецпереселенца и когда очередь дошла до наград и документов к ним, Максим опередил их. – Вот, пожалуйста, документы на них в райцентре, проверено самим райвоенкоматом и началь-

ником милиции. Половину сдал военкому на хранение, – вот опись, остальное разрешено быть при мне. – Надо же, откуда столько наград? – сжал губы парторг. – Ну ладно, похвально, только это вам никаких преимуществ не дает. Вы спецпереселенец и должны это всегда помнить и не нарушать закон! – повысил голос парторг. – Мы за вас отвечаем, без разрешения из села никуда. И учтите, характеристики о вашем поведении в конечном итоге даю я! А сейчас идите в отдел кадров – оформляйтесь на работу. На жилье вас определит участковый. И парторг, хлопнув дверью, вышел. Максим стоял и чувствовал себя преступником, непонятно за что. – Что, неласково обошелся с тобой партийный бог? Терпи. Ужалил ты его в самое интересное место. – Как? – не понял Максим. – А так! – ткнул пальцем он на грудь Максима. – На твои награды, как на иконостас, молиться нужно. А у него за войну одна медалька – расхохотался участковый. – Не терпит он тех, у кого наград больше чем у него. Вторую вот дали, всем участникам, а ему что-то не пришла пока. – А вас жалит это? – поинтересовался Максим. – Нет, – серьезно мотнул головой милиционер. – У меня поменьше твоих, но полно. Пошли. Покажу тебе, где тебе жить. Ну и заодно назначаю тебя старшим над всем калмыцким войском, которое на моем участке. – А много их? – поинтересовался Максим. – Поживешь, узнаешь. Сам толком не знаю. Многие выбывают из строя, трудно учитывать. – Вон, видишь избенку? – там твое жилье. – Не буду заходить туда, пугать ребятишек. Живи, устраивайся. Оформься в отделе кадров на работу. Все. Будь здоров! И участковый исчез где-то за углом соседнего дома. Максим постоял – посмотрел по сторонам, запомнил дорогу к избе, где ему предстоит жить, и снова пошел в контору оформляться на работу. Подойдя к отделу кадров, он услышал громкий разговор. Больше говорила женщина. – Мне надоело кишки надрывать. Никто не имеет права задерживать меня на этой работе. Ну, была война, понимаю, некому было на технике работать. А сейчас мужиков вон сколько, хоть и покалеченных. И переселенцев навалило, хоть отбавляй. Есть и шофера и трактористы, а вы их держите сучкорубами. Мужской голос что-то бубнил в ответ. – Вчера я привезла калмыка, он шофер и тракторист. Практику прошел сразу, от Шалинского до Орешного вел трактор. Получше меня водит. Замену все говорили, найди, вот я и нашла. Если время надо присмотреться, направляй его в гараж, завгар разберется, со временем меня и заменит. Я не отказываюсь от работы, вон в котельной порядка никакого нет. С одним дизелем не могут справиться. Я справлюсь. До вашего сведения довела, прошу учесть. Почему громко? Да пооглохла я на этом тракторе, вот и ору, как дура. До свидания! – из раскрытой двери показалась расстроенная Катерина. – Вот он, о ком я говорила. – ткнула Катя в опешившего Максима и вышла из конторы. – Можно? – несмело спросил он худощавого мужика в военной форме, без погон, курившего папиросу. – Давай, заходи. Вон ты какой кавалер, не успел приехать, за тебя уже хлопочут. – До кавалера одной награды не хватает, хотя на представлении была. – Ладно, не о том я. Война кончилась, за что-то награждали, за что-то осуждали. Грехи трудом надо отрабатывать. Что умеешь? – щурясь от дыма изучающе смотрел на него начальник кадров. – Что надо, то и буду делать. Вообще я зоотехник, работал и шофером и трактористом. – Давай документы. – В райцентре у начальства остались, вот в описи указано что у меня есть. – Угу, – гукнул начальник. – В гараж разнорабочим пока пойдешь. – Что ж, пойду, – пожал плечами Максим. – И вот что, Цынгиляев, будешь волыннить, с метлой и лопатой всю жизнь будешь работать. Понятно? – Понятно. Можно вопрос? – Можно. – Как с семьей восстановиться? Она у меня под Канском. – Это не ко мне. Это к парторгу и участковому. Все, завтра в 7 утра на наряд в гараж. – и он подал ему записку. – Хорошо, буду, – и он вышел. Невдалеке он увидел магазин, у которого толпился народ. Магазин был закрыт, ждали привоз хлеба, но по местным Карточкам. Карточек у Максима не было. В столовой утренняя кормежка прошла, но за деньги кое-что можно было взять, но все продукты закончились. Пожилая повариха, отскабливая от котла пригоревшую вермишель, сказала: – Погоди несколько минут. Чем-нибудь накормлю. – Вы знаете, мне бы с собой. Повариха долго смотрела на него, потом выдернула из картонного ящика кусок плотной бумаги и сделав кулек

нагребла в него прямо пятерней кусков подгорелой вермишели. – Вот все, что могу, и то тебе сегодня просто повезло. – Спасибо большое – заулыбался он. – А тебя-то сюда за что? – А наверное за то же, за что детей и стариков, – враз посерьезнел Мукубен. – Ладно, все хорошо. До свидания! И он пошагал к своей избе, не зная, что там и кто. Еще на подходе к избе он увидел небольшой дымок, около двух сидящих женщин в нескольких метрах от двери. Подойдя ближе, он увидел небольшой костер между камнями, на которых стояло ведро. Женщины оказались старухами с трубками во рту. Одна из них длинной палкой помешивала что-то в ведре, подкладывая в костер маленькие ветки. Максим хищно принюхивался, пытаясь определить что же они варят? Наконец еле заметный ветерок потянул в его сторону и до него донесся запах варева. Что-то мясное, с щавелем. Ух, ты! Почти махан варят. Со вчерашнего дня его желудок был пуст. В вещмешке как слиток золота он берег закаменевшую булку хлеба и банку тушенки. Эти продукты ему выдали на пятидневное питание в дороге, при освобождении из Широковского лагеря. Но в дороге он оказался уже целую неделю, питался как придется. Больше спал. А продукты берег для встречи с семьей. Не судьба. И вот только тут он ощутил страшный голод. Его замутило, затошнило и он едва не упал, успев ухватиться за жердину изгороди. Так и стоял он облокотившись на жердину, поспешно приходя в себя. А потом уже просто стоял и наблюдал за действием старух и изредка подбегающих к костру ребятишек. Он разглядывал ветхую избенку с прохудившейся крышей из дранки, обомшелую и очевидно очень старую. Покосившийся сарай из дранки очевидно тоже входил во владение этого подворья. Дальше косогор спускался к речке, откуда слышался галдеж ребятишек. Очевидно купались. День был жаркий, время было обеденное. Так и стоял Максим не решаясь подойти к избенке, пока его не увидел калмычонок лет семи. Он оторопело уставился на него, потом подбежал к одной из старух, похлопал ее по плечу и показав не Максима, стремглав кинулся в избу с криком: Нааран! Хэлэх! Хальмт дээч! Нааран! (Сюда! Смотреть! Калмыцкий воин! Сюда!) Почти сразу из избы выскочили несколько калмычат разного возраста и уставились на Максима. Впереди всех стоял малыш, и показывая на него пальцем, что-то говорил. Повернулись в его сторону и поднялись с чурбачков старухи и тоже выжидательно смотрели. Максим встряхнул вещмешок на плече и пошел к ним. Мендуть! Би Мукубен, тадн нацх, абх (Здравствуйте, я Мукубен, ваш дядя!) – Пее, пее! (ай-ой! Ай-ой!) Сен! Сэнер! (Хорошо! Хорошо!) Дядя с войны приехал! – радостно прыгали ребятишки. От кучки ребятишек отделился самый рослый, лет 14-15. Смотри, сколько у него медалей! Он храбрый и сильный! И шагнул навстречу Мукубену: Би Мутул! (Я Мутул!) Я и по-русски могу говорить. – Ну здравствуй, молодец! – и Максим обнял его. – А это наши бабушки. – Алтма, Алтана – поклонились старухи, сложив руки лодочкой у лица. Максим внимательно разглядывал их. Старухи как две капли воды были похожи друг на друга. Они рассмеялись, показывая друг на друга двумя пальцами. – Двойняшки-сестры, – догадался он. Обнимая всех ребятишек, обступивших его, он отвечал налево и направо на вопросы детишек. – А где ты будешь жить? А у нас спать тебе негде, – тут же заявили пацаны. – А что у тебя в мешке? А ты нам дашь? – А тебя сразу узнала, что ты наш дядя! – заявил тот малыш, который первый увидел Максима.

– Так ты девочка? – весело заметил он. – Ага, я Сюля! – радостно прижалась к нему девочка, стриженная наголо. – Болела она сильно, ее и остригли, – заметил старший пацан. – А я Цебек! – А я Санан! А я Басанг! – несло со всех сторон. – ну а ты чего в стороне стоишь? Как зовут тебя? – Савар, – застеснялся мальчишка. – Обедать будем! – захлопотали старухи, снимая ведро с костра. Старший Мутул притащил широкую низенькую скамейку. – Это наш стол, я сам сделал! – гордо заявил он. – Молодец! – видя замешательство старух, которые не разговаривали по-русски, а ребятишки почему-то старались вворачивать именно русские слова, хотя бывало и невпопад. Максим обратился к ним: Эк Алтма, эк Алтана, нанта хальмгагхар кюндит. (Мать Алтма, мать Алтана, говорите со мной по-калмыцки). Би таниг саянар меджянав! (я хорошо понимаю вас!). Саянар! Ханжинав! (хорошо, спасибо) – закланялись обрадованные старухи.

Ребятишки притащили алюминиевые чашки, кружки, ложки и расселись прямо на земле у скамейки. – садись, садись, – приглашали они Максима. Он смело уселся на землю рядом с ними и стал развязывать свой солдатский мешок. Вынутый кирпич хлеба затвердевшего за дорогу произвел на всех громадное впечатление. Солдатский хлеб, с войны, – самый вкусный – перешептывались пацаны. А когда была вынута банка говяжьей тушенки на которой была этикетка с коровой, радости не было предела. – Ну, а это мы потом разделим, – и Максим вытащил два куска сахара, величиной со спичечный коробок каждый. – Ух ты, – восторгались ребятишки. – А как будем делить? – интересовались они. – А вот ножом расколем, – поверг совсем в шок он ребятню. В его руках был настоящий солдатский складной нож, на который разинув рты смотрели пацаны. Лишь единственную девчонку – Сюлю – нож не интересовал, она во все глаза смотрела на медали, осторожно трогая их пальчиками. Максим глянул на старух разливающих похлебку по чашкам и кружкам и спросил: Хлеба половину сейчас съедим, а остальное на вечер? Хорошо? И отрезав полкирпича хлеба, другую половину он передал вместе с тушенкой одной из старух. Та бережно прижав все это к груди, тотчас унесла в избу. Максим внимательно оглядел всех, пересчитал и спросил: Все здесь? – Все, все! – почти хором ответили дети. Шестеро детей и две старухи следили за его действиями. Подумав он повертел в руках полкирпича хлеба и не спеша разрезал его на восемь равных кусочков. И разложил их перед каждым, сидевшим за столом. Ханжинав, Ханжинав спасибо! Все дружно принялись хлебать похлебку. Обжигаясь Максим тоже смешно глотал варево и удивлялся: – до чего же вкусно! Даже с мясом, почти махан! Ага! – отозвался Мутул. Лесовоз раздавал соседскую курицу, мы принесли ей, говорим, возьми, суп сварить. Она увидела что все раздавлено, заплевалась и прогнала нас. Мы взяли, ощипали на костре осмолили и вот суп. Совсем вкусно! – засмеялся пацан. А у тебя хлеба нет! Заявил совсем маленький Цебек и отщипнув кусочек, положил около чашки Максима. Да я хлеба наелся! – поперхнулся он, поняв свою оплошность при дележке хлеба. Себя он не посчитал. Все молча отщипнули по кусочку и положили рядом. Максим совсем смутился. Не надо ребята! Одна из старух тыкая пальцем в каждого, в том числе и в себя показала девять пальцев, потом отрицательно покачав головой показала восемь. И уверенно подвинув к его чашке, отщипнутые кусочки: сказала: ХОТ! (есть!). Ханжинав (спасибо!) заулыбался Максим и стал есть похлебку, уже с хлебом. Ведра похлебки как небывало. Ребятишки сжевали и куриные косточки. Разделили и вермишель из кулечка. Съели и ее. А может быть мы сахар оставим на вечер с чаем? Нет, сейчас! – наперебой загалдели дети. Ну, что ж давайте сейчас! И Максим тыльной стороной ножа расколол на мелкие кусочки кусковый рафинад. Летевшие по сторонам крошечные кристаллики сахара подбирались детьми и складывались в общую кучку. Процесс дележки оказался сложным но все остались довольны, сунув за щеки свои кусочки и жмурились от удовольствия. Ты от нас дядя Мукубен не уходи, с тобой вкусно! Заявила неожиданно маленькая Сюля. Хорошо, хорошо – заулыбался Максим. Знаете что? Тут крыши нет. Дождик пойдет, а костер горит, чай кипит, махан варится, а мы сидим у костра чай пьем, и нас дождик не мочит. Как вы? Конечно построим. – загалдели дети, и старухи радостно закивали головами. Мутул ты старший, нужен топор и лопата! Найдем, у меня даже несколько гвоздей есть. За сараем Максим нашел несколько жердин, годившихся на столбики, и старые доски из дранки на крышу. Ничего, мы потом лучше доски найдем. А пока так побудет. Работа закипела и к вечеру навес на четырех столбах был готов. Ребятишки гурьбой устраивались у костра, и именно под навесом, хотя дождя никакого не предполагалось. Вечером долго сидели у костра, пили чай. Пришли и русские ребятишки, принесли несколько картошин и разрезая их на пластики жарили на горячих углях. Всех угощали – вкусно. Весть о том, что сюда на поселение пришел калмык весь в орденах и медалях, быстро разнеслась по громадному таежному селу. Уже поздно вечером, когда окрестные хозяйки загоняли скот вернувшийся с пастбища по дворам, к костру подошел старый калмык в шапочке с тощей котомкой за плечами долго стоял в тени ни кем незамеченный. Стоял и слушал разговоры у костра. Наконец, кто-то

из ребятишек заметил его и радостно крикнув: дядя Церен пришел! Ура! Жомбу пить будем! Ребятня облепили старика, обнимая его.

А он сняв котомку достал оттуда бутылку с молоком, заткнутую деревяшкой и глянув на старух спросил; Нааран? (Сюда?). Те согласно кивнули головами, попыхивая трубками. Молоко забулькало в вареве трав. Коричневато-зеленая жидкость стала посветлей. Покипев чай сняли с костра. Ребятня моментально кинулась в избу за кружками. Принесли консервные баночки и гостям. Потeya и отдуваясь все пили чай, соленый калмыцкий чай – жомбу. Русские ребятишки оглядывались в темноту. Чего темноты боитесь? – спрашивал их Максим. Не-е, мамка если узнает, ругать будет! Спешили закончить питье пацаны. Вкусный чай? – весело скалился Максим. Еще как! Ну, вот и хорошо. Приходите еще. А мы приходим все равно, если нас даже дома ругают. А, и Бадмай здесь? И к костру подошла молодая девка, в ситцевом платье, с толстой кудрявой косой. И она сунула в руки одной из старух крынку с молоком. Здесь, Катя здесь! Вот жениха хочу тебе показать и ткнул пальцем в Максима. Э-э! – засмеялась девка. – Этого жениха, если бы я не привезла топал бы еще пешком. Катя, ты! – изумился Максим. Не узнал? Вот и вози вас! – захохотала девка взяв у старухи пустую крынку, ушла в темноту. Да, как же? – сокрушался Максим. Катя это? Катька, Катька – трактористка, недалеко тут живет. Хорошая девка. Невозмутимо швыркал чай из пиалы старик. Дядя Церен кем работаешь? А-а, пастух я, коров пасу. Совхозных, колхозных? Нет! Людей леспромхозовских. На лесозаготовки не взяли, старый сказали, иди отдыхай. А как отдыхать? Кушать нечего. Вот и пасу коров. А где живешь? А, а, там в другом конце села. Там тоже наши есть. Дядя Церен? Я ведь тебя помню. На стойбище, в племенном совхозе под Элистой, ты молитвы читал в перерывах между стрижкой овец. Да ты что? Оживился старик. Ты зоотехником был? Когда же это? В 40-м, весной? Точно! Ах, ты мой дорогой, вот где довелось встретится. А, ты, ты... Мукубен я Цынгилаев. Ах, ты радость какая! Помню, помню! И Максим с Цереном крепко обнялись. Они долго разговаривали вспоминая общих знакомых. И прошлую жизнь. Ребятишки клевали носами скоро все ушли в избу спать. Ушли и старухи. Ну, что, мне завтра на ровне с птичками вставать – коров выгонять рано по утру. – закричал старик вставая. Ты где ночуешь? – спросил он у Максима. Да я не знаю. Тут к этой избе прикрепил меня участковый. Ну вот и хорошо. Вместе значит переночуем. А где? – вырвалось у Максима. А вон стайка-сарай. Там охапка сена под крышей. Лучше постели нет летом. Но а к зиме что-нибудь придумаешь вон какой герой! Э-э дядя Церен! Не для себя это. Завтра на работу, пусть хоть кто-то увидит, что и калмыки люди, что и мы способны на что-то большее. А то совсем растоптали нас. Это верно ты говоришь, сынок! Нельзя себя давать топтать. Растоптали хуже некуда. А у нас дети растут. Их сохранить надо. Хорошо, что ты приехал сюда. Ладно, у нас еще много времени, поговорим обо всем. А сейчас спать. А на работу-то куда? Да в гараж направили. Смотри-ка, к технике значит. Хорошо. – зачмокал языком старик. Да, вот Екатерина помогла так я сообщаю. Катька? – не удивился Бадмай. Хорошая девка. Держись таких людей. Ну, все давай за мной! И старик полез по лесенке под крышу стайки. Тут только не кури, чиркнул он спичкой, чтобы оглядеться Максиму и загасил огонек в ладонях. Не курю я в общем, дядя Церен. Да и свои фронтовые сто граммов отдавал друзьям. Не мучает меня это. -Молодец! Уже еле внятно прошептал старик засыпая.

Глава 7

Утро наступило внезапно, будто ночи и не было. Хриплый гудок электростанции извещал о новом рабочем дне. Максима словно пружину подбросило с охапки душистого сена и он протирая глаза недоуменно оглядывался вокруг. Старика уже не было. Наконец он сообразил, почему здесь находится и натягивая гимнастерку с наградами спустился в низ. Под навесом у костра уже сидели старухи. Как будто и не уходили отсюда. На камне стояла исходящая паром мятая кастрюлька. Жомба! Пей! Ткнула старуха на посудину. Спасибо! Пойду к речке умоюсь, и воды заодно принесу. И взяв ведро, он пошел по косогору вниз. Умывшись, он вернулся и поставив ведро у костра, стал расспрашивать старух как им тут живется. Те горестно охая, попыхивая трубками рассказывали о голодной жизни и горестно качали головами – Как же дети дальше жить будут. Это ваши внуки, а где же их родители? Нет милый! Внучка только девочка – Сюля, остальные чужие с дороги остались. Родители их погибли в пути как ехали вместе, так и остались. Куда-то забрать их хотели, мы не дали. Сказали, что это наши внуки. А теперь куда их?, – они родные стали, горе какое вместе мыкаем уже три года. А у тебя? И Максим рассказал, что где-то здесь в Канском районе его жена и двое детей. Дочь и сын. Тоже маленькие лет по семь. Как раз перед войной родились близняшки, как вы. Старухи горестно переглянулись. Жить – то здесь будешь или уйдешь? Тут у нас трудно будет. Детей много. Если можно поживу у вас. Можно, можно сразу согласились старухи. Только спать негде, надо что-то придумать. Придумаю, время есть. Лето пока тепло, на сарае посплю, отхлебывал чай с молоком Максим. Ну, мне на работу пора. Гараж вижу не далеко. Как короче пройти туда? А вон спускайся к речке и по берегу к мосту, там рядом. Придя в гараж, Максим сразу увидел большую толпу рабочих у небольшой избенки, очевидно конторы-нарядной. Тут же, на улице был длинный стол с лавками. Очевидно, тут летом выписывались наряды, а больше это была наверное курилка. Хотя и на улице, а махорочного дыма было полно. Почти у каждого во рту была самокрутка. Люди смеялись, балагурили. Из конторы вышел худощавый сутулый мужик средних лет с пачкой бумаг в руке и уселся за столом. Мужики сдвинулись к нему и поглядывали на подошедшего Максима. Шум заметно стих и как-то само собой образовался коридор между людей к столу. Максим смешался и остановился. Давай, сержант докладывай генералу! – прогудел громадный детина и дымящейся самокруткой указал на сидевшего завгара. В толпе одобрительно засмеялись. Максим моментально отбросил смущение и вытянув руки по швам строевым шагом, четко подошел к столу. Здравия желаю, товарищи! Сержант Цынгилев по специальному переселенческому направлению для работы прибыл в ваше распоряжение. И положил записку из отдела кадров. Во, дает! Это по нашему! – зашумела толпа. Завгар взял бумажку, повертел ее в руках и положил на стол. Кем прикажешь оформлять тебя? Специальности нет, наград вижу много. Да специальность есть и шофер я и тракторист и слесарь. А документы? – развел руками завгар и пшикнул губами. Документы есть? – да в райцентре забрали. Вот опись в замен дали. – заволновался Максим. Завгар исподлобья глянул на него взял опись и изучив ее нахмурился и покачал головой. Ну, Помазов, на хрена лишние хлопоты создает? А награды, что тоже забрали? А эти? Что-то не понимаю. Да вот, растерянно заулыбался Максим – показалось им, что многовато для калмыка столько наград. Вроде как на сохранение взяли. А эти я немного раньше успел спрятать в сапоги. Документы на них есть! – закашлялся завгар. Вот здесь! – хлопнул по нагрудному карману он. В гроб...! Выругался завгар еще больше закашливаясь. Да перестаньте галдеть и курить! – вдруг разразился он. Тут такое дело! К нам направлен на работу..., сбился завгар. – Мукубен Кирсанович Цынгилев, вот он. Кем работать будет – увидите сами. У нас работа как на фронте не поможешь другу, может быть и тебе в следующий раз каюк. Так что вот человек, будьте людьми. А почему о том, что он спецпереселенец ни слова? – протиснулся сквозь толпу парторг. По машинам! Дежурки пришли! Заорал

кто-то и толпа смеясь и улюлюкая повлекла за собой парторга. Отойди пока, минут через пять подойдешь. Спецовку, продкарточки получишь, а сейчас исчезни, парторг голову мне мыть будет. И завгар покашливая зашел в контору. Максим побродил между тракторами, заглянул в ремонтный цех и издали наблюдал за конторкой, откуда вскоре выскочил парторг и размахивая руками, что-то втолковывал завгару. Тот смущенно разводил руками. Парторг куда-то с кем-то ушел. Максим подошел к завгару и молча остановился. Так как тебя...? А, зовите проще – Максим. Ха! Катька окрестила? Говорила она про тебя. Ну, Максим, так Максим. Вот тебе бумажка. Зайдешь в конторку бухгалтерша выпишет спецовку и продкарточки на хлеб, талоны на обед, вон столовая. А сейчас пойдешь в ремонтный цех и проходя мимо трелевочного трактора КТ-12, с приплюснутой кабиной он объяснил: если руки не из задницы растут, отремонтируешь, будет твой. Тут видишь работы конечно хватит, кабину выправить, лебедку новым тросом заправить, лафет видишь покривило, гусеницы перетянешь. А мотор? – мотор слава богу цел. Ну так чуть подтянешь кое-что. А не выправишь лишней техники нет. А на кэтэшку уже парторг глаз положил, списать собирается на металлолом. Доложить партии и правительству о выполнении этого мероприятия. Неделя срока у тебя есть. – А там утащат в райцентр. Все понял – задумчиво произнес Максим. С передовой машина, с лесосеки, листьягом привалило, – Так? Глянул Максим на завгара. Откуда узнал? А вот кора листовая на кабине. Глазастый. В разведке был. Где воевал? Под Сталинградом и дальше назад почти до границы, да приказ остановил не дал войну закончить. Хотя мне приказа комдив еще полгода все не отдавал, чтобы отправить меня на зону. Чуть погоны с него не сняли. Ладно, прошло это, тут я теперь. Вот еще бы семью найти и жить можно – разглядывал Максим высокие лесистые горы. А не секрет если – водила этой кэтэшки где, живой? Живой, язви его! – ругнулся завгар, подвел трактор под падающее дерево и сбежал, зэк бывший – уголовник. Найдут десятку сунут точно, диверсией посчитают. А как не считать, смотри, до сих пор рычаги проволокой перевязаны. Направил специально. Так, будешь ремонтировать? Конечно, что вы! Тогда инструмент возьмешь у бригадира. Живешь где? А вон избенку отсюда видно. Там где старухи и ребятишки? Да, там. Вот знаете, замаялся Максим, мне бы досок с десятков путь не совсем новых и гвоздей. Ремонт кое какой надо сделать да и спать негде. Пошли. Вон, из этой кучи выбирай любые обрезки, для котельной привезли, все равно сгорят. Вот эта кэтэшка к вечеру в лесосеку уйдет, пока свободна. Подгони ее загрузи, и на обед заодно отвезешь и меня. Я вон выше живу. Ой, спасибо! Спасибо! Ладно давай устраиваться. Ну, а про ремонт трактора не забудь, если даже на день с ремонтом опоздаешь, увезут, разрежут даже почти готовый. Все зависит от тебя. Пацана – ученика я тебе дам для подмоги. А рабочая единица техники нам не лишняя. Ну я пошел. И завгар ушел в другой конец гаража. Максим зашел в конторку выписал спецовку, карточки и в прекрасном настроении пошел на склад. Получив комбинезон и рабочие ботинки, он тут же переоделся и зайдя в ремонтный цех попросил инструменты для ремонта трактора. Два домкрата мне надо. На кой? Кабину буду править. Без сварки? Без. Вытянешь? Думаю, да. И еще две лампы паяльные. Возьмешь. А сейчас вот ту кэтэшку до обеда мне дал завгар. Знаю. Бери. Колька! Крикнул усатый бригадир щуплого парнишку. Ему помогать будешь, пока побитую кэтэшку ремонтировать будете. Колька стоял и хлопал носом, смотрел на Маскима и молчал. Васильич сказал! Вот бери инструмент и домкраты и туда. А че другой работы нет? Наконец выговорил пацан. Сейчас по ушам за прежнюю работу надаю, за то что не сделал. Я тебе убегу купаться во время работы! Да я ниче, пойду если надо! И бурча под нос: Под калмыка уже поставили, дожили. А я ведь в комсомол поступать собираюсь! Вот работу выполнишь поступишь куда хочешь! Вдогонку крикнул ему бригадир. Подойдя к трактору Максим показал парнишке: Коля, ты пока откручивай вот эти гайки, лафет скинем и поправим. Угу, поправишь тут, в кузне работы невпроворот, а без пол-литра туда не сунешься. А нам кузня не нужна, мы сами с тобой выправим. Давай, пока сделай, что я сказал, а я пока вон ту кэтэшку заведу и разогрею. Примерно через полчаса вокруг побитого трактора крутился его здоровый собрат зацепившись

крюком своей лебедки за исковерканный лафет – фартук, смеясь и скаля белые зубы Максим стащил его и поволок на ровную площадку. Потом стал наезжать своими гусеницами то на один край лафета, то на другой, то на середину. Искореженный мощный железный лист, под тяжестью трактора стал выправляться. Пришлось несколько раз переворачивать лист подкладывать под него бревнышко или камень, наезжать снова гусеницами и наконец лист стал почти ровным. Максим вышел, попрыгал по лафету кое-где помахал, – постучал по нему громадной кувалдой и довольный уселся на бревно. Ну, что Коля, утерли мы нос кузнецам? Восхищенный Колька отбивая чечетку на лафете, звучно высморкался в сторону и изрек. Вот так, дядя Максим утерли! Отдохнули немножко, давай Коля лебедку посмотрим. Отцепи там рычаг, на холостой ход поставь барабан и я потяну его трактором. Настроились потянули, расправили затянувшиеся петли и стали укладывать ровными слоями трос снова на барабан лебедки. Палочкой поправляй и ломиком никогда не лезь. Если что, палочка сломалась и все – безопасно, а если ломиком, его закусит, он потянет тебя за собой или за одежду зацепится. Понял? Запомни. Немного лишнего времени провозились с установкой лафета-фартука на место. Вот сейчас бы завел трактор, да испытал бы лебедку, да вот загвоздка крыша кабины почти на рычагах управления, и да и капот не откроешь, заклиненный. Ладно не все сразу. Все, Коля иди пока отдыхай. После обеда опять сюда. И сев на кэтэшку поехал к котельной грузить доски. Накидав добрую горку разных обрезков на лафет Максим притянул их проволокой и опять подъехал к разбитому трактору. Там уже по хозяйски его осматривал завгар, бригадир и стояло еще несколько рабочих. Размахивая руками Колька что-то рассказывал им. Увидев подъехавшего Максима завгар деланно грубовато заявил: Что делаешь с своим другом? – и он указал на Кольку, если такими темпами будете работать, денег не хватит премии вам платить. Да и в металлолом отдавать нечего будет. Да, вот! – скалился в улыбке Максим. Клин клином вышибают, так у русских говорят? Так-то, так, да никто до тебя не додумался. Полгода почти стоит колымага. И трос перемотали? Целый? Целый, запутан был только. Хорошо. Ну, что на обед пора? Не знаю, как по времени. Время – 12. Что ж, поехали. Завгар изредка посматривая как Максим водит трактор остался доволен. Показав как подъехать к избенке Максима, он ткнул на бревно лежащее на обочине. Отвезешь свои доски, вернись и захвати это бревно, зимой на дрова сгодится. Ну давай, останови, я тут выйду. К четырем часам трактор поставь на место. Рабочий день у нас до пяти. Работы тебе там хватит. Пацана вовремя отпускаяй. Подъехать к избе было невозможно из-за узкого переулка. Услышав рокот трактора навстречу выскочили все ребятишки и увидев в кабине Максима радостно закричали. Ура! – дядя Мукубен на тракторе! Сбросив с лафета доски он показал ребятишкам туда их перенести, а сам развернулся и уехал. Вскоре он приехал снова и привез огромное бревно. На зиму дрова будут! – закричал он и уехал. К куче досок и бревну подошли и старухи и попыхивая трубками удовлетворенно цокали языками и вели разговор: – Вот, что значит мужик в хозяйстве, сразу все по другому! А мужик дорвавшись до свободного труда – видя к себе доверие на работе, не сидел без дела ни минуты. Ну ты себе еще наверное медаль хочешь заработать! – шутили мужики. Только учти, споткнешься о парторга, он тебе живо укажет место! Да что я такое сделал? Изумился Максим. А он найдет грехи старое вспомнит. Да, ладно ребята! Работать надо! – отвечал он сквозь хриплый рев двух паяльных ламп, которыми грел до красна стойки помятой кабины. Коля, качай! – кивал он пацану, который усердно подкачивал домкраты, то один, то другой. Колька внимательно посматривал на Максима и умело подкачивал столько сколько надо. Пришедший сюда завгар, долго наблюдал за их работой. Вот видишь Колька, что можно сделать при желании, да еще при умении? А я с дядей Максимом хочу работать, он нормально все объясняет и показывает. Механиком хочу быть. Хорошо, подумаем. Ну, а работать надо везде и с любым с кем бы не поставили. С дядей Максимом хочу работать! – гнул свое Колька. Через день-два я вижу, вы закончите ремонт и твоего дядю Максима придется направить в лесосеку на вывозку леса. А пока тут поработаешь, опыту наберешься. Несовершеннолетний ты, в лесосеку нельзя.

Ага, в войну и год после нее работал – ни хрена – можно было, по взрослому мотюгнулся пацан. А сейчас нельзя, молодцы! Коля, приказ такой. А я вот с ним хочу работать! Заорал он. Не хочу с теми мудаками работать! Колька, сбегай за водкой, стрельни закурить, да похабщину о бабах несут! Вот и все мое ученье! – затрясся пацан. А здесь все по-человечески. Коля, не разрешат в лесосеке с ним работать. Почему? – завопил парнишка. А ну вас на х..., бля, сволочи! – и побежал к ограде гаража примыкавшей к лесистой горе. Завгар и Максим печально смотрели ему вслед. Ничего, пусть там успокаивается. Войной обоженный парень. Четверо их в семье ребятишек, он старший. Мать на лесоповале пришибло, еле живая, парализованная лежит. Отца уж после войны из госпиталя привезли безногого. Да, вишь осколок у сердца еще затаился. Неделью назад схоронили. Парень совсем не в себе стал. Максим заскрипел зубами и замотал головой. Помогли, чем смогли. Уж третий месяц его держу на полной ставке слесаря, хотя числится он у нас учеником. То там ему полставки подкину, то уборку какую выдумую. А у нас же парторг – все вынюхивает да цепляется. Тебе тоже будет не сладко. Этот трактор ему поперек горла станет, посмотришь. Это почему же? – разинул рот Максим. Зек угробил трактор диверсия, я отремонтировал трактор – выходит тоже не очень хорошо сделал. Он если разрежет в лом технику поддающуюся ремонту – как его назвать? А вот на этом стоп! Завгар поднял палец вверх. А вон и Колька назад идет. Уйду от греха подальше. Значит так, Максим. Я вижу завтра уж стекла вставишь и ремонту конец. Да, завтра разные мелочи подтяну. Вот так, завтра испробуешь трактор в настоящей работе. Ты видел, бревна валяющиеся там, там в грязи засосаны? А это дрова. Зимой, когда все замерзнет их не вывернуть, сейчас все просто. Да и зимой план надо давать. Далеко в лесосеке работать будешь. Так вот завтра, сразу с утра, пару бревен завезешь Николаю. Кому? Не понял Максим. Да вот нашему Николаю. Коля иди сюда! Значит с утра дровами население обеспечивать, заодно проба трактора после ремонта. И завгар объяснил Кольке, где брать бросовые бревна и кому везти. Коля на третьем участке там несколько семей калмыков живет. Им там прямо из речки топляки вытащите, а будете ехать туда, завезите пару бревен бабке Коваленчихе. С внуками-сиротами бедует. Ну и себе Максим не забудьте, зима не за горами. Ну а после завтра на наряд, горючки под завязку наливай и в лесосеку. На четвертый пока участок погоните трактор. Николай покажет. Вместе пока поездите. Да... как... я? Раскрыл рот Колька. Дядя Петя, да я, да ты... знаешь, да спасибо, ой! – кинулся парнишка обнимать завгара. Доведется встретить парторга, мол за разбитой лебедкой приехал в ремцах взять или пустые бочки под горючку. Понял? Понял, понял! – раскинул руки он. А восемнадцать стукнет на этот же трактор пересажу. А дядя Максим? Обеспокоился пацан. Твой дядя Максим к тому времени уж на лесовозе будет раскатывать. Вон целых три штуки убитых стоит, а отремонтировать некому. Ладно, заговорился тут я с вами, и завгар ушел в рем цех. Перед окончанием рабочего дня он снова заглянул к ним. Максим вставлял стекла в кабину, а Колька тут же подкручивал дверцу. Так? Дядя Максим? Максим попробовал ключом гайки, потом открыл-закрыл дверку и удовлетворенно гукнул: – Угу, пойдет. Теперь лезь под трактор и просмотри весь маслопровод, подергай его легонько. Он не должен болтаться. Места креплений посмотри. Хорошо, – и Колька нырнул под трактор. Максим, дай-ка сюда свою опись документов. Посмотрю, что там осталось у тебя в райцентре. На днях я буду там на совещании зайду к Помазову. У нас такое правило, если работает на технике человек, то его документы на право работы должны быть при нем. Ну насчет орденов, возврата не обещаю, а с документами вопрос буду решать. Как же это человек будет управлять техникой без документов? – не пойдет такое дело. Попробуйте, – засмеялся Максим. Я уже всяко привык жить с именем и без имени. Голодно или без еды. Ты это брось! – насупился завгар. Много из-за чьих-то ошибок бывает неразберихи. Ошибки надо исправлять, и закон выполнять! Ну, пока вот, так! Развел руками Максим. Ну, а опись вы с собой возьмите, а то начальник милиции и разговаривать не будет. Ты в этом прав. И сунув листок в карман, зашагал в конторку. После работы Максим наскоро зашел в столовку, отоварил карточки, ему досталось полбулки хлеба

и немного крупы. Все это он принес домой, отдал старухам, а сам принялся городить в избе двухъярусные топчаны около стен. Старый настил из каких попало досок через всю избу он разобрал. Уже поздно вечером, он закончил достраивать места для ночлега. Радости у ребятишек не было конца. Они готовы были спать на голых досках новых кроватей. Ребятам стало больше места, а самое главное у каждого было свое определенное место, а не вповалку. Ну, себе завтра топчан сгорожу, да и бабушкам надо обновить – расширить топчан. В избе пахло свежей древесиной, но было темновато. Одно окно было разбито и заколочено фанерой и картоном. Ничего, потихоньку все наладим. Итак, хорошо! – восторгались старуха. Испытание отремонтированного трактора на следующий день прошло успешно. Кэтэшка лез и на крутой берег, вытаскивая на лафете из речки тяжеленные деревья – топляки и буравил топкую низину гусеницами. Бревен достали и отвезли людям не счесть. На другое утро, опоздав на наряд, в гараж прибежал парторг и заикаясь надрывно закричал на завгара.

Это что тут за благотворительность развел тут? Что за трактор развозит тут государственный лес направо-налево и по чьей указке?

Завгар исподлобья смотрел на него, потом сказал: – По моей. А с каких это пор и кем вам дано право разбазаривать социалистическую собственность? Все что делалось вчера делалось по совести, по закону и по моему приказу. За это ответственен лично я. Хочешь, встанем на весы бюро райкома и рассудим, что было справедливее и нужнее народу и партии. Мое: – испытание вновь отремонтированного трактора; одним рабочим днем, в который обеспечил дровами из бросовой, затопленной при сплаве древесины, для остро нуждающихся семей. Зимой будут никого не прося везти деловую древесину. Морозы заставят и воровать и терять рабочие дни. Теперь рассмотрим твое: Ты этот трактор, который не спрося тебя отремонтировали уже похоронил и ждал завтрашнего дня чтобы разрезать его на металлолом и сдать в счет тех недостающих двух тонн, чтобы выйти в передовики района по металлолому. А вот это видел? – осканился завгар и рубанул одной рукой по локтю другой своей руки со сжатыми кулаками, откровенно показывая себе на пах. Этот трактор знаешь сколько древесины за год вывезет? Город новый построить можно. Так что давай на бюро, наконец надо выяснить твое назначение и пользу людям. Ты, что Петр Васильевич? – заговорил парторг. – Что-то неправильно ты меня понимаешь. Вопрос идет о том что партийные органы должны быть оповещены и с их разрешения должны производиться все процессы на производстве и в быту. Ну завел канитель! – сморщился завгар. Значит в уборную если припекло, к тебе за разрешением бежать надо? Тьфу ты! Договоришься Петр Васильевич! Партия и правительство призывают разъяснять... Да пошел, ты! Со своими проповедями! Ну поставили балабола на свою голову! – вышел из своей конторы завгар. Парторг, что-то еще громко кричал в присутствии бухгалтерши. А тем временем Максим с Колькой благополучно добрались до четвертого лесоучастка и мастер просто показал их место работы. Вон там идет валка леса, там же сучкорубы, готовят хлысты. Ваша задача подтянуть эти хлысты вот сюда на тракторе, к месту погрузки на лесовозы. Все просто: – пока ходят лесовозы – до тех пор и ваша работа где костры горят. С двенадцати до часу привозят обед. Как потопаешь так и полопаешь. Что, что? – не понял Максим. Говорю – работа сдельная, сколько вывезешь, за столько и получишь. Так что с учетчицей – сверяй свою кубатуру привезенного леса с ней, записывай если грамотный. На обоих склонах разлома урчали бензопилы, рокотали трактора, покрякивали возчики на лошадей. Казалось была полная неразбериха, но только казалось. Каждый делал свое дело, и непросто кое-как, а скоро, с огоньком.

Повалить деревья, освободить их от сучьев, свезти их в кучу, – это еще малая часть работы, хотя и трудоемкая. Доставить эти бревна, рассортировать, распилить в определенные размеры, до водной артерии или центральной железной дороги, которые загонят их на лесозаводы – вот основная задача лесозаготовок. Сколько было случаев, что из-за нехватки техники или ротозейства руководства сваленный лес навечно оставался гнить в далеких лесосеках. Свалить, срезать с корня дерево, точнее угробить его – проще простого. Сумей это дерево,

если уже загубил – доставить его людям, хотя бы на дрова. Лучшая промышленная цель заготовки древесины – это постройка из нее домов, изготовление мебели и тысяч разных принадлежностей полезных человеку. А также из-за страшной разрушительной войны страна нуждалась остро в лесоматериалах. И работающие люди, на лесозаготовках, будь это местные жители или военнопленные, спец переселенцы, загнанные сюда не по своей воле – все понимали это. В тяжелом труде на лесозаготовках, люди работали плече к плечу, забывая о своих невзгодах. Страну нужно было поднимать из разрухи. До поздней осени Максим с Колькой работали на своем КТ-12, почти безвылазно из лесосеки. В конце недели, поздно вечером, Максиму удавалось навестить ребятишек и старух. Рано утром, он снова уезжал, оставив им сэкономленный за неделю кирпич хлеба и какой-нибудь крупы. За лето и осень он уже знал все калмыцкие – леспромхозовские семьи и места их обитания в селе и на участках. Многие жили прямо в лесосеке, в наспах построенных бараках-общежитиях. Кто работал в лесосеках, хотя было и трудно, но едой и спецодеждой как-то обеспечивались. Хотя и впроголодь бывало. На лесоучастке правил балом – распределением мастер участка. Неграмотным и плохо говорившим по-русски калмыкам все доставалось в последнюю очередь. А когда и не доставалось. Куда идти жаловаться? Некуда. Да и на это надо время. Уйдешь с работы – прогул – тюрьма.

В райцентр далеко, без разрешения туда ни ногой. Круг замкнутый. Разрешено одно – молчать, работать, надеется, терпеть. Поездив с Максимом месяца три, – Кольку отправили на краткосрочные курсы трактористов. Завгар вызвал Максима и повел в отдельный угол гаража. Вот смотри: – к трем разбитым лесовозам добавился еще один. Давай посмотрим что можно сделать. Они долго ходили между изуродованными лесовозами. Максим ящерицей ползал под машинами, высматривая поломки. Ну, что? – испытующе смотрел на него завгар. Две машины из четырех можно собрать. Какой срок? Десять дней. – Короче до седьмого ноября, могу протянуть. Идет. Слово сдержишь Васильич? Какое? На одну из машин сяду я. Без всяких – кивнул завгар. И еще, местечко бы в ремцеху выделить, все-таки там некоторые условия – теплее, а тут уже морозы подпирают. Ну и подмога нужна, эх Кольку бы! Будет, дам настоящего слесаря. Ну, что сажай тогда замену на кэтээшку, и как-то с парторгом реши этот вопрос. Он ведь меня чуть не съел за Кольку, а теперь – ремонт. А ему все план, да «партия и правительство»! – смутился Максим глядя на завгара. А вот тут грамотность свою не показывай! – назидательно сказал ему завгар. Я тоже член партии! Пока живи вот так, смотри и разбирайся кто, есть кто и больше помалкивай. Тебе же лучше будет. Ну а я где надо разберусь! И еще ни одна расческа сломается об мою прическу! И сняв шапку, он звучно хлопнул ладонью по своей лысине. Максим внимательно смотрел на рассерженного завгара и вконец смешался. Извините. Я все понял. Ну и хорошо! – закашлялся завгар. Засранцы! В гроб их мать! Обращаясь куда-то в даль за горы выругался завгар. Потом полез за пазуху и достал бумажный пакет. На держи! Что это? Неуверенно потянулся Максим к пакету. Все твое. Теперь будешь узаконенным водителем и трактористом. Вот это да! Вырвалось у Максима и он долго рассматривал свои документы. Ну, а остальное – твои награды, извини пока так, как есть. Да, ладно, Василич! Я и с этими документами теперь человек! Спасибо большое! Чего там! Пошли в ремцех, обмозгуем что и как. Ну, что там, живы твои калмычата? Хотя вижу редко, но живы. Двое еще добавилось. У одного мать умерла, другой неизвестно откуда появился. Может из детдома сбежал. Там Катеринин племянник из детдома Степаном, братом ее взят, вот он с ним и дружит, а не признается, что он сам из детдома. Пусть живет. А карточки-то на всех дают? А-а в этом трудно разобраться! – махнул рукой Максим. Вот пустые бочки из-под горючки вез сюда, завез им требуху, голову, да ноги кобыльи. В лесосеке кобылку придавило лесиной, ну мясо да шкуру забрали. Мясо по столовкам развезли, шкуру на сдачу, а остальное добро выбросили. Отобрал я у собак, привез домой. Старухи, чистят, варят. Картошки немного заготовили с полей, после копки осталась. Где гнилая, где мелкая – пойдет. Только одного не пойму: ведь не везде успели убрать урожай, уже ведь начинает мерзнуть картошка, турнепс. А взять нельзя. А с голоду подыхать можно.

Вот взяли бы так: – не успеем убрать, помогите граждане, вот эту часть урожая государству, а эту вам за ваши труды. Ночью бы люди работали и государству бы польза и людям. Пропадает, но нельзя взять. Возьмешь – тюрьма. А? Глянул Максим на завгара и запнулся. Все, сказал? Толкуешь-растолковываешь, ни хрена тебе не доходит. Можно жить так как живешь, а так все-таки жить можно! – повысил голос завгар! Понял? Понял, – понуро ответил Максим. На свою задницу приключений ищешь? Найдешь! Пошли, делом заниматься! – и завгар шагнул в рем-цах.

Глава 8

Эж(мама), ухэ(пить)! Эж(мама), ухэ(пить)! – ныл пацаненок лет семи-восьми, тыкась матери в колени ватных брюк. Тихо, тебе, подожди! Говори по-русски! Грозным шепотом одергивала его мать, поглаживая по голове мальчонку. С другой стороны к ней привалилась поразительно схожая (как две капли воды) девчушка его же возраста. Она молча стояла около матери, положив голову на ее плечо. Второй рукой мать обняла ее. Грязно серая повязка на кисти ее руки источала неприятный запах. Девочка терпела и изредка поглаживала рукав материнской фуфайки. Мам больно? Ничего, доченька, ничего! А раскосый пацан продолжал ныть, буровя головой ее колени. Ай, -яй, яй! Такой большой, красивый мальчик и плаксун! – вмешалась невдалеке сидящая пожилая худющая женщина. Близняшки? – поинтересовалась она. Мать молча кивнула головой. Сядь – посиди! – тянула она мальчишку на рядом стоящую табуретку. Не хочу! Пить хочу! Ой, какой балованный он у вас! – опять вмешалась та же женщина. Он голодный, вчера и сегодня ничего не ели мои дети-куда-то в пустоту сказала мать. Секретарь-машинистка перестала стучать на машинке и разглядывая их, спросила? Вы не ошиблись? Здесь не собес, а отдел районного образования. Да я хорошо знаю русский язык, у меня высшее образование, я учитель истории. Мне нужно к завроно – Зарудиной Ольге Михайловне, ткнула она в табличку на двери. Люди в прихожей зашущукались. Ты бы напоила ребенка, а то он житья никому не даст. Нет воды, не знаю где взять. А уйду очередь потеряю. Ну, это дело такое, – понеслись разговоры. Секретарша встала, подошла к ним. У вас есть кружка или стакан из чего пить? Мать поджав губы покачала головой. Съехавший на сторону платок открыл рваную запекшуюся рану на щеке. Секретарша оглядела всех и заявила: – у заведующей посетитель, не заходить! – и вышла из приемной. Вскоре она пришла и принесла полную алюминиевую кружку воды. На, герой, пей! Протянула мальчишке. Тот резко поднял голову и глядел на мать. Бери, бери и спасибо скажи тете! Спасибо тетя! – на чистейшем русском ответил мальчуган, и в обе руки взял кружку. Ну, пей на здоровье! – засмеялась секретарша и затрепцала снова печатной машинкой. Мальчуган внимательно оглядел кружку и протянул девочке. Пей, Деля! Маме сначала дай! – ответила девочка. Кружка поднялась к материным губам. Пей, мама! Мать схлебнула маленький глоток воды и сказала: – пейте сами! Делька пей, а то сам все выпью. Девочка жадно припала к кружке и стала пить. Все! – выдохнула она. Пей сам! Мальчонка заглянул в кружку, радостно заулыбался, отчего почти совсем сузились щелочки его глаз и стал медленно пить. Он пил долго и не спеша, часто заглядывая в кружку: – Допивай! Мать опять чуть отхлебнула и отдала кружку дочери. Та поспешно опрокинула остатки в рот и уставилась на брата: – Куда поставить кружку? Тот вопросительно смотрел на секретаршу. Напились? Да, спасибо! – также чисто на русском ответила девочка. Ну, а кружку оставьте себе! Она у нас тут лишняя. Посетители снова зашущукались: – Конечно, кто после них будет пить? Смотрите как несет от них? Вертели носами бабы. Прошу меня извинить, это пахнет мазь Вишневского, от моей пораненной руки, – не обижаясь ответила мать. Да и одежда на нас горелое рванье, тоже не французскими духами пахнет. Единственный выход – это пропустить нас быстрее, чтобы мы здесь не мешали вам. Видишь, напоили, а теперь пропусти! – заволновалась сутулая женщина. Секретарша молча зашла в кабинет начальницы и выходя назад вместе с прилизанным очкариком объявила: Заходите женщина! Дети пусть подождут здесь! Поднялся галдеж среди очередников: Моя очередь! Да пусть идут, вонять не будут! Ребятишки судорожно уцепились за мать и не хотели оставаться одни среди чужих людей. Я не могу без них, они уже у меня терялись. Мама, не оставляй нас! В проеме двери появилась стройная, мужиковатая на вид зав.рано. Короткая прическа, гимнастерка с орденскими колодками, подтянутая ремнем узкая юбка, блестящие сапоги – все говорило о том, что этот человек властный, бывший военный. Что тут за галдеж? – Окинула она недовольным взглядом спорящих.

Враз все замолчали. Покрасневшая секретарша доложила. Вот та женщина с детьми, от них пахнет... ну, этой мазью, а дети от матери не отстают. И без очереди их не пускают. Пусть зайдут! – коротко отрезала начальница и хищно нюхнув воздух в прихожей, щелкнула трофейной зажигалкой, закуривая папиросу «Беломорканал».

Заходите, заходите женщина! – морщилась секретарша, не подходя близко к ним. Мать шаркая грубо подшитыми валенками вошла в кабинет. За нее крепко с обеих сторон держались ребятишки. Секретарша закрыла за ними дверь. Начальница стояла у своего стола и смотрела в окно. Курила. Ну, рассказывайте! – обернулась она к ним. Ребятишки крепко держась за фуфайку матери, разглядывали плакаты на стенах кабинета. Я, Цынгилыева Цаган Самбаевна, 1918 года рождения, уроженка Калмыкии, города Элиста. В 1939 году закончила Московский педагогический институт, исторический факультет. По окончании института была направлена в город Элисту, работала в школе учителем истории. Замужем. В 1940 году родились они, – погладила она по головкам ребятишек. Вскоре в 41-м же, забрали мужа на фронт. В 1943-м, 28 декабря нас всех депортировали сюда, в Сибирь. С тех пор я здесь. Прописана к Шумихе Канского района. Работала в лесосеках. Муж с фронта был депортирован в спецлагерь – Широкойстрой – на Урале. Связь с ним прервалась со времен моей депортации сюда. Хотя по некоторым данным, от случайных очевидцев знаю что он после освобождения из Широкойстрога, направлен был сюда, ко мне на воссоединение с семьей. Но почему-то оказался в Манском районе, очевидно ошибочно. Канский – Манский похоже звучат. Звучат-то похоже, да километров на пятьсот разделяет тайга, – в первый раз вклинилась начальница. А откуда у вас такие данные о муже? Ответы на ваши запросы есть? Так это просто, послать письмо на место его жительства и будет ответ. Нет, ответов на запросы не было ни разу. Так, слышала от знакомых и чувствую душой-приложила руки к груди Цаган. Ну, душа дело темное, как и мужья. Сегодня с одной, завтра с другой. Вы что? Он у меня не такой! – вскинулась калмычка. У меня тоже был не такой. Только пока я раненых на передовой таскала, он с штабной сучкой время не терял даром. Теперь я тоже одна сына воспитываю. Ладно, все это детали не касающегося дела. Что вы хотели? Закуривая другую папиросу, облокотилась на подоконник начальница. Работать хочу по специальности, детей учить, своих и чужих. Крышу над головой иметь. Семью восстанавливать. Не многовато ли за один раз? – усмехнулась начальница. Ольга Михайловна! Все, что у меня есть – это дети. И все что на нас, да и вот эта кружка. Секретарша ваша, спасибо ей, напоила детей, а кружку назад взять побрезговала. Барак, где мы жили сгорел. Повезло, остались живы. Жилья никакого. Впереди зима. Голодаем. Ничего нет! Ладно, давай документы! – устало махнула рукой начальница. К-ка-кие? – растерялась калмычка. Паспорт, диплом, справки какие есть. Наступила длительная тишина. Даже ребятишки перестали шушукаться за спиной матери. Калмычка и начальница растерянно смотрели друг на друга. У меня нет ничего, все сгорело, а паспорта вообще давно нет, его сразу забрали. Вот есть только справка от врача, что мне нужно лечение. Ну эту справку и отдай ему. Кому? Не поняла Цаган. К кому тебя врач направил! – рывкнула начальница и хлопнула ладонью по столу. Ребятишки мгновенно юркнули за спину матери. Загремела по полу кружка, вывалившаяся из рук мальчонки. Кирса, – дурак! Послышался негодующий шепот девчонки. Пацан быстро подобрал кружку. А почему мама говорит, что не знает где папа? А нам говорит, что он герой и скоро к нам придет, а пока лечится в госпитале – шептал пацан сестренке. Значит, вот что милочка! Как там тебя зовут, не запомнила. Может у тебя и есть это самое образование, и ты хочешь идти работать к детям. У меня тебе скажу: – нет этого образования. Есть партийное образование. И партия решила, что здесь мое место. Дети – наше будущее и их должны воспитывать люди, которые беззаветно преданы партии, делу Ленина-Сталина. Учить патриотизму, любви к Родине. Какому патриотизму научите их вы, вот такие, – которых под штыками пригнали сюда? И из-за которых и мы вот так живем! Предали Родину, а теперь помогать вам? А у вас, у проходимцев ни имени, ни

фамилии? Хотите липу мне вкатить, разжалобить? Стучала ладонями по столу начальница. Волосы ее растрепались, на губах выступила пена, она закатывала глаза и молотила руками по столу, разбрасывая бумаги на пол. Пойдемте детки, тетя заболела! – пятилась назад с детьми Цаган. В кабинет заскочила растреванная секретарша со стаканом воды в руках и каким-то пузырьком. Живо, убирайтесь отсюда!, – зло зашипела она. Ольга Михайловна, Ольга Михайловна! Успокойтесь! – вливая ей в рот лекарство секретарша. Начальница мутно обвела взглядом кабинет и истерически зарыдала. В прихожей народу стало еще больше. Люди расступились перед калмычкой с детьми и им вслед неслись разные возгласы: – Теперь поди и приема не будет из-за этих! Расстроили сволочи нерусские человека. Да контуженная она, впервой ей что ли так? Че на людей зло срывать? Да какие это люди? Слышал, что начальница кричала? Предатели! Вот-вот. Как там в басне Крылова? У сильного – всегда бессильный виноват. Не можем жизнь улучшить и находим виноватых. Ну это уж политика, брось-ка. А то в соседнем здании, быстро разберутся, что к чему. Тихо вышедшая секретарша сказала: – Ольга Михайловна сегодня больше принимать не будет. Тьфу, ты! Нет карандашей, бумаги, как учить детей? Мела простого нет! – добавил кто-то. Не захотели мазь нюхать, до следующего вторника пальцем писать будем. Вот тебе и калмычня с высшим образованием! Да причем тут калмычня или тунгусы? Специалиста надо поставить, а тут одни партийцы у руля. Вон спеца выгнали, кивали на бредущую Цаган с детьми, а эту дуру будут держать, пока в гроб не загонит образование. Но у нее видите ли партбилет в кармане! Посторонись! Пройдемте с нами! И неизвестно откуда вынырнувшие два крепких молодца заломив руки оплошавшему мужчине в очках, повели его в соседнее здание. Говорила вам, меньше болтать, так нет-договорились! Расходитесь! – А то и до нас очередь дойдет! – оглядывалась сутулая женщина. Цаган медленно шла по улице и завернула во двор двухэтажного дома. Мама мы куда? Мы сегодня есть будем? С закаменевшим лицом и пустым взглядом она прислонилась к стенке дома и стала медленно оседать на землю, припорошенную кое-где снегом. Мама тут холодно будет пойдем вон туда, – тянули ее ребятишки дальше. Вышедшая женщина в застиранном грязном, бывшем некогда белом халате с помойным ведром напустилась на нее: – Ты чего это тут расселась? С утра уже поднабралась! Совесть бы поимели! – и наткнувшись взглядом на ребятишек побжежавших на место, где она выплеснула из ведра, она раскрыла рот. Боже, мой, они ж голодные! А ребятишки подбирали картофельные очистки и пихали их в рот. Твои? – ткнула она в ребятишек рукой. Мои, – кивнула Цаган. По ее щекам бежали жгучие слезы. Погоди, девка-баба, я щас, чего-нибудь соображу! – и взволнованная баба заспешила назад. Вскоре она вышла опять же с ведром и поманила Цаган и ребятню за собой к сараю за кучу дров. Она сняла с ведра фартук и от туда потянуло вкусным запахом. Вот щи вчерашние мало правда, как знала в кладовке припрятала. Ешьте, да не высовывайтесь, а то тут многие ходят, каждый бы хотел. А столовка аж вечером откроется, около нее болтаться нельзя. Загребут сразу. Ну и если узнают, что я вас кормила, тоже нагреют меня. Уволят как расхитительницу. Ешьте, ешьте, как знала, баночку консервную пустую не выбросила. Да и ложку одну стянула. А у вас еще и кружка есть, каждому по инструменту значит. Зовут как тебя, герой? Смотрю кружка-то у тебя ловчее всех. Кирсан – меня зовут, а кружку тетя из того дома подарила. Ишь, ты! Хорошо по русски говоришь. В школе-то учишься? Нет, мама нас учит, она учительница у нас. Все знает! Гордо ответил пацан. Ты учительница? Цаган – кивнула головой и зарыдала: – И калмычка я! Да что ты, что ты, ну и что, что калмычка? – успокаивала ее женщина. Это горе для меня и для моего народа. Слышала немного о вас, но чтобы так вот с вами, прямо не знаю что и сказать. И она постепенно выпросила что же с ними произошло? Цаган уже, немного успокоилась и рассказала все о себе. Вижу ты грамотная, а я – то вот нет! Помогла бы тебе, да не знаю как, – печалилась баба. Мужа бы мне найти, он где-то тоже на поселении после войны Сколько запросов делала – ответов нет. Куда-то в другой район загнали его. Охо-хо! Сибирь-то она эвон какая большая, непросто разыскать человека, – скорбела баба. У меня-

то тоже не все ладно. Мужик-то Кузьма мой раненый был, аж после войны разыскала его, в госпитале на Урале валялся, но весточка все ж пришла. Поехала забрала. Без руки и хромой. Работает тут при столовке-кочегаром. А вот уж два дня – запил сердешный, ну теперь пока не отопьется-домой ни на шаг. По друзьям, боевым товарищам шастать будет. А работу чтоб не потерять самой пуп рвать придется – дрова таскать да топить котел. Уборщицей я тут работаю – Лизаветой меня зовут. А где котельная? – спросила Цаган. А эвон за сараем. Эти – то дровишки в сарай таскаем, чтоб не мокли дождями, а оттуда дверь прямо в котельную. Хотите мы вам поможем дрова в сарай занести? Да, какие вы помощники? – рука калечена, да ребятня мала. Они у меня привычные к труду, а я и одной рукой много могу чего сделать. Я ж на лесозаготовках работала. Да и отблагодарить вас за пищу хотелось бы. Выручили вы нас Лиза, я не знаю, чтобы мы делали, от голода уже падали. А домой возвратиться как будешь? Куда? Ну, в Шумиху? Век бы туда не возвращаться. Барак сгорел, где мы жили, растолкали нас куда попало, а везде тесно, спать негде. Многие тут же соорудили шалаши, в них жить будут. А ведь впереди зима. А уехать-уйти куда-то в другие села или районы нельзя. Обязаны жить, тут, куда определили. Хоть помирай, но живи! И помирают? Сколько угодно! Много наших умерло. Господи, да что ж это такое? – запечалилась Лизавета. Наших тоже много мрут. Но хоть крыша над головой есть. Ладно, ребяташки, что нужно сказать тете за обед? Спасибо! Ханжинав! Это я еще по калмыцки спасибо сказал – похвастался Кирсан. Ой, какой ты молодец! – похвалила Лиза. Давай показывай куда дрова таскать Лизавета? А вот сюда идите здесь можно укладывать и в котельную заодно натаскаете. Ребяташки с интересом осматривали котельную. Особенно их заинтересовала лежанка в углу котельной, где на стене были наклеены разные картины из журналов. Ой, как тут красиво и тепло. Тут жить даже можно, а у нас было всегда холодно, – рассуждали дети. Давайте, ребяташки таскать дрова, а то еще и на ночлег где-то надо устраиваться – задумчиво смотрела на топчан Цаган. Так ты в Шумиху все-таки не пойдешь? Не пойду, не хочу помирать в холоде и голоде. Пока были карточки, хоть мало было хлеба и продуктов, но давали. А сейчас все на деньги, карточки отменили, а где денег взять? Заработать надо, а где? Пока в бараке жили, работа хоть и далеко, но была да крыша над головой была. Барак сгорел, жилья не стало, люди разошлись кто куда. В шалашах тоже недолго наживут. Или поумирают, или разбегутся. Возить отсюда в другую лесосеку перестали. Как добираться на работу? Никак. А там барак еще не построили. Мастер другую работу не дает, пристаёт паскуда. А как отказала ему, вообще зарплаты никакой. Может он и поджег барак, лес-то там выработали, давно приказывали оттуда выселиться. А тут на пожаре еще все сгорело. – Хоть что-то было, да документы главное сгорели. Детей еле успела спящих вытащить, не до документов было. Сама пообожглась, об стекла порезалась. Через окно выскакивали. Милые, милые мои – за что же на вас такое наказание? – горестно качала головой Лизавета. Кабы не милиция жили бы вы здесь не тужили. Вместо Кузьмы котел бы топили, ему вижу тяжко. А чужого кого не хочется, вот и рву пуп, в столовке убираю, да посуду мою и тут топлю. Лиза, можно мы здесь заночуем пока? Ну пока милиции не попадемся! Носа отсюда показывать не будем. Покажи как здесь и сколько топить. Все покажу, все. А вечером перед сном поесть чего-нибудь принесу. Потерпите пока. Ура! Делька, мы здесь жить будем, лежать и картинку разглядывать! – радостно возвестил пацан. Тихо, тихо детки, – здесь кричать нельзя, утихомирила его мать. Кабы не калмыцкое обличье – не бросались бы вы в глаза. Да, калмыки мы. А так всяк увидит-доложит. Ой, господи, господи, до чего дожили! Ребяташки скоро таскали дров в котельную, Цаган подкидывала поленья из кучи в сарай. Если че, кто спросит скажите я попросила вас потаскать поленья, а что здесь ночевать будете ни гу-гу! Хорошо Лизавета, не подведем, дрова перетаскаем, закроемся в котельной. Вот, вот. Ладно пошла я. Буду вроде ненароком выходить будто в уборную, или помой выплеснуть. А вы лишний раз в уборную-то не шастайте. Там ведро есть для золы, в него нужду справить можно, а потемнеет в уборную выплеснуть. Лизавета ушла. Цаган

подкладывала в топку дрова, ребятишки играли на топчане. В котельной действительно было тепло, дети были без одежды. Цаган тоже разделась, была в легких штанах и кофточке. На ногах были те же бахилы-валенки. Другой одежды не было. Она сняла платок и тяжелый узел черных волос обнаружился на ее затылке. Многие ее сородичи-женщины из-за невозможности сохраняться от повальных вшей, стригли накоротко свои волосы. Так легче было спастись от насекомых, проще мыть голову. Детей безоговорочно стригли налысо, зачастую и девочек. Не было мыла, ну а когда стало появляться было дороговато. Она знала как варить щелок из древесной золы, и очень обрадовалась, когда увидела что котельную в основном топят березовыми дровами. Качественный щелок получается из золы, именно березовых дров. Кипятка здесь было вдоволь. Прислонив ведро с золой, залитой кипятком, вплотную к топке котла, она вскоре увидела, что ведро кипит. Почувствовался неприятный едкий запах пара. Ребятишки были знакомы с изготовлением щелока, и с шелковисто-мыльным его свойством. Именно им и мыла их последнее время Цаган. Правда, летом она собирала много разных трав, которые годились и на чай-жомбу и для купания детей и самой. Сейчас ничего не было. Был только щелок. И то его надо было через что-то процедить от золы. В углу стояла огромная бадья, сколоченная из досок, пазы которой были проконопачены паклей. В углу дна была дырка, заткнутая круглой деревяшкой с тряпкой. При желании, здесь можно даже искупаться, вымыть только ее надо. А впрочем, она чистая. В ней наверное Лизавета стирает полотенца и халаты, и прочее столовое тряпье. Сегодня вечер и ночь наша, – не выгонят нас от сюда! – А дальше неизвестно как получится, – философски рассуждала она. Сколько мы не мылись? Недели две, как не больше. Как бы вшивота не завелась, потом от нее избавиться нелегко. Как в прошлый раз. И она пустилась в воспоминания, как два года назад или чуть больше тайком убежала с Шумихи. Вместе с детьми, (это было начало весны) она довольно удачно за два месяца добралась до Манского районного центра. Иногда ее подвозили на лошадях, если было по пути. А большую часть она шла ночами, везя на широких санках закутанных в тряпье детей. Шла по бездорожью, подальше от дорог, но ориентируясь на них. Застывшая корка снега(наст) подтаявшего за день, была прекрасной дорогой, если бы не ручьи и речки, которых было великое множество. На них тратилось много времени, чтобы найти переход. И еще пища. Ее катастрофически не хватало. Заходя в деревни, приходилось просить милостыню. А это было очень стыдно. Некоторые люди давали молча, что могли. Были такие, что прежде чем что-то дать, душу выматывали расспросами. А были такие, что просто гнали, кричали вдогонку оскорбления и угрозы: Калмычня проклятая, хлеба захотела? А мой сынок не из-за вас ли подлых, сложил голову под Сталинградом? В таких случаях Цаган низко кланялась и извинялась: – Простите, я не знала что у вас такое горе, но там я не была, я из других мест. Что она могла сказать обезумевшему от горя человеку? Ничего. И обижаться тоже не могла. Давали больше в тех деревнях, где не было калмыков. А в тех, где были калмыки, она милостыню не просила, старалась узнать у своих соплеменников: – не слышали ли они что-нибудь о Мукубене Цынгиляеве? Никто ничего не слышал. И она не знала и не знал никто, что до конца войны, снятые с фронтов воины-калмыки будут работать и погибать на стройках. Широкофронт на положении заключенных. И только, в 46-м, 47-х годах, некоторым счастливицам из этих зон, освободившись удалось соединиться с семьями. Чувствуя каким-то необъяснимым чутьем, данным не иначе как Господним Проведением, Цаган стремилась попасть в те места, куда после войны, год спустя, попадет ее муж. А пока преодолевая нечеловеческие лишения и муки она упорно идет в тот район, где его пока нет. В это время он там, на северном Урале, вгрызается кайлой и кувалдой в гранит скалы, месит бетон, сидит за рычагами трактора. Зарабатывает прощение. Неизвестно за что. И добравшись до тех мест, где он будет потом, она с обмороженными ногами, свалится от усталости, держась для контроля за детьми, среди своих сородичей. И ее, обессиленную и сонную погонят в комендатуру НКВД, вместе с детьми. Будут кричать и топтать ногами, грозить: – Да как это она смеет, нарушать приказ и самовольно

уйти с места поселения? Да за это 20 лет каторжных работ полагается! Но они люди добрые, понимают что у нее дети и накажут не сильно. Днем – уборка территории, не такая уж тяжелая работа. Комнату даже дадут, чтобы детям было где находиться. А ночью... Ночью охранникам скучно, а ты калмычка славная, симпатичная! Такие предложения были и после второго побега. И тогда не помня себя, она выхватила из рукава фуфайки небольшой, но острый клиновидный нож и приставила себе к левой части груди. Вот ответ на ваше предложение! И я это сделаю на глазах своих детей. И они всю жизнь будут проклинать вас за смерть матери. Майор просто испугался, и вытянув к ней руки сконфуженно просил: – уберите ради бога, ну пошутил я неумело. Вы образованная, интеллигентная женщина и достойны лучшего обращения. Только сдайте холодное оружие. Слово офицера: Я вас оставлю на свободе. Но в Шумиху придется вернуться. И когда она отдала нож купившись на такое обещание, ее увели, в другую комнату. Дети спали в углу, в коридоре. В комнате оказалась женщина-надзиратель из тюрьмы и не церемонясь принялась ее обыскивать. Ничего такого не нашли, кроме карты «Восточная Сибирь», спрятанной у нее на груди. За нее она отвалила ползарплаты местному учителю географии-пропойце. Подробная карта ей нужна была для бегства, для ориентировки на громадной территории Сибири. Не имей карты, она бы уже погибла. И случаев таких было немало. Взять хотя бы тот, когда она из последних сил тянула санки с детьми лунной ночью, по превосходному насту. А вокруг нее, то ближе то дальше зеленели движущиеся огоньки. И если бы она не вспомнила по карте, что скоро будет очередная деревня, то наверняка бы свернула для ночевки к стогу сена. Где и пришел бы ей конец от волчьей стаи. Но она чувствовала, что бежать нужно туда, в ту сторону и отчаянно крича добежала до колхозной коровьей фермы. Выскочивший сторож с ружьем, бухнул куда-то в сторону, подранив волка, отчего остальные будто по команде накиннулись на подранка и разорвали его в клочья, напрочь забыв о цели своего преследования. Почти неделю, прожила Цаган на коровнике. Доярки щедро поили ее и детей молоком, пока завхоз не предупредил: – Ищут девка тебя, кто-то донес, что ты у нас в деревне. Как только стемнело Цаган молча потянула санки с детьми дальше. А тогда майор увидев карту, внимательно посмотрел на нее и изредка поглядывая на Цаган спросил: – Где умудрилась достать, в школе? Нет, из Калмыкии привезла, – выгораживала она учителя-пропойцу. А западной Сибири случайно нет? Была, отдала тем, кого высадили там. А где это? В Омске, например. Вон как и географию знаешь? Пришлось, ВУЗ все-таки закончила. А за карту знаешь, что можно пришить? Знаю. Вплоть до шпионской деятельности. А за это расстрел. Верно, верно. Что же с тобой делать? А накажите за вшивость, отправьте назад, – вконец обнаглела Цаган. Что ж, слово офицера надо выполнять! Посерьезнел майор: Дежурный, оформите сопроводилку в Шумиху Канского района. Вот тут в дипломе и разных справках, правильно напишешь ее фамилию, а также и детей. Слушаюсь! – козырнул дежурный. Разрешите гражданку увести с собой? Давай, действуй! Ну, что, Цаган Самбаевна! Желаю здравствовать! Это все, что я могу для вас сделать, как однокашник. Как, как? Еще больше растерялась она. Знаете, я тоже в 1940 году заканчивал этот же институт. Только я географ. Потом спец.набор в НКВД, – рвал он на узкие ленты карту Цаган, за которую она отвалила ползарплаты учителю-пропойце. Мне жаль, что так с вами получилось. С вашим народом. И отвернувшись от нее, он стал закуривать. Пошли, – дернул ее за рукав фуфайки дежурный, неся пакет с ее документами. Потом ее довели на черном воронке до станции Камарчага и посадили в общий вагон. Ребятишкам поездка в воронке понравилась, а уже о поезде и говорить не приходится. Они во все глаза глядели в окна и удивлялись всему увиденному. Сопровождал их смешливый сержант, который перемигивался с ребятишками и краснел, если ловил на себе взгляд Цаган. У него был настоящий пистолет в кобуре и Кирсан с интересом посматривал на оружейную амуницию. Нравится? – спросил его сержант. Ага. А кем ты хочешь быть? Военным. А почему? Чтобы пистолет заиметь и чтобы всех застрелить, кто маму мою обижает! Пух! Пах! Пух! Вот так! Закричал пацан. Кирса, ты дурак? – покрутила

пальчиком у виска Деля, а Цаган задохнулась от изумления. Кирсанчик ты что? Дядя хороший, веселый, и меня не обижает. Мальчишка вдруг уткнулся ей в колени и заплакал. Сержант вконец смешался и вышел в тамбур покурить. До самого Канска ни сержант, ни Кирсан больше не перекинулись ни одним словом. В комендатуре НКВД Канска сержант сдал документы и арестованных дежурному, и уходя потрепал по голове мальчишку. Молодец, защитник! Кирсан сопел и молчал. Сержант снял со своего плеча тощий вещьмешок и повесил на плечо Кирсану. Че там? – живо поинтересовался пацан. Да хлеба полбулки, да сахару кусок. Ух, ты! – восторгался пацан. Как у настоящего солдата. Вот приедет папка из госпиталя, то-то обрадуется. Зачем вы? Вам же на обратную дорогу нужно? – обеспокоилась Цаган. Ему нужнее чтобы быстрее рос защитник! Засмеялся сержант и заторопился в обратный путь. Пройдите сюда! – поманил дежурный Цаган, и она с ребятишками шагнула в комнату, которая оказалась совсем крошечной. Дежурный тут же закрыл за ними дверь на засов. Здесь был только короткий деревянный топчан и большое грязное ведро. Больше ничего. Почти под самым потолком было маленькое зарешеченное окно. На стене, тоже под потолком, лампочка под колпаком из толстого стекла, тоже под проволочной сеткой. Стены были серые и шершавые грязного цвета. Ну, вот и приехали! – оглядывалась Цаган, присаживаясь на топчан. Не хочу я здесь быть! У нас в бараке и то лучше было! – надулся Кирсан. Думаешь, я хочу, а вот сижу! – по взрослому ответила сестренка. Ну, и сиди если хочешь, а я не буду! И мальчишка рванулся к двери и забарабанил по ней руками и ногами. Обитая жестью дверь загремела как пустая бочка. Ты, что? Кирсан, уймись! – подхватила его мать и оттащила на топчан. Дверь загремела засовом и открылась. Что такое? Удивленно спросил дежурный. Не хочу здесь быть! Здесь плохо и холодно! – визжал пацаненок. Гражданка уймите своих детей, иначе мы вынуждены будем разъединить вас. Кстати, вас вызывает следователь. Ну, вот и хорошо, пойдем сейчас к нему!, – взяла детей за руки Цаган. Вас одну вызывают, дети подождут здесь. Нет! Взревела Цаган, – я одна не пойду! И сгребла детей в охапку забилась в угол. Пусть следователь идет сюда, или вызывает нас всех вместе! Дежурный молча постоял и захлопнул дверь. А Цаган трясаясь и заглядывая в глаза своим детям, просила их вести себя тише. Помните вы еще совсем были маленькие, перед концом войны, мы также убежали искать папу? Тогда я обморозила ноги. Нас поймали. Меня положили в больницу, а вас отправили в детдома. Причем в разные. Сколько прошла я унижений и издевательств, пока разыскала вас? Помним, мама помним, – плакали вместе с ней ребятишки. Они так и сидели в углу на полу, когда вновь открылась дверь и на пороге вырос красномордый детина с портфелем в руках. Дежурный поставил ему табуретку. Сев на табуретку, он поставил на колени портфель и достал оттуда пачку бумаг и пакет с ее документами. Начал разглядывать их. Поигрывая карандашом он весело глядел на сбившихся в углу мать с детьми и сказал: – Старые знакомые? А подросли волчата, подросли. Ну, что будем делать, госпожа? Цаган молчала. Тот раз скостили наказание из-за болезни, сейчас друг просит не наказывать, а отправить на прежнее место жительства. Везет тебе. Или ты все-таки вкусная, дружок распробовал? А? – засмеялся он, краснея еще больше. А меня тогда обманула; кричала, что венерическая. Не далась! Обманула, обманула!, уже злее мотал головой он. А ведь могло тогда быть все по-другому. Осталась бы в Манском районе и снова бежать не надо было бы. Глядишь и мужа нашла бы. Цаган встрепенулась: – А вы ничего не знаете про моего мужа? Ну, милочка без этого у меня работы хватает тебя вот ловить, разыскивать и тебе подобных. Ну, а муж найдется, если живой. Сейчас-то, куда бежала? В Орешное. А где взяли тебя с выводком? На Кияских полях. От волков ушла, жива осталась. А люди сначала помогли, а потом выдали. Ваши догнали перед Тюлюпом. Пришлось на дорогу выйти, другого выхода не было. Горы у Маны сильно крутые оказались. Позавидуешь твоей настырности. Ну, ладно. Теперь о деле: – Как быть с тобой? Ты понимаешь, что тебе полагается за побег? Самое малое лет пять тюрьмы, или десяток лет в зоне. Без детей разумеется. Цаган склонила голову, встала на колени: –

Наказывайте как хотите, только не разъединяйте с детьми. Чем ты купила Замятина, что он хлопочет о тебе? Учились мы вместе в одном институте. То-то вижу грамотная. Значит так, берешь бумагу и пишешь, о том, что имея право на воссоединение семьи, ты искала мужа в Манском районе с целью вернуться с ним в Шумиху Канского района на место своего спец. Поселения. Данные о месте нахождения мужа в Манском районе оказались ложными и ты добровольно вернулась в Шумиху с детьми. Впредь обязуешься не покидать место определенное на поселение без разрешения властей. Дежурный! – дай ей бумагу и чернила! Можно вопрос? Можно. Я учитель истории, хотела бы работать в школе. Можно мне обратиться Роно, по поводу работы? Следователь задумался. Нет, думаю бесполезно. Значит, пишешь, что я сказал. День тебе на сборы, день добраться до Шумихи. Через два дня, если ты не заявишься к своему участковому – пеняй на себя. Собственно, сегодняшний день пропал, дело к вечеру. Переночуешь, здесь в КПЗ, хоть как-то накормят здесь твоих волчат. Раз не отпускаете, значит посадят меня? – потускнела Цаган. Куда на ночь, в мороз выгоню тебя? Пока напишешь объяснючку, совсем потемнеет. Вот гарантией того, что отпущу завтра с утра, возвращаю твои документы. Распишись в получении. Спасибо вам. Не мне спасибо. Замятину спасибо. Он меня выручал, выручаю теперь я его. Ладно живи. Дежурный! Вот ордер на освобождение гражданки Цынгиляевой с детьми с завтрашнего утра. Ночь ночуют в КПЗ, накормишь. А утром? Что утром? Кормить? Накормишь, накормишь! Не положено после освобождения. Не жадничай Каморин! Слушаюсь! Следователь тягуче поглядел на Цаган, которая стоя на коленях прислонилась к топчану и писала объяснение. Напишет – отнесешь ко мне, а их до утра запри. Слушаюсь! Тесновато тут трохи ночевать, может в другую камеру их? Разберутся – не лорды! И следователь ушел. На утро их действительно выпустили и сопровождающий сержант разыскал на базаре мужика который возвращался в Шумиху после распродажи картошки. Мужик долго спорил и упирался и никак не хотел брать их в сани. Он уповал на плохую дорогу, которая еще не восстановилась. Снегу вишь мало, грязь сани разворачивают. Хитрый, вислоусый сержант, согласился найти кого-нибудь другого. И мужик от радости протянул ему кисет с махоркой: – закуривай, служивый! Попыхивая самокрутками они разговорились и оказались земляками из соседних деревень. Как нынче урожай? – затягивался дымком сержант. А ниче, слава богу! Вон, картохи накопили боле ста мяшков. Не знам куды девать. Налог-то сдали? Дык че сдавать-то? Смех один. За мной три сотки значится у дома. А где ж ты столь картошки накопал? В колхозе украл? Помилуй бог! В тайге бывшей садим, земли сколь хошь. До городу далековато. Вот шесть мяшков отвез, дорога никудышная, еще не определились. Ну, снежку подвалит, повожу сюды, токо дай, нарасхват бярут! – захлебывался от радости мужик. Лошадка-то своя или в колхозе где выпросил? Своя, милай, своя. Тишком содержу в таежной заимке. А узнают? – налог за лошадь большой. А хто? А я, к примеру! Разрешение на продажу картошки есть? Нет! Налог за огород платишь обманной? Два. Загибал пальцы сержант. Лошадь содержишь без разрешения и не платишь налог за нее? – три. А может она вообще ворованная? Четыре. Ее конфискуют, а ты за решетку загремел. Вот так! Радостно разгладил усы сержант. Дык, земляк жа ты, как это все? Ну, какой я земляк, к тетке в деревню туда иногда ежжу. Слышь, милай, не губи! А? Кого доставить куды надо, с милой душой. Вот гуся обменял на картоху. Возьми, с дорогой душой. Взятка? Посуровел сержант. Кака взятка? Твоя тетка наемни передала, совсем запамятовал. Ну тогда, конечно давай! Разъехался в улыбке сержант. Значит, довезешь до Шумихи, сдашь участковому, вот красавицу с детьми. У них весу-то и одного мешка картошки нет, а ты сюда шесть вез. Все понял? Да, понял, понял! Довезу, сдам! Ну, счастливо! Не вздумай высадить их где, головой отвечаешь! Сам позвоню участковому проверю! – нюхал сержант тушку гуся в мешке. Да свежая, не сумливайся! – посерел лицом мужик. Ну, садись аристократия! Пригласил мужик Цаган с детьми в сани. Детей вот эдак на соломку, да пустыми мяшками прикрой-укутай, ну а сама уж как выйдет. Расселись по местам и мужик трогая с

места попросил: – Ты уж служивый коли что, запомни меня, картоху возить буду мяшок и тебе закину. Или уж не возить? Гниет, пусть, – заскорбел мужик. Вози, вози! Помогу, если чего! Земляки ведь! Захотел сержант и сунув гуся подмышку пошел во свояси. А чтоб ты, подавился! Сверкнул глазами мужик. Но, милая! Хлестал он лошаденку. Вас тут поднесло, черти косолазые! По-русски ни бельмеса, а туды же за кумпанией с милицией! Извините нас, ради Бога! Я понимаю, что из-за нас вам пришлось отдать гуся и зря вы лишнего про себя ему рассказали-ответила Цаган: У мужика отвисла челюсть, и он как рыба похватав ртом воздух, наконец только и смог сказать: – Тпру-у! – натягивая вожжи. Дык ты, все понимаешь по русски и эвон даже как говоришь? А обличье вроде как не русские? Калмыки мы, – это детки мои. Вернули нас в Шумиху назад. А барак-то где мы жили в лесосеке номер пять. Знаете? А че ж не знать? Этот участок направо по Гремучей разлоге. А я живу на другой стороне села по левую руку. И заимка у меня по другую сторону в Зеленой разлоге. Знашь где? Нет, – покачала головой Цаган. Да заимка название одно. Землянка в гору врытая. Раньше тоже там лесоучасток был. Лес вырубил. Теперь там известь жгу, да картоху сажу. А как без лошадки? Никак. Мать ево туды, ограбил! Разразился гневом мужик, вспомнив сержанта. Так и ехали, разговаривая о том о сем. Кирсан все посматривал как правит вожжами Ефим (так звали мужика) и поглядывая из-под лобья на него, вдруг выпалил: – дядя Ефим, а можно я лошадей покомандываю. Ух, ты! Востроглазый! На-ка, одну вожжину тебе одну мне! Кирсан уселся рядом с ним на колени и подражая ему подергивал и почмокивал на лошадь. Лошадка была резвая, бежала легко. Дорога ближе к Шумихе была более ровная. Ты, вот что девка, к участковому хошь не хошь, тебя доставлять придется. Мне – то ответ держать придется перед усатым. Ежели, что не так, ходу мне на базар не будет. Да не печальтесь, конечно доставляйте! Участкового на месте не оказалось. К вечеру будет, – сказала уборщица, убиравшая контору. Поехали-ка ко мне домой, пока. Проезжая по селу попадавшиеся навстречу знакомые Ефима шутили: – Че, Ефим молодуху с приданным везешь? Ага, – скалился незлобиво он. На картоху в городе обменял. Ну, тебе Полина усы-то пощипат! Ниче, выдюжим! Подъехав к старенькой избенке, Ефим велел сидеть им в санях, а сам зашел во двор и в избу. Через некоторое время он вышел неся что-то в мешке. Вот вам на первый случай полмяшка картохи, краюха хлеба, да сала кусок. Больше ниче нет. Бабы-то дома моей нет, можа еще чаво бы сообразила. Ой, да что вы! Может и этого не надо было бы – засмуцалась Цаган. В другое время можа и не надо было бы, а щас сгодится. Поехали, смеркаться уж, должен быть страж закону. Подъехали к конторе как раз вовремя. Низкорослый лейтенант куда-то спешил. А, беглецы! – остановился он. А я уж думал вас где-то посадили, а вы опять восвояси вернулись. Вернулись, – хмуро ответила Цаган, подавая ему сопроводительную бумагу. Он бегло осмотрел ее, почитал и сказал: – Отвези их домой Ефим в барак в Гремучку. На днях там буду – разберусь. И носа не показывать оттуда. Нарушишь еще раз – посажу! И надолго. Что-то уж больно везет тебе, Цынгаляева! Цаган молчала. Давай, Ефим, у меня ЧП! Побежал я. Поехали, – кивнул Ефим и задергал вожжами. Цаган все также молча села в сани. Дорога в Гремучий лог была отвратительная, по ней ходили трактора вывозя брошенные хлысты – бревна на дрова. Кое-как доехали. Большое спасибо Вам, хотя век бы сюда не возвращаться. Барак был старый, неухоженный. Давай, занесу уж больше вез. Поднял мешок Ефим на протесты Цаган. Показывай куды. Да вот, в тот дальний угол. В бараке было шумно, грязно и дымно. Кое-где виднелись подобии комнат, отгороженных и то не до потолка, из неструганных досок. Плакали дети, слышались пьяные голоса. Была какая-то особенная вонь от скученности людей. Цаган нерешительно остановилась у крайнего топчана, на котором в обнимку лежали мужик и растрепанная баба. Вот мое место, здесь оно было раньше загорожено, а эти наверное доски пропили, или сожгли в печке. Эй, квартиранты освобождай место хозяйвам! Бесцеремонно расталкивал спящую парочку Ефим. А? Чего? Место говорю, освобождай! Наседал Ефим. Мужик неохотно поднялся и потащил за собой бабу к середине барака. Вот тут мы и живем! – грустно заключила Цаган. Да, бардаку, больше

бараку! Вымолвил Ефим. Много чего видел, а такое... – закачал он головой. Ну, что ж, живи как-то! Деток сберегай! Пойду я. Спасибо вам, спасибо дядя! – кланялись ему вслед и ребятишки. А через неделю случился в бараке среди ночи пожар. Дверь была одна и около нее бушевало огромное пламя. Что-то очень дымно горело, толи бочка с отработанным мазутом для растопки печки толи автомобильные шины, на которых были настелены доски для постели. Кто мог, тот выскочил через разбитые два окна. Пьяные и угоревшие от дыма, старые и немощные сгорели сонными. Цаган сумела, уже теряя сознание схватить детей в охапку и с ними выскочить через окно. Не заметила как об осколки стекла, торчавших из разбитого окна сильно порезала и обожгла руку и щеку. На ней дымились одежда и выскочив наружу, потеряла сознание. Проснувшиеся ребятишки, ничего не понимали и в страхе отбежали в сторону от окна, через которое продолжали выскакивать люди, и через него же выбрасывался разный домашний скарб. Цаган лежала среди кучи всякого хлама, по ней топтались выбегавшие из барака люди. С крыши уже начали падать горевшие головешки. Ой, ээж! Ой, ээж! (Ой, мама! Ой, мама!) – вопила Деля. По-русски, кричи! – Набросился на нее Кирсан. И подбежал к мужику, который только что выскочил из окна и подбирал какие-то вещи. Дядя, зачем через маму мою перешагнул и не поднял ее? Закрываясь от огня, кинулся мальчишка к матери и стал тянуть ее за руку. Силенки не хватало, Цаган продолжала лежать среди всяких обломков. Опешивший мужик стоял и ошарашено смотрел на эту картину. Помоги, маму вытащить! – завизжала Деля и замолотила ручонками по спине мужика. Дык, я че? Знамо дело подмогну! И мужик в два прыжка подскочил к Цаган и схватив ее в охапку, кинулся бежать от бушующего уже огнем окна. Бежи малец за мной! Сгоришь! И только он опустил ее на снег, как крыша барака, выгибаясь и постреливая от громадного пламени, вдруг разломилась попалам и одной половинкой сползла как раз туда, где лежала ранее Цаган. Господи, спаси и помилуй! Крестился мужик, шлепая в страхе губами. Ну, малец! Долго жить будешь, коль мамку свою из огня спас. Кирсан, сидел рядом с матерью, горько плакал и все твердил: – мама открой глазки! На дядю посмотри, это он тебя вытащил! Смотри, там где ты лежала уже большой пожар. Ну почему я маленький и не сильный? Не смог сам тебя вытащить! – сокрушался пацан. А Деля хлопотала вокруг матери вытирала лицо комочками снега и все повторяла: – мама проснись! Нам нельзя без тебя! И словно на просьбу дочки, Цаган вдруг закашлялась, открыла глаза. Мутно поведя глазами, она с трудом села и сжав руками виски, так сидела некоторое время. Потом взяв пригоршню снега, вытерла лицо. И прижав к себе детей долго сидела так низко опустив голову, что-то шепча. Ох, Мукубен, Мукубен, как нам плохо! Где же ты? И она закачалась в обнимку с детьми в тихом плаче. Кто живой? Вон туда под навес идите, где чурочку пилили – оповещал какой-то старик с закопченным лицом в каких-то лохмотьях вместо фуфайки. Мало кто среагировал на предложения старика. Все так и стояли или сидели поодаль, и в оцепенении смотрели на пожарище. Потом стали сходить в кучки, ведя разные разговоры: – Надо было ожидать это-го. Барак-то списанный, лесосека выработана. Кому мы нужны, старики, да калеки? Вот и избавились. Антониха где? Догорает! Она уж неделю не поднималась с топчана. А эти полуслепые калмык со старухой? Там же сгорели. Постой, постой! А эта бабонька молодая, калмычка с двумя близняшками? Цаганка? Ну-ну! Вон сидит, отдыхается с ребятенками, сумела выскочить, а Спиридон-то подсобил, сказывал, из огня вытащить. Это Спирька калмычню спас? – запетушился низкорослый мужичок в драной рубашке. Ишь, ядри его в корень! Он давно к ней клинья подбивал, да она его все отшивала. Ну, таперча, поди оплачивать она ему будет! Тьфу, кобелины проклятые! Все одно у вас на уме! Тут думать надо как дальше жить будем, а вы все про гульбу! Да душ-скоко загублено. Где энти, которые вчерась все пили, да в карты играли? Человек восемь их было. Да где? На месте, где улеглись вповалку, там и догорают. Да ты, че? Ей, крест! К полуночи они уж угомонились. Напились, наигрались и подрались. Сам видел, проходил мимо, на улицу отлить выходил. Все тихо уже было. И печь почти не топилась, еще дров хотел подкинуть. Поленился.

И поспал-то я может час какой, после выхода, только очумел. И тут сразу полыхнуло. Не-е! Это поджог. Со всех сторон солярочкой окропили. Калмычкин угол, он завсегда холодный, а там тоже запылало. Тут такое еще. Чтоб топчаны не строить старые шины стали тащить, да на них доски класть. Вот тебе и быстрая постель. А в дырки шин сена стали натаскивать, для тепла вроде. А кто шины к бараку подвез? Их ведь никогда здесь не было? То-то. Неизвестно. А кто надоумил их вместо топчанов использовать? А Ленька – хромоногий, ну этот комендант. А где он? Наверное у себя в комнате был! В том-то и дело что нет. Еще днем, рябой этот, ну его подручный, чего-то выносил из его комнаты, запер ее и оглядывался. А Леньки-то самого и не было целый день. Вещи стало быть свои сохраняли от пожара. Точно! А бочка с мазутом, вроде как для растопки печки, зачем? Вот то-то и оно. А может сгорели и они? Кто? Ну этот комендант и рябой? Фи! Да они уже в другом леспромхозе, другого района, в тепленькой комнатке, налаживаются докладывать, что там и как в следующем бараке. Понял? Иди, ты! Уж точно! На должности такие люди. Несколько человек подошли к Цаган. Слышь, молодуха, поднимайся с мерзлой земли! Закоченеешь! Цаган медленно поднялась, к ней прижались ребятишки. Она ощупывала себя и сокрушенно закачала головой. – ничего не осталось, документы и те сгорели. Как же мы теперь? Э-э, не печалься девка у нас давно уже ничего нет. Живем. Вот еще один пожар пережили. Люди крутили носами, отплеывались. Несло мясной гарью. Горелой человеченой. Пока горели различные части барака, мазут, шины, бушующий столб огня с дымом уносил все запахи в высь неба. А когда огонь стих, и все что могло быстро сгореть-сгорело, остались догорающие бревна стен, мерцающая огромными головешками. И вот тут-то тошнотворно и запахло горелым мясом. Горели трупы людей. Как ни странно две кошки жившие в бараке на общих основаниях, остались живы и невредимы и ходили между людей хищно приносясь. Тузика жа-а-л-ко! Захлебывалась слезами полоумная девка сидя на пне и вытирала ладошками опухшее лицо. Да, ладно тебе! – утешала ее мать-старуха. Вчерась убеги твой тузик в Шумиху, сама видела. Не ври, мамка, он со мной спал, потом со страху под топчан забился. Сгорел он! Экая печаль за собаку, тут люди сгорели. Ну и пусть! Мне их не жалко, они меня дразнят и сильничают! Тузика, жалко! – ревела несчастная девка. Люди ходили вокруг пожарища, выискивая что-нибудь пригодное для жизни. Не обошлось и без ругани и драк. Кто-то в суматохе схватил чужую подушку и теперь подремывая на ней по хозяйски посиживал. А высокая, сутулая баба, все ходила кругами вокруг пожарища и бормотала: – Ведь помню – далеко швырнула из окна подушку, должна же где-то быть. Хе, Нюрка! Поди любовник в обнимку с твоей подушкой сгорел? Не-е, выдернула я из-под него подушку, он еще башкой о доски топчана стукнулся. А потом за ним сунулась, а там уж полыхает вовсю. Так и не проснулся, вчерась до чертиков нажрался. Легко принял смерть. Бить-то хоть теперь меня, собака, не будет! А ну-к, ты на чем сидишь? – сунула она свое лицо, чуть не под подол толстой бабе. Подь отсель! На чем надо на том и сию! Бабы! Эта стерва мою подушку слямзила! Нюрка толкнула в сторону бабу, но та сидела прочно. Схватив за угол подушку она потянула ее на себя. Захватчица подушки еще плотнее прилепилась задом к другой стороне ее, и оттолкнула Нюрку. Та костлявой рукой крепко ухватив угол подушки сунулась назад, вырвав с треском кусок обветшалой ткани. Вокруг взметнулись перья. А, так! Взревела толстуха и откатившись от подушки, схватила ее и запустила в хозяйку. Взметнулось облако перьев, пуха и пыли. Нюрка горестно запричитала: – Мамочка, моя родная, пропало твое приданное! Погорельцы забыв о своем горе, сгрудившись вокруг дерущихся баб, хохотали и подзуживали их. Кто-то ходил в чужой шапке и готовился к очередной разборке. Мое это! Понял? Твое там, сгорело! А кто-то выскочивший в одной драной рубахе, уговаривал, совестил соседа: – Я тебе помогал, думал вернуться за своим, успею. Не успел. Дай, хоть какую тряпку на плечи. У пожарища-то пока жарко, а к утру погаснет, замерзну до Шумихи не доберусь. А че Шумиха, кто там нас ждет? Ну все-таки люди, Власть там. Че-нибудь придумают погорельцам. Ага, щас, раскошелятся. Давай, пока не замерзли, да светло от пожара хоть шалаш какой-

никакой построим. Вон, где чурочку пилили к навесу пристроим. К утру измученных людей стал морить сон. Двигаясь ближе к угасающему пожарищу Цаган наломала веток и кинув их на растаявшую землю, села сама и положила головы детей себе на колени. Спите детки пока тепло, ничего бояться не надо. Мы все вместе. Только папы нет, – сонно заключил Кирсан. Все будет хорошо. Спите. Так и застал их утренний рассвет. Многие люди точно также дремали у пожарища. Уже на рассвете к пожарищу приехал черный воронок. Четверо энкэвэдэшников молча вышли из него и обошли вокруг пожарища. Приглядывались к спящим и сидевших кучами людям. К строившим шалаша даже не подошли. Ну, что у костерка решили погреться? Остановился у самой большой кучки людей, высокий чин. Люди молчали. Поймали мы тут двоих, кто петуха красного вам подпустил. Да? Во! Говорил я вам, что это Ленька и Рябой, подожгли! – наперебой загалдела толпа. Да я тоже знал, что это они, да помалкивал. Говорю же, двери специально горячкой облили, да подожгли. Военные внимательно слушали и посматривали на ораторов. Хлеба-то хоть кусок, да какую крышу нам дадут теперь? Как жить? Дадут, дадут! Отвечал главный. Потом он пошептался со своими, указывая глазами то на одного, то на другого погорельца. Подчиненные согласно кивали головами. Погорельцы друг перед другом высказывали свои подозрения и свое неудовольствие, что их совсем забыли власти. Ну, вот мы и приехали чтобы помочь вам. Четверо свидетелей, поехали с нами для опознания поджигателей. Я, поеду! И Я! Ну, кто еще двое? Ехать больше никто не хотел. Да, наверное и я не поеду! – засомневался мужик в рваной рубахе. Холодно, а я раздетый. Ничего, ничего! Там тепло, – кивнул на воронок начальник. Ну, вот вы! – кивнул он на Спирьку. Да, не я не поеду! Вы ж говорили! Да, мало ли че я говорил? Ну, за свои слова отвечать надо! Да, пошли вы, тут душа чуть не сгорела! – взъерепенился Спирька. Ах, вон как! Проводите его в машину! Двое военных подошли к нему: Пройдемте! Лучше в огонь прыгну! – отступал он к угасающему пожарищу, а с вами ироды не пойду. Пойдешь! Кинулся ему в ноги энкэвэдэшник и опрокинул наземь. Голова Спирьки угодила в начало пожарища, в тлеющие угли. Запахло палеными волосами. Пока возились с ним, заламывая руки, лицо и шея Спирьки оказалась в волдырях от ожогов. Ну, вот, перед вами и настоящий поджигатель! Криво засмеялся высокий чин. Орущего и сопротивляющегося Спиридона затолкали в воронок, туда же последовал и мужик в рваной рубахе. Косматый мужик, встававший ночью на отлив, пытался ускользнуть, тихонько понес ветки к строившим шалашам. Брось, и иди с нами! – приказал начальник. Мужик пустился убежать. Начальник не целясь выстрелил ему вдогонку. Попал в ногу. Вот вам еще один поджигатель! Мужик корчился и охал. Его подхватили под руки военные и затолкали в воронок. Сколько человек сгорело? Погибли люди? Люди молчали. Значит все живые. Хорошо. Повеселел начальник. Тузика-а-а! Жалко! Скривилась полоумная девка. Мать тут же закрыла ей рот ладошкой. Чего, чего? Повернулся к ним начальник. Собаченка у нас убежала В Шумиху – горестно закивала бабка. А она убогая с кошками да собаками спит. А кто четвертый? – подошел к начальнику солдат. Пожалуй, троих хватит! – махнул он рукой. Поехали! Военные залезли в воронок и он тронулся. Люди долго провожали его взглядами. Молчали. Вот, чаво товарищи погорельцы! Поднялся одноглазый старик с закопченным лицом. Не хотите умирать, расходитесь отсель! Сгибнем здесь все мы! Жить негде раз, жрать неча два! Иттить надо иль в Шумиху, иль в другую лесосеку, кто работать может. Кучками, по несколько человек, люди двинулись прочь от пожарища. Куда? Никто не знал. Цаган посидела еще немного, ожидая чтобы подольше поспали дети и стала будить их. Хорошо ребяташки были не капризными и после первых же слов засобирались в путь. Мама, а может и мы шалаш себе построим? – оглядывался на пожарище Кирсан. Нет, сыночек. Замерзнем мы в шалаше. Да и есть что-то надо, а у нас ничего нет. Может тетя Киштя нас примет? У них с дядей Манджи землянка у самого конного двора. Помните мы к ним заходили? Они нас жаренным овсом угощали. Ага, помним! Вкусный жаренный овес! Так переговариваясь они шли к Шумихе, большому селу-леспромхозу. У Цаган очень сильно распухла левая рука от ожога. В нескольких местах

кожа лопнула и висела лоскутами. Цаган скатывала комки снега и прикладывала их к руке. Боль немного утихала. Навстречу ехала грузовая машина. Остановилась. Из нее вышли парторг леспромхоза и молодой участковый. Куда прете? Вернитесь назад! Переписать вас всех надо. Для чего? Чтобы в кутузку посадить? Дураков нет. Хлеба дай! Фуфайки и валенки нужны! Видишь? Голодные и раздетые мы. Я не собес и не магазин. А люди все подходили и подходили к машине. Кричали, требовали, угрожали. Полбарака людей сгорело! Помогать оставшимся в живых надо, а ты переписывать! Вон, воронок приехал троих изуродовали и забрали. Вот и вся помощь. А барак-то по вашей команде подожгли. Сволочи, Душегубы! Трогай, на пожарище! – зашипел шоферу парторг. И они спешно заскочили в кабину. Вслед им полетели комья грязи со снегом. Цаган с детьми молча стояла в стороне. Не было сил ни ругаться, ни идти. Уже после обеда она с трудом добралась до знакомых калмыков. Навстречу к ним вышла заплаканная пожилая калмычка и увидев Цаган и детей с закопченными лицами завела их в крошечную землянку. В углу топилась железная печурка, напротив стоял топчан и ящик вместо стола. Больше ничего не было, да и что-то поставить было просто негде. Слышала о вашей беде, что сгорел у вас барак. Да вы, слава Богу, хоть живы. А мой Манджи умер, три дня назад как схоронили. На речке ребятишки катались, лед тонкий еще, проломился. Мальчишка пошел под лед. Манджи увидел, нырял за ним. Мальчишку достал, откачали его увезли в больницу, уже опять бегают. А Манджи захворал, пока домой мокрый добрел. Заболел. Неделю с высокой температурой на работу ходил. Мастер не отпускал. Умер ночью. – Запричитала женщина. Ой, что же это я! Накормить ведь надо вас! И она вытащила из-под топчана чугунок с картошкой. Ешьте пока картошку, вот и хлеба понемножку даже есть. И высыпав вареную картошку на ящик, она вышла на улицу и в чугушке принесла воды. Чай сейчас пить будем, настоящий. Вода быстро закипит. Вы не смотрите, что у меня тесно, места всем хватит. Спасибо, тетя Киштя! Идти нам просто больше некуда. Ну и поживите пока у меня. Картошка есть мешка два будет. Листьев капустных насобирала после уборки. Не умрем. Спасибо, тетя Киштя! Мы долго здесь не задержимся. Все ищешь Мукубена? Ищу. Ищи, детка, ищи. Отец нужен детям. А у меня вот как получилось. Дети в дороге умерли, а здесь и их отец. Теперь моя очередь. Жить надо тетя Киштя. Жить! – печально заключила Цаган. Живу, хотя уже и не хочу, и может быть не нужно, – Вот чай, заваришь. Ешьте, пейте. А я пока светло схожу на конный двор, сена мешок принесу. Ребятишек уложим на топчан, а сами на мешках с сеном переспим. Ребятишки повеселели и забрались на топчан, пожеывая картошку. Несколько дней прожила здесь Цаган, даже к ветеринару конного двора сходилла, перевязала руку и он ей написал рецепт-справку, какое лекарство ей нужно и что она нуждается в лечении. И побрела опять напрямиком к Канску. Ее долго провожала заплаканная Киштя, пихая в карманы ребятишек вареные картофелины и куски хлеба. Дай Бог тебе удачи! Склонилась она в поклоне и долго стояла шепча молитвы. Дошла за два дня Цаган с ребятишками до города. И странно? Их ни разу не остановила милиция за несколько дней этого пути. Потом неудачный поход в Роно. Истерика заведующей. Собственный голодный обморок. И вот она и ее дети в тепле. Под защитой простой русской бабы, которая и сама-то тут висит на волоске. А поди ж ты! И накормила и обогрела! Дожить бы здесь до весны, а весной никто меня не удержит. Я пойду искать Мукубена, я знаю в какой он стороне. А сейчас мыться, выкупать детей. Выспаться. А там... поживем-увидим. И Цаган процедив щелок через тряпку, залила его теплой водой до половины громадного корыта. В котельной было тепло, даже жарко. Посадив в корыто обоих ребятишек сразу, она плескала их, целовала по голеньким задницам, весело смеялась. Уложив их спать, вымылась сама. И долго сушила волосы у котла. Пришла Лизавета. Принесла ужин. Ребятишки спали. Ниче, завтра поедят. Молодец, что додумалась выкупаться. Спите. Я подежурю.

Глава 9

Послевоенные годы особой нитью прошли добрый десяток лет каждого жителя этого таежного села. Разрушенные войной города и села восстанавливались. Огромная необходимость в лесоматериалах на стройках, насыщалась невероятным трудом на лесоповалах вот в таких таежных селах. Навевало радость все то, что осталось в живых и пусть даже покалеченным. Необыкновенно быстрый рост народного хозяйства не сразу отразился, на столах обедневших и поредевших за войну семей. Но душевный подъем был, была вера в лучшую жизнь. Были настоящие люди, жертвовавшие собой в тяжелом труде, как и на войне, среди коммунистов и беспартийных. Много было патриотов, много и врагов. И разобраться в этом было очень сложно. Первым кто быстро оттаивал от ледяных ужасов войны и голодной жизни – были дети. Ребятишки как-то мало раздумывали о свалившемся на страну несчастье и также продолжали свои игры в войну. А в этой игре обязательно должны быть две стороны – «наши» и «немцы». Дело доходило до настоящих драк.. местные пацаны – естественно – «наши» – русские, любыми методами создавали вторую сторону– «немцев» – из спецпереселенцев, будь то греки, литовцы, финны, эстонцы, калмыки, те же немцы или другой национальности. Село Орешное было настолько интернациональным, что редко какой национальности из народов СССР здесь не было. Сначала к ним относились как к предателям родины, поскольку так объяснялось людям партийцами и энкавэдеэшниками. Постепенно люди обжились, обвыклись, показали свои деловые качества. Кончилась война, зло и презрение к этим людям притупилось. Постепенно люди разобрались кто есть кто, и за что попали в Сибирь. А ведь понять великую неразбериху было не просто. Чрезмерная бдительность и подозрительность власть держащих, имеющих под рукой тупых исполнителей, которым в каждом человеке мерещился враг народа, втоптали в грязь недоверия миллионы людей. Врываясь ночами с неожиданными обысками, они переворачивали в доме все вверх тормашками, вспарывали штыками перины и подушки, опрокидывали бадьи с солениями, запасенными впрок. Выискивали неизвестно что. И отойдя от шока хозяин с хозяйкой кидались защищать свое добро, взывая к совести ворвавшихся. Что ж, вы делаете, ироды! Да, фашисты у нас так не издевались! Фашисты значит лучше? Ну вот наконец и раскрылось ваше вражье нутро! И горе этим людям, высказавшим свой справедливый гнев. Они без суда и следствия исчезали. Были конечно и настоящие предатели из-за которых страдали тысячи и миллионы людей. В лучшем случае они выселялись в Сибирь, в необжитые места Азии, Крайний Север. Многие были расстреляны, еще большее количество пополняли бесчисленные лагерные зоны. Люди, определенные на поселение в глухие леспромхозы, безропотно работали на лесоповалах, сплавливали лес по рекам, работали на лесозаводах. Давали стройматериалы поднимающейся из руин стране. Их силами и здоровьем строились секретные заводы, прокладывались авто- и железнодорожные магистрали через топи и непроходимую тайгу. Они безмянно гибли, зарабатывая себе прощенья неизвестно за что, перед непререкаемой личностью Сталина и КПСС. Им никогда не узнать, что это все уйдет в небытие, и что, после этих идолов непререкаемости останутся заброшенные полусожженные пустые бараки с редкими остатками колючей проволоки, да полу-обвалившиеся могилы с криво стоящими столбиками с номерами. И на многие десятилетия после их гибели не будет у ребятишек ни дедов ,ни бабок , братьев и сестер. В общем была война. И на многие годы после великой отечественной тоже была война, только идеологическая, тайная, без названия но с одним и тем же результатом – Гибелью. А ребятишки, несмотря на ужасные условия жизни, на то клеймение – «враги народа», покосившись друг на друга, через некоторое время становились друзьями, отчаянно дрались, зарабатывая себе право на жизнь, и на место в ней. А жизнь возможно, в отместку за несправедливость к их отцам и дедам, опрокинула всемогущую империю, обещавшую вечную эпоху коммунизма. Того самого, которого так многие и не уви-

дели, кроме тех идолов, придумавших этот мираж. А народ ждал с нетерпением прихода весны. Зимы были холодные и голодные. Многолетние неурожаи подтягивали животы к хребту. И первая зелень на болотных кочках и лесных проталинах срывалась под самый корешок и аппетитно съедалась. Впрок напихивались холщовые сумки. Это была черемша – дивный гибрид лука с чесноком, самая ранняя зелень Сибири. Та самая, первая зелень, после суровых зим, спасающая миллионы людей Сибири и севера, до сих пор. А в те кошмарные годы для эзков и спецпереселенцев – это было основное лекарство от безвитамина, от голодной слабости. Известно, что боготворя какое-то растение, которое дает большую пользу людям, на гербах и эмблемах некоторых стран и городов есть кокосовые пальмы, чайные и кофейные кустарники, кедры и так далее. У нас же никто не догадался занести черемшу, как и картошку, ни в один герб. А напрасно. И ничего, что чесночно-луковый острый запах весной постоянно сопровождал человека. А при скоплениях народа, хоть топор вешай, увисит в воздухе, так говаривали в народе, но зато это была надежная защита от цинги и инфекционных заболеваний. А если еще мелко нарезанную черемшу приправить сметаной или растительным маслом, лучшего салата и быть не может. Стебель толщиной в карандаш и такой же примерно длины, с раздвоенными на верхнем конце листьями, похожими на листья ландыша, знает в Сибири каждый малец, почти с рождения. Даже присказка по поводу черемши имела серьезное значение. – Коль на кочках лезет черемша, значит, кончилась зима ребята, ша! А дальше чуть зазеленели травой поляны, как, стремительно опережая в росте любую траву, на полуметровую высоту лезли сочные стебли саранки. И выбросив на макушке стебля сочные бледно-розовые цветы, которые были крахмалисты и съедобны, всем было известно, что готовы и ее приплюснуто округлые корнеплоды. Из них модно было печь лепешки. Следом наступает череда кислицы, – так здесь называют красную смородину, которую поедают и в зеленом виде, сразу после цветения. Дурманяще – терпкие кусты черемухи, выбросив кисти белых приятных цветов, к концу цветения устилают землю осыпающимися своими крохотными лепестками. И неискушенному человеку покажется, что выпал снова снег. И твердят матери своим заневестившимся дочкам и им вторят умудренные жизненным опытом старые девы: Ой, девки, не ходите с парнями в черемуховые кусы при ее цветении! Одурманит, захмелит голову, зацелуют парни до греха! Не верят девки, и бегут на свидания в черемушники, подогретые рассказами, обоженных любовью старших подруг. А, будь, че будет! Сами-то миловались а мы че? И жадно вдыхая пьянящий аромат черемухи, идут на роковые свидания, а через неделю – другую, чуть побуревшие недозрелые каменной плотности черемуховые ягоды уже хрумкаются вездесущими пацанами. Сначала они популяют их через трубочки, срезанные из бурьяна в девчонок, на индейский манер. Все рты ребятишек запачканы терпким вяжущим месивом из разжеванных вместе с косточками ягод. Нахрумкаются этих незрелых ягод так, что рта закрыть невозможно. Десна и язык обрастают вяжущим налетом так, что разговаривать трудно. Зубы покрываются коричнево-черным налетом. Немного неудобно, но вкусно. И голодуха утоляется. Не отстают от них и взрослые, а черемуха вообще полезная ягода. От расстройства желудка самое первое вяжущее средство. И на зиму засушить впрок можно. Свяжет расстроенный живот, что хоть палочкой выковыривай. Наевшись до отвала черемухи, у ребятишек возникает в отхожих местах существенная проблема, – не могут быстро опорожнить животы. И сидят на корточках друзья – товарищи, задумчиво покрхтывая и перекликаясь. – Ну че, Мишка, ты уже? Не-а! Давай посидим еще, только не долго, а то вон пацаны купаться пошли. Следом пойдет пора жимолости-пьяницы. А потом черная смородина, черника, брусника. а к осени замшелые болотистые низины кровянятся клюквой. И на протяжении всего лета среди бурьяна, кудрявятся темно-зеленые пучки, – разновидность дикой петрушки. Только здесь ствол толще и выше. И главное не прозевать, когда ствол сочный – хрумкай себе длинную сочную дудку. Тоже пища. К концу лета ребятишкам не до баловства, надо заготовливать ягоды и грибы на зиму. С ведрами, корзинами, собираясь по несколько человек они идут на промысел. Девчонки ловчее собирают

ягоды, но одни боятся ходить в лес далеко, мальчишки больше знают ягодных мест, но пока подурачатся, – пора и домой к вечеру, а в ведрах ягод на доньшке. Ну и давай девчонок пугать, что не выведут их из леса, заблудятся. Те сообщая предлагают помочь им собрать ягод.. а тут еще на почтительном расстоянии идет толпа калмычат, которые тоже хотят нарвать ягод. Как их не отгоняют, как не пугают, как не прячутся от них, все равно идут. И когда их обнаружат, и хоть они идут вроде по ободранным уже ягодникам, у них ягод оказывается не меньше. Смотри, и глаза у них узкие, а поди ж ты, все видят! – негодуют пацаны. А кто их сюда привел?, – за нами знамо, пришли! ведерко ягод придется у них за нашу доброту забрать. И на поставленный вопрос калмычата, пошушукавшись между собой без всяких выставляли ведро ягод. Не, ты нам тут мозги не выравнивай! Обижено отнекивался атаман русской стороны. Ты сам отдаешь? Калмычонок посмотрел на своих, помотал головой. Ну, так вот, значит сам и высыпай из своего ведра, ему, вот этому и сюда. Калмычонок деловито производил дележку. Вот и хорошо! – смеялись пацаны. А теперь своему Очирке подсыпьте понемножку каждый и у всех будет одинаково. Калмычата внимательно делились со своим товарищем. Назад все шли веселой гурьбой, на равных основаниях. А со временем и в лес уже шли вместе. Дети быстрее привыкают к равенству. Конец августа – начало созревания кедровых шишек. Ядро ореха еще молочное, но вкусное. Кедровый орех, тоже большое подспорье к пище. Тайга вырубленная вокруг села за многие годы существования леспромхоза, отодвинулась дальше в горы. По ложбинам и пологим разлогам, провели узкоколейку – малогабаритную железную дорогу. Извилистая, узкая железка, как ее называли, где по насыпям положенным бульдозером, где по бревенчатым настилам крест накрест накиданным по оврагам и топям, работала день и ночь, без всяких светофоров. Была всего одна колея, кое-где разъездные тупики, а поди ж ты, бежали по ней громыхая порожняки вглубь тайги, а назад – коричневой змеей натужно ползли груженные длиннющими хлыстами, пыхтели паровозы. Точнее это были малогабаритные паровозики – кукушки, работающие на дровах. За паровозом вплотную примыкал тендер дров, которые постоянно кидал в топку кочегар. А машинист знай себе вертел головой по сторонам: как бы на рельсы не вышли коровы, или встречный не прозевать, ну и само собой, вовремя пугнуть свистком и выпущенным паром вагату пацанов всегда охочих подъехать – прокатиться. Скорость игрушечных составов была небольшая, прямых и длинных участков было мало, линия виляла подобно убегающей змее, и машинист часто не видит даже середины своего поезда. Пацаны народ ушлый не раз поротый за свои дерзости и поэтому хорошо зная географию местности, ее спуски и подъемы, и все повороты, терпеливо сидели в кустах и ждали груженого поезда. Подцепиться тайком в хвосте поезда за бревна и поехать как можно дальше, считалось большим шиком. А главное, чтобы не заметил машинист, который бывало останавливал состав и уж тогда подзатыльников не миновать. Были случаи аварий поездов, при которых попадали и затаившиеся ребяташки, ломали руки и ноги. И вот в ягодно–ореховый сезон, охотников подъехать «зайцем» было полно. Рано утром для развоза рабочих по лесосекам была и специальная дрезина. На которой можно было поехать наравне со всеми бесплатно. Но это было рано утром, ребяташки как правило еще спали. Но, а кто и ехал из них рано утром, то стремились надармочка набрать кедровых шишек, с угрозой для своего здоровья. А взрослые отвечай за недосмотр.

Так что потом и здесь стали гонять пацанов. Девчонок брали, они были послушнее. А все дело оказывалось в том, что за шишкой надо было лазить на громадные кедры. А недоспевшая шишка сбивалась тяжело. Под валку леса шли деревья – сосна, ель, лиственнич, пихта, кедр. И несравненно проще собирать шишки с поваленной кедрины, нежели лазить на нее. Но сбор шишек с поваленной кедрины был сопряжен с большой опасностью. Рабочим некогда было разглядывать куда валить дерево, нужно было давать план, зарабатывать деньги. Поэтому за каждый кустик, где мог затаиться пацан, никто не заглядывал. В лесосеке стоял шум и треск от бензопил, от падающих деревьев, от работы тракторов, от криков погонщиков лошадей, рабо-

тающих по вывозке леса. На безопасных участках рабочие разрешали собирать шишки. Но пацаны есть пацаны. И рискуя жизнью они пробирались на опасные места. Считалось геройством насобирать полмешка шишек под лежащей кедринной, когда невдалеке падали сотрясая землю подпиленные деревья, да еще чтобы не заметили вальщики. Бывали конечно и ушибы у пацанов. То сучок отлетит далеко, то убегая от опасности шибанется бедолага лбом в дерево или напорется на сук. Но особо трагический случай произошел с калмычком Улюмкой. Его имя было длинное – Улюмджин, или как-то так, но когда его спрашивали, как его зовут, он смеясь отвечал скороговоркой – Улюм, остальную часть имени проглатывая в смехе. Это был симпатичный худенький калмычонок лет десяти – одиннадцати. А главное веселый и не жадный. Всегда делился тем что у него было, а среди пацанов это – главное. Он был шустрый пацан и как все ребяташки того времени всегда хотел есть. Из него наверное бы получился хороший гимнаст или циркач. Он стоял на голове без рук, умел кувыркатся, как никто не мог. И все это или за кусочек хлеба или просто так. Он всегда ходил следом за местными пацанами. И его не прогоняли. Сначала он жил где-то на третьем поселке села в землянке с матерью и еще с кем-то. Потом мать его умерла, и он потыкавшись там-сям, пришел к холодам босой и оборванный к избе, где квартировал и Максим. Он уже знал его так как приходил сюда посмотреть на него, когда он только что пришел в Орешное, и несколько дней ходил в наградах. Он тогда сразу сказал матери, что надо переселиться ближе к центру села, туда, где новый калмык построил хорошие нары для сна. Теперь мальчишки, живущие там, спят как в гнездышках на хорошем свежем сене. Да вообще, матери надо было бы посмотреть на дядю Мукубена, может он наш, его, Улюмджина, отец? Мать застеснялась, замахала руками и закрыла лицо руками и долго так сидела. А оказалось, что под ладонями она прятала слезы. Потом ее придавило в лесосеке, она еле зашла домой, дня через три умерла. Взрослые калмыки, живущие с ними, ругали какого-то мастера, он должен был ее отвезти в больницу, но он сказал, что в больнице нет мест, и привез ее на лесовозе домой. Так Улюмка оказался на новом месте жительства, где ему нашлось место как поспать, так поесть. Старухи ворчали иногда на Улюмку, что он должен принести продовольственную карточку на себя, чтобы хоть получать хлеб. Уже была зима, Улюмка сидел дома, на улицу ему выходить было не в чем. Мутул как старший ходил два раза на прежнее место обиталитца Улюмки, но там была нищета еще хуже чем у них и ему сказали, что карточки похоронили вместе с матерью и смеясь предлагали: – Иди, поройся в могиле, может найдешь. Ишь, чего захотел – хлеба! Единственное, что он принес Улюмке – это материну ложку и ее старые валенки. И то ему тайком их вынесла женщина, которая молча сидела у печки и не вступала в разговор. – Пусть живет у вас, если можно, его место уже заняли какие-то бродяги. Постепенно, Улюмке нашли кой-какую одежду, или носили ее попеременно. Материны валенки оказались ценной обувью и пацан стал уважаемым членом семьи. Они были большого размера, крепко подшиты прорезиненной лентой и стали дежурной обувью. На них можно было покататься с ледяной горки и постоять в очереди за хлебом у магазина. Так и прожил Улюмка зиму и лето в этой семье и стал равноправным ее членом. Он гордился что живет здесь, и что главным здесь является дядя Мукубен. На войне он наверное был самым главным – раз у него столько медалей. Да и лесовоз на котором уже больше года ездил Максим, был самый лучший, утверждали ребяташки. Кто еще мог посадить в машину всех своих калмычат и прокатить? Да, никто! Наступила осенняя пора, и вновь привлекла охотников до ягод и кедровых шишек. Да и как не заняться промыслом природных даров, если голодный и холодный 1947 год, напрочь подтянул животы к хребтам. Дождливое лето, неурожай на полях и огородах, вовсе обессилели людей. Даже в лесах ягодники были скуднее прошлых лет, шишки на кедрях тоже было мало. Ребяташки часто ходили в лес, то за ягодами, то за грибами. В ближайших лесах оставшиеся кедринны мальчишки знали на пересчет. Оставалась надежда на лесосеки, но оттуда немилосердно гоняли пацанов, во избежание несчастных случаев. Но пацаны все равно проникали туда, где уезжали утром, где цеплялись на порожняки, где подвозили их возвраща-

ющиеся за лесом лесовозы. И вот однажды с ватагой местных пацанов за шишками увязался и Улюмка. Пацаны ему объясняли: – Смотри попадешься, мало того, что уши надерут, еще из-за тебя выгонят всех нас! Улюмка серьезно выслушивал их и отвечал: – ничаво, прятаса будем, не найдут! – и хитро улыбался. Ребятишки незаметно подошли поближе к валящимся деревьям и терпеливо ждали, когда же они спилят громадный кедр, усыпанный шишками. Везде кедров стояли почти без шишек, а этот был увешан – на всех хватит. Наконец громадное дерево закачалось и ухнуло вниз по косовету, совсем не в ту сторону куда хотели пацаны. Пока пацаны соображали что да как, Улюмка с мешком подмышкой пригибаясь успел незаметно для мужиков убежать вниз и за большими ветками лежащей кедровины его совсем не было видно. Сидевшие в засаде пацаны зло перешептывались друг с другом, чуть не до драки: – Вот калмычонок нагребет сейчас шишек, а вы дурачье сидите!. А че ты сдрейфил, не побежал? Струсил? Я те струшу! Вот за этой перепалкой и обнаружили их вальщики. –А ну марш отсюда, пока задницы не надрали! Пацаны нехотя отходили дальше, сделали крюк и тайно подошли опять на видимое расстояние кедровины. Вальщики опиливали деревья вокруг. И вдруг одно спиленное дерево, как-то кособоко падая наскочило своим торцом на соседний пень и изменив в воздухе свое направление в падении, ухнуло крест на крест на ту кедровину, куда убежал Улюмка. Вместе с шумом падающего дерева раздался детский пронзительный крик, который четко обозначился на секунду – две больше, нежели утих шум падающего дерева. Рабочие вытянули шеи, пытались сообразить откуда же был крик. –Во мать твою! Пацаненка где-то зашибли! Прислушивались двое вальщиков, вытягивали шеи. Может не здесь кричали? Переглядывались они. Да, здесь, здесь! – уже не таясь бежали из укрытия ребятишки, –Калмычонка нашего кедровиной накрыло! –Ах, растуды ваши задницы! Побежали туда рабочие. Первая могучая кедровина опиралась на землю своими толстыми поломанными сучьями. Так что ее ствол не лежал на земле а был над землей примерно в метре. Сверху на нее свалилась меньшее дерево переломившись почти пополам. Там где-то под сбитой ударом хвоей и мелкими ветками в обнимку с мешком, в котором было насобранно почти пол мешка шишек – лежал Улюмка без признаков жизни.– Е мое, вот это да! Побелели мужики. Загубили пацаненка! А все нельзя, нельзя! Отчитывали их пацаны. Дали бы нам пять минут, мы бы набрали шишек и ушли. А теперь вот! Улюмка, Улюмка, ты наш друг, ну открой глаза! Хлопали глазами пацаны, разгребая с него мелкие ветки и хвою. Улюмка судорожно дышал и наконец открыл глаза, болезненно улыбнулся. Живой, живой! Радостно загалдели дети.– Давай вставай, пойдём отсюда, мы твои шишки понесем. Нам не надо! Улюмка попытался подняться и задержавшись упал. Из носа и ушей у него пошла кровь. Усатый сучкоруб ощупал все его тело и заключил: переломов нет, контузия у парня. Волной накрыло, чуть ветками шибануло. Дерево спасло, что над землей лежит, а так бы каюк. Ну, контузия тоже не подарок. Вон Андрюху Шабалина с войны до сих пор по сторонам швыряет. В больницу парня надо, точно вам говорю, на фронте я санитаром был. Дык мы ж на работе, как же? – раскрыли рты вальщики. Мастера находите, сообщите ему. Да мы сами его увезем, только помогите его донести до железки. Щас, ребятки милые щас! И мешок его унесем, а вы тут пока шишки пособирайте. Мы вот токо бензопилу да топоры определим, а то растащат. И вальщики кинулись вверх к своим инструментам. Вы всегда приходите к нам лебезили они токо прятаться не надо. Так мол и так! Да мы че ж, не люди? И осторожно взяв на руки Улюмку, который закатил глаза под лоб и как-то странно улыбался, по очереди понесли его к узкоколейке. Пацаны шли следом, несли в мешках шишки, кто сколько успел собрать и обсуждали этот случай, подбадривали его: Ниче Улюмка, я тебе молока принесу – сразу выздоровеешь, а я у мамки сопру варенья, тоже принесу. – торопился другой. Картохи насобираем с ведро, у них нынче есть вроде урожай, только охраняют вроде пока, на подсобном. Даже если и поймают скажем: так мол и так, человек мол в аварию попал, кормить его хорошо надо. Неужели не дадут? Дадут! Уверено утверждали пацаны. Наконец почти бегом добежали до узкоколейки. Еще бы минут пять и опоздали бы. Жди до вечера. Че там? поинтересовался

машинист. Куда вас столько? Все забито пустыми ящиками и флягами. Тару со столовок везу. Ты, вот это, возьми-ка пацаненка, и их, зашибло малость. А это тебе на пол литра, доведи! Умасливали его вальщики. Да че я? – сразу стал сговорчивее машинист дрезины, и сдвинув плотнее ящики, пригласил пацанов. Давай, в тесноте да не в обиде! Во-во! Торопились вальщики, усаживая полулежа Улюмку между ними. Вишь, с калмычонком возиться приходится. А вы ребята в лесосеки не ходите, смертное это дело, мастер-то не разрешает. Уже на ходу движущейся дрезины досказывали они. Дак вы, ж говорили всегда можно, только чтоб не прятаться! Э-э, брат, че было то сплыло! Живой ваш друг, а мы тут не причем! А гады, свиньи! Орала на них пацаны и кидали еще почти свинцовыми шишками. Мужики уклонялись, потом озверев стали махать им кулаками и кричать: – Задницы хворостинами напорем, тока еще раз здесь появитесь! Приехав в село, пацаны с трудом дотащили Улюмку и его мешок с шишками до избы, где он жил. Старшего Мутула, который сносно говорил по-русски дома небыло. Пацаны кое-как рассказали старухам курившим трубки, что случилось с Улюмкой. Старухи очень удивились, как это Улюмка падал с дерева и успел насобирать пол-мешка шишек? Ловкий он, у нас, ничего вылечим! – обнадежили они пацанов. Зачем больниса? Вот больниса! Тыкали они друг на друга. Гелюнг придет, Бадмай молитву читать будет. Все пройдет. Жомба попьет, сильный будет. И вы жомба пейте, тоже сильными будете. Пацаны уже не брезговали и всласть пили калмыцкий чай. Вкусно! А старухи все посылали самого маленького калмычонка в избу. Тот прибежал и ничего не произнося закрывал глаза и подкидывал к уху ладонь. Все понимали что Улюмка спит. Первое время пацаны дружно приходили к Улюмке и приносили ему что-нибудь из еды. Но он ничего не хотел есть и только слабо улыбался, думая о чем-то своем. Одной рукой он постоянно махал перед своим лицом. Гля, ребя, он комаров или мух гоняет, а их-то уже нет! – смеялись пацаны. Улюмка лежал и не вставал. Старухи постоянно его чем-то натирали, поили какими-то отварами и скоро он мог сидеть. К первому снегу, Улюмка вылез из избы, замотавшись в какое-то тряпье и стоял и качался на своих слабых ногах держась за столбик навеса над костром. Ребятишки приходили к нему, играли бегая тут же по двору, катались по крутому склону их огорода. Улюмка восстанавливался, все крепче и крепче двигался на ногах. Вскоре его можно было видеть в любой кучке пацанов, он тащился сзади за ними, куда бы они не шли. Только одна странность была заметна за ним – его неожиданно начинало швырять по сторонам. Пацаны сначала думали, что он просто дурачится. Но потом когда он вдруг начинал падать и дергаться, не реагируя ни на что, все поняли – это припадки. После этого он мог часами лежать на снегу и смотреть в небо. После припадка, пацаны не бросали его, тащили домой, говорили об этом старухам. Те участливо кивали головами и сложив руки клинышком у лица говорили: Будда молиса будем, Будда! Узнал об этом и Максим, но он приезжал домой редко и поздно вечером, когда ребятишки уже спали. И горестно разводя руками говорил старухам: Лечить надо парня. Хотя бы в районную больницу повезти. А кто меня отпустит? Да и возьмут ли его? И дикая боль безысходности терзала его душу, окутывая воспоминаниями о своей семье, о своих детях. Несчетно раз он спрашивал парторга и участкового, о розыске и воссоединении со своей семьей, и каждый раз получал односложные ответы: – Дали запрос, – ждем ответа. Несколько раз он писал сам и в районную прокуратуру и в военкомат, в Манский райцентр по спец. перепискам. Ни одного ответа он не получил. Письма или изымались, или где-то терялись. Акцию по высылке народов с их исконных земель за подлые поступки кучки негодяев – иначе как мезьей и садизмом не назовешь. Им было заранее известно на какие муки они обрекают народы, удовлетворяя свою власть предрержающую прихоть. Такие мысли путались в голове у Максима, ярость распирала его грудь. Сидя на чурбачке у печурки, он увесисто хлопал себя по голове, скрипел зубами. Но здоровый рассудок брал верх над бурей чувств, постепенно успокаивая и гася их: – Жить, жить, пережить унижения, не сломаться. Жить! Ведь придет же время справедливости! И назавтра ранний, утренний гудок вспарывал тяжелую морозную тишину, звал продолжать жить, гнал в тайгу тысячи людей,

зарабатывать себе кусок хлеба. И результатом тяжелых лесоразработок, в окрестностях села на берегах небольшой речушки – Баджейки скапливалось все больше и больше готовой стандартной древесины. Шестиметровые бревна без сучьев, со здоровой древесиной, вывезенные из лесоучастков свозились лесовозами и разгружались на так называемых плотбищах-складах на берегах реки. Тут они маркировались, дополнительно обрабатывались и рядом укладывались в огромные штабеля – высотой с двухэтажный дом. Потом, весной в большие паводки, эту армаду бревен постепенно скатят в воду и она донесет их до нужных мест. А пока зима, все заковано морозом и даже из топких мест возможно вывезти лес. Вот и происходит накопление бревен, чтоб весной расстаться с ними. Окончательная обработка бревен до стандарта оканчивалась тем, что на плотбищах накапливались большие кучи сучьев и древесной коры, которые осложняли дальнейшие работы. Это отходы приходилось сгребать в большие кучи и сжигать. Они круглосуточно горели, теплясь буграми горячей золы, даже в лютые морозы. Ребятишки любили ходить сюда и погреться, пожарить картошку и просто побыть среди громадных штабелей бревен источающих смолянистые запахи. Лучших мест для игр в прятки и в войну, чем здесь не было. Да и наковырять с листовного бревна смолы – серы, которую если перетопить, то лучшей по вкусу и полезности жвачки не было. Есть нечего – жуй жвачку, – запаха изо рта приятнее нет на свете. Да и поменять на что -тоже неплохо. Ходовой товар – одним словом, а главное – дармовой. И вот однажды, в конце зимы, когда солнце в зените нагревало до тепла шершавые бока бревен, а снег начинал мягчать – подтаивать, ибо не сегодня – завтра по календарю – весна, ватага пацанов пришла на плотбище. Основная масса ребятишек училась, многие переросли свои годы, отлынивали от учебы. И все проклятая война! В 1947 году Сталин издал указ – всех посадить за парты. Не хочешь учиться- иди работай. Садили учиться, заставляли работать, отправляли в колонии. Да, куда там! Сразу выполнить приказ оказалось невозможным. Колонии были переполнены. Малолетний бандитизм и беспризорность гуляли по стране. И вот на сей раз вот такая ватага пацанов всех уровней и сословий привалила на плотбище. Разумеется, сзади горланящей на все лады пацанвы, тащился Улюмка. В игры его уже не принимали, но и не прогоняли. Он стал какой-то блаженный, часто задумывался, то плакал, то смеялся. А в народе к блаженным относятся с пониманием. Понимали это и пацаны. Если было, у них что-то съестное – делились с ним, но не обижали. Рабочие с плотбища тоже пацанов прогоняли, так как играя на таких громадных штабелях бревен, сорваться с них было проще простого. А иногда и штабеля бревен с грохотом рассыпались из-за плохо подставленных подпорок, что тоже могло привести к беде. Но как бы их не гоняли, пацаны все равно продолжали быть там, где опасно. Интересно там! И опровергнуть эту точку невозможно Разделившись на две половины, одна часть ушла «жмуриться», другая прятаться. Прятавшаяся сторона старалась не попасться на глаза искавшей и поэтому залезала в самые невероятные щели между бревен штабелей. Вдруг, рыжий Валька Сидоркин из команды искавших заорал что есть силы: – Гля ребя! Улюмка чего вытворяет, так и загнуться может! Пацаны, кончай игру! Гляди, гляди! Тревожные крики Вальки действовали на спрятавшихся пацанов и они осторожно стали выглядывать со своих мест. Улюмка плясал какой-то непонятный танец и что-то выкрикивал на калмыцком языке. Он подбегал к огненным кучам и возвращался назад словно выискивая место куда же прыгнуть. Наконец, покружившись на месте, он вдруг быстро побежал и врезался в край чуть дымящейся огромной мерцающей кучи, вздыбив пепел и золу, поднявшихся вверх. Из-под пепла и золы полоснул красным полотнищем огонь таившейся в середине и брызнул во все стороны пучками искр. Лови, его! Лови! – завизжали бабы – маркировщицы и кинулись к тому месту, где катался человеческий комочек объятый пламенем по краю огненной кучи. Но поймать его никак не удавалось. Наконец один мужик бежавший с уже снятой фуфайкой, накинул ее на Улюмку, сгреб его в охапку и отбежав на несколько метров от костров завалился вместе с ним в кучу грязного снега на обочине дороги. Задыхаясь и кашляя от дымящийся одежды, все стали закидывать их снегом. Наконец мужик встал, приот-

крыл фуфайку, побросал под нее еще снега и совсем стащил ее с Улюмки. Калмычонок лежал на снегу с обугленным лицом в прогоревшей одежде и не подавал признаков жизни. Скрюченные обгорелые руки и видневшиеся тощие черные колени сквозь прожженные штанишки, дополняли страшную картину. И вдруг, скрюченное тельце мальчишки задергалось. Живой он, живой! Засуетились все вокруг. В больницу его надо! – завопили бабы. На фуфайке его нести надо, а то кожа полопается. Мужики переложили тшедушное тельце на обгорелую фуфайку и осторожно понесли его к селу. До больницы было далеко. Все пацаны гурьбой сопровождали процессию. Бабы плакали, сморкаясь в рукава, проклинали жизнь. На плотбище как на грех не было ни одной машины, ни трактора, ни лошади. Все были в разъезде. Путь до больницы, наиболее короткий лежал через гараж. Надо бы как-то родных его оповестить! А чей он и где живет? Ребятишки, где его родня, где он живет? – допытывались бабы. А там где этот калмык, что шоферит, там он и живет! Ответил кто-то из пацанов. Так это выходит Максима Цынгиляева – сынок, или кто? Не знаем. Они все его баажа Мукубен зовут. Может это по ихнему папа, не знаем. Поди ж ты! – дивились бабы, – Максим рядом со своими детьми и чужих кормит, а сколько ж у него своих? Не знаем. А жена, – то то есть мать-то у детей есть? Не знаем. Старухи там только какие-то. Ребятишки, вы быстрее побежали бы в гараж, может там кто из водителей есть, довез бы до больницы быстрее. Пацаны быстро убежали. Вскоре они вернулись назад крича издалека. Там как раз дядя Цынгиляев разгружается, сейчас подъедет. И действительно через несколько минут показался пустой лесовоз, из которого обеспокоено выглядывал сорокалетний скуластый калмык. Остановившись перед толпой, он внимательно смотрел на лежащего на фуфайке мальчонку. Максим горе-то какое! – обгорел парнишка, в больницу его надо! – хлюпали бабы. Твой это? – заглядывали они ему в глаза. Мой, мой! Печально кивал головой. Все Орешенские калмыки мои! – И нагнувшись над мальчонкой он еще внимательнее стал смотреть на него. Положите его на дорогу – сказал он. Может в кабину его сразу, да в больницу быстрее – подсказал мужик. Никуда его уже не надо, – его уже здесь нет. К-как? Да вот он, ты че, Максим? – опешил мужик. -Да тело его здесь, а души нет, там он уже, на небе. И Максим медленно поднял глаза вверх. Мужики положили фуфайку на раскатанную дорогу, в недоумении переглядываясь и поглядывали на небо. А Максим встал на колени потрогал шею и голову Улюмки, поклонился, соединив руки у своего лица, сказал несколько слов по-калмыцки и поднялся на ноги. Пусть полежит пока на земле, дождется пока душа долетит до неба. Тогда и повезу его. А сгореть ему надо было там, дома, чтобы не мучился здесь. Не сгорел бы, так пристрелили бы. – Да ты что Максим, бог с тобой? – зажали себе рты бабы – ошалело глядя на него. Бог, говоришь? Косо поглядывая спросил одну. Ты где родилась? – неожиданно спросил он. Я –то? Здесь! – растерялась баба, тутошние мы! Вот, вот! У тебя Бог есть, дом у тебя есть. Не везли тебя сюда как скотину, да еще под автоматами. А его и меня везли. Их слабых и невинных отдельно от нас везли. А нас здоровых и сильных с фронта снимали и в лагеря под автоматами заталкивали. Это вместо того чтобы фашиста били, нас в лагеря. Это мне повезло, меня долго мой генерал не отдавал, за столько «языков» сколько я в разведке будучи приволок, он меня на героя представлял. Все твердил: – терпи Цынгиляев, это вранье и ошибка с твоим народом. Разыщем твою жену и детей. А когда все-таки скрутили, замолчал мой генерал. Ну вот , и заработал, я себе прощение – трудом в лагерях. Свободен. Но раз приехал воссоединиться с семьей, значит я такой же предатель и спецпереселенец как мои малолетние дети и жена. А где они? Кто мне скажет? -Да ты че, Максим, здесь нет твоих детей и жены? А мы думали, что это твои дети. Да вот так! – растеряно развел он руками. Моих родных здесь никого нет, хотя за всех Орешенских калмыков вроде как отвечаю. Ну, ладно давайте –ка моего малыша, поеду похороню его. Максим да ты что? Надо бы его в больницу или к участковому на освидетельствование. Что вы, какое освидетельствование? Сколько наших здесь перемерло? Как собак зарыли. И за него отвечать никто не будет. И он осторожно поднял на фуфайке скрюченного мальчишку. Потом снял с себя засаленную фуфайку, оставшись в

одной гимнастерке, и протянул мужику, стоявшему в рубахе. На, одень, а то простынешь! Да ты че Максим! – заупрявился мужик. Одевай, одевай! – у меня в машине еще старенькая есть. Мужик нехотя взял фуфайку. -И спасибо всем вам! -Да за что? Мальчишку-то не спасли. -За человечность спасибо! И захлопнув дверку кабины, он пошел обходить машину к дверке со своей стороны. И идите на свои рабочие места, а то вон уже начальство шагает сюда. Взревев мотором, он медленно развернулся и уехал. На десятом у них кладбище, наверное туда повез. А копать могилу-то сейчас как? Все заморожено. А, маломальскую ямку выдолбят и ладно. А весной камнями да дерном накроют. Придут попоют на могилах, пожалкуют, вот тебе и жизни конец. Люди ведь тоже, а за что на них такие мучения? Пошли-ка скорей на рабочее место, а то вон парторг коршуном уже летит. Парторг все-таки догнал кучку рабочих и первые его слова были: почему не на рабочих местах? А то кто-нибудь бревна растащит, или молоко скиснет! – сказал кто-то. Лесная промышленность – придаток оборонной промышленности нашей социалистической родины, – важно заявил парторг. И как учит коммунистическая партия... – ну поехала старуха за дровами, – не дали закончить парторгу нравоучение. Ты спрашивал почему не на рабочих местах? Отвечаем: – эта дорога, и плотбище – это все наше рабочее место. А сейчас помогали спасать мальчонку, да не спасли! Зло выкрикнула одна баба. -Что за мальчонка? Что с ним случилось? Кто он, из местных или из этих спец.переселенцев – предателей? Да как у тебя язык поворачивается ребенка называть предателем? Окрысилась опять эта же баба. Я разьясню вам гражданка Ливанова, что партия и правительство постоянно призывают... – ну, коль тебя призывают, то иди и пусть тебе партия и правительство объясняют, как из-за скотских условий жизни погибают дети, а потом их хоронят как собак. -Товарищ Ливанова! Начальнически прикрикнул парторг. Я тебе не товарищ! Я беспартийная! И баба грузно зашагала к штабелям бревен. Парторг принялся выспрашивать у пацанов. Но пацаны народ смекалистый. Не раз поротые их задницы напоминали им, что от властей лучше быть подальше. Дружно, ответив: – мы ничего не видели и не знаем! – пацаны отправились в село. День был испорчен. По чьей вине была загублена еще одна душа, да еще и детская? – знал один Бог. Но разговор о боге в те времена надо было вести с оглядкой.

Глава 10.

После обеда, с четырех часов, открывались два магазина, один в центре села другой у гаража. Но очереди занимались еще с утра, потому что народу было тьма-тьмушая. Никто никогда не знал, что будут давать сегодня, так как продукты привозились из райцентра. Свободно на полках магазинов всегда красовалась водка, папиросы, махорка, спички и соль. Остальных продуктов была еще острая нехватка. Поэтому как будут выдавать и что, определяет начальство. По карточкам или за деньги. Карточную систему официально отменили, но на отдельные виды продуктов для работников леспромхоза составлялись списки или выдавались свои леспромхозовские талоны. Поменялись старые деньги на новые, ибо война породила такое обилие фальшивых и награбленных денег – уму непостижимо. Хлеб уже продавался свободно, за деньги, но походи возьми его, когда очереди за ним толпились сотнями. Вот и занимали люди очереди спозаранку. В основном старики да старухи, да малые дети. Ну, а уже когда рабочий люд повалит с работы вечером с гаража, лесопилок, тут держись! Только сила, могла помочь в приобретении кирпичика хлеба. Да еще при жесткой норме – один кирпич хлеба в руки. Добро если, местная пекарня в достатке с мукой, да еще и исправная. Хлеб будут подвозить до позднего вечера. Можно будет встать в очередь два раза. А если что-то не получилось – глотай слюны, жди, когда из соседних сел на лошадиных кибитках подвезут, замороженные, ледяные кирпичики хлеба. Если подвезут. А запуржит, завьюжит когда, два -три дня ни крохи хлеба на прилавках. В длинных стояниях в очередях, обсуждались все события и новости в селе, газетные и радиосообщения. Сегодня после обеда толпа за хлебом была довольно большой и волнующаяся. Только вчера похоронили тракториста – Витьку Беляева, бывшего офицера, в три ряда медали и ордена на груди, как пришел с войны. А гляди, с войны живой вернулся, а тут погиб не за понюшку табака. Шурка – то его жена загуляла, ждала, ждала много с войны, а он на вид-то, вроде здоровый, да в любовном деле как холощенный мерин. Раны да контузии сотворили с ним такую шутку. Запил с горя Витька, да так, что не просыхал. Глядишь бы, по трезвому в мастерах остался, или в начальники пробрался, офицер все-таки. Но из мастеров на лесорубе его турнули. Не дело мастеру валяться мертвецки пьяному на лесоповале. Ушел в учетчики, месяц проработал, все перепутал, кто сколько дал плану, порастерял все записи. В сучкорубах вроде не с руки – обретаться, авторитет совсем ронять. Пошел в гараж слесарничать, благо завгар родич, да клятву при народе дал: – все, ни глотка больше в рот не возьму! И не брал месяца три. В гараже какая там зарплата? Так, смех один. Шурка допекает: – мужик ты или кто? Ни денег от тебя, ни всего остального. А она баба аппетитная, сам понимает Витька, видит какие страдания он ей приносит. Наряжаться любит, – то одну одежду от литовцев принесет, то другую. Красивая стерва. Затосковал Витька, к завгару пристал: – давай трактор, лес буду возить, деньги надо зарабатывать. Завгар мудрый мужик, определил сначала прицепщиком. До войны Витька трактористом работал, но практика то ушла. Ну, поработал с месячишко, все выходит. Хорошо, возьми да и дай ему отдельный трактор, завгар. Ну Витька заработал как бешеный, план перевыполняет. И поздно ночью все домой норовит из лесосеки приехать. Хотя и далеко. Стали тыкать завгару, – как на своем собственном тракторе Витька раскатывает! Он Витьке укор, – прекрати де, или буду высчитывать за горючку. Высчитывай! Смеется Витька, длинные рубли зашибаю, на все хватит. А он Шурку страшно любит и страшнее еще ревновал ко всем. Наверное сердце чувствовало. И вот, однажды прикатил он тайком, трактор в сторонке бросил и бегом домой. Вечер поздний, он должен быть в лесосеке, в бараке ночевать. А тут появился и Шурку застучал с приезжим морячком на самом приятном деле. Отстегал Витька морячка его же флотским ремнем с пряжкой, вытер замасленные руки и мазутные валенки о его тельняшку, но и сам получил под оба глаза. Досталось и Шурке. Пока Витька гремел рукомошкой, пытаюсь улучшить зрение, ибо кулаки у морячка оказались внушительные и он наставил фингалов

под его глаза, парочка словно испарилась, успев прихватить одежду. Чего не успели взять с собой постельные друзья, так это – довольно прилично накрытый стол для того времени. Здесь были хлеб, кусок сала, квашеная капуста. И всю эту закуску венчала бутылка настоящей московской водки с зеленой этикеткой под нетронутым сургучом. Не какой-нибудь «сучок» (водка из древесного спирта), а московская. Витькины ноздри хищно раздулись – пашешь тут день и ночь, мать вашу! А вы тут долбитесь всласть, да еще с выпивкой! А вот хрена вам! И ему вспомнились почему-то фронтальные сто граммов, положенные законом. А сейчас что, я проклятый? Крутил-ломал он сургуч в кулаке и ладонью привычно ударив в угол доньшка бутылки, лихо выбил пробку. Вокруг поплыл водочный дух. Бешено оглядев комнату, и если кто-то живой попался бы под его взгляд, он точно бы швырнул в него бутылку как гранату. Но никто не попался. Кроме него в комнате никого не было. Выдохнув он крутанул бутылкой по короткому кругу и закрыв глаза жадно опрокинул ее в рот. Выпив на одном дыхании больше половины, он брякнул гулко дном по столу и опершись о край стола, опустил голову вниз с лохматым чубом. Постояв так несколько секунд, он гордо вскинул голову и обеими руками потер выпяченную грудь. Потом взял кусок сала и прямо с огромного куска рванул крепкими зубами угол со шкуркой. Покосившись на лежащий на столе нож, он оскалился и воткнул его через скатерть в стол. -Шалава, падла! Прошипел он брызгая слюной с разжеванным салом, наблюдая как качается по сторонам засаленная ручка ножа. Проглотив жидкое месиво, которое текло по подбородку, он отломил корочку хлеба, вытер ею губы и подбородок и съел. Потом нащупал бутылку и глядя в темное окно допил остатки водки. Также не глядя швырнул пустую бутылку в угол. На удивление она не разбилась. Витька уже изрядно опьянел. Целый день он не ел, а силы потратил тут на это разбирательство. Завалиться бы спать, но он помнил, что к утру трактор должен быть в лесосеке. Да, самое главное, его никто не должен видеть выпившим. Хоть и немного, но выпил. Ведь обещал же не пить! Это он тоже помнил. Нахлобучив шапку, он с трудом надел мазутную фуфайку, валявшуюся у двери и помотив головой вывалился на мороз. К ночи морозы брали свое. Оглянувшись по сторонам, он никого не заметил и скрадываясь ломанулся прямо по косогору, по снежной целине туда, где у заброшенного сарая темнел его трактор. Снег был глубокий и он еле вытаскивал ноги, помогая выгребаться голыми руками. Он уже не таился, дышал шумно, ему хотелось запеть, что-нибудь геройское, но он вовремя вспомнил, что обнаруживаться ему никак нельзя. А у соседнего барака забько ежилась кучка любопытных баб в наспех наброшенных платьях и фуфайках. Позднее разбирательство в Шуркиной комнате не осталось незамеченным. И бабы шушукались, кляли войну. -Вот че наделала проклятая! Мужик был как мужик, бывало ни одной девки не пропустит. Хоть на племя оставляй его. А вишь война, тело то вроде осталось живое, да не везде выходит. Бабы сильно жалели Витьку: – Такой мужик! Эх! И не осуждали Шурку. – живая ведь, – куда деваться! Последние метры к трактору, он уже почти дополз на четвереньках. Привалившись на гусеницу своего чэтэзэшки, еще не прикоснувшись к бункеру – точнее газогенераторного чудовища, он ощутил идущее тепло. Быстро отогрев руки, он только сейчас почувствовал что весь мокрый от снега. Ничего, ничего, – подбодрял он себя, сейчас заведемся и порядок в танковых войсках. Он вскарабкался на верх, открыл люк бункера топки, засыпал туда две корзины сухой чурочки и открыв поддувало, полюбовался как загудело, загорелось внутри и сверху повалил густой дым. Закрыв люк он залез в кабину и без труда завел трактор. Двигатель еще не успел остыть. Все правильно сделал Витька! Радовался он. Покружив налево направо на гусеницах, он рванул рычаги. А на хрена я буду делать крюк на целый километр, когда речку и здесь перееду и напрямую в лесосеку. Дорогу короче проложу – укрепился он мыслью. И хрустя мелким замороженным кустарником направил свой ЧТЗ на замерзшую речку укрытую толстым слоем снега. Незнающий человек и не догадался бы что здесь течет речушка. Витька знал. Гусеницы лихо рвали под себя кустарник и клочья травы берега, более пологого с этой стороны. Другой берег был немного крутоват. Ниче, ты на войне не такое видел! Подбадривал он себя и лихо

сунул трактор мордой в сугроб на середине речки, до другого берега оставалось три метра. И когда свет фар уперся в другой берег, Витьке стало нехорошо. У берега сугробы снега были желтоваты и ноздристы, и сквозь эти дыры снега – парило. Родники! Мать их! Мелькнуло у него: и он резко рванул рычаги, чтобы развернуть трактор назад. Не тут-то было! Немного дернувшись на развороте трактор стал заваливаться набок, на сторону бункера – топки, вторая гусеница бешено гремела траками в воздухе. -Туда прыгнешь порвет! И путаясь в рычагах, он кинулся из кабины, ногой шибанув дверку, в наклоняющуюся все больше сторону. Гусеницы уже не было видно. Бункер – топка касался снега, неимоверно шипел паром.

Из-за пара ничего не было видно. Как можно сильнее оттолкнувшись, в полусогнутом состоянии Витька прыгнул в неизвестность, полагая, что он попадет обязательно хотя бы на край получившейся полыньи. Он уже пролетел опасный участок у гусеницы, через облако пара, согласившись на то, что если и выкупается, но на берег выкарабкается. Хрен с ней с репутацией, гараж недалеко, высушится в котельной, а трактор достанут. Ну не расстреляют же! Плюхнувшись в ледяное, снежное месиво, приправленное темной водой, он сразу обрел опору под ногами, которая вдруг крутанулась в неудобную для него сторону, то есть под трактор. «Топляк со дна вывернула гусеница!» – пронеслось у него в мозгах. Поскользнувшись, он нелепо замахал руками, пытаясь удержать равновесие. Но не удержал и шлепнулся плашмя на живот вдоль бревна, достав лбом отполированную песком и течением часть листвяга-топняка, когда-то застрявшего здесь и навечно оставшегося на дне. Тут его и накрыло окончательно опрокинувшимся трактором, а точнее голову размозжило раскаленным бункером-топкой о листвяг-топняк каменной плотности. Сквозь вырывающийся пар из под воды слышны были бульканья и бешеная молотья Витькиных ног по глыбам льда и воды, которая скоро затихла. Подергался и затих трактор, захлебнувшись водой. Горячий бункер еще посипел паром немного и тоже затих, исходя противным за-пахом, мокрой золы и нагретого мазута.

За ночь полынья замерзла, утром пошел снег и если бы не черная огромная масса трактора, видневшаяся из под солидной шапки свежего снега до весны ни за что бы не узнать, что здесь прои-зошло. И почему-то обледенелые валенки Витькиных ног, тоже можно было различить. Они торчали вверх, согнутые в коленях, припо-рошенные снегом. Эту трагедию на речке обнаружили вездесущие пацаны, ловившие снегирей, чуть не к вечеру. По этому случаю по-наехало начальство из райцентра только на третий день после случившегося. До этого было приказано ничего не трогать, выставить охрану. Завгар привез на берег машину дров и двое рабочих, деловито выпивая и закусывая, разьясняли приходящим как можно посмотреть на аварию. Около костров народ толпился день и ночь, вспоминая разные случаи. А бабы – соседи по бараку, слышавшие ночную перебранку его с Шурой, добавляли неимоверные эпизоды к несчастному случаю. По их словам Витька решил покончить жизнь самоубийством, и его последние слова вроде были адресованные к Шуре: «Ты еще ответишь, сука, за смерть боевого офицера!» Вроде и записка даже была им оставлена предсмертная. Участковый Гошка Чиков, приехавший только на второй день на место происшествия огорошил всех простым вопросом:

- Почему решили, что это гражданин Виктор Беляев?
- Дык, его вечером дома видели и в лесосеке, нет ни его, ни трактора.
- Резонно. А это точно его трактор?

Вызвали завгара. Тот долго топтался вокруг, так ничего и не определил. Номер двигателя был под водой, а в остальном ЧТЗ – все близнецы. Тракториста, ранее работавшего на этом тракторе, в леспромхозе не было, уехал куда-то. Проверить все лесхозы с тракторами быстро было невозможно. Надежда была только на Шурку – жену Витьки. Но она как сквозь землю провалилась – не могли найти. «Может и она на дне вместе с ним?» – задавались всякие вопросы. Дома у них участковый перерыл все – никаких доказательств, никаких записок. Исчезли Беляевы. И только всезнающая первейшая сплетница на селе Маруська Була-

ниха, обратила внимание на вросшую в сугробы баньку бабки Коваленчихи: уже вторые сутки идет себе дымок из трубы бабкиной бани. Возьми и загляни туда тихонько Маруська. А там любовь у Шурки с морячком на всю катушку.

Ну, до участкового эта весть за несколько минут долетела. Он тогда и Шурку, почти под пистолетом повел к месту аварии. Морячку приказал ждать в бане. Да куда там! Морячка через минуту уже там не было. Охая и причитая, разогревшаяся в баньке Шура, скоро замерзла, узнав о случившемся, и к трактору подошла, стуча зубами.

– От тебя Александра требуется одно – определить точно, этот лежащий человек твой муж Виктор Беляев? Точнее, это его валенки?

– Не знаю, – тряслась она.

– Жена называется, мужнины валенки не знает! – осуждающе шептались бабы.

– Как же так? – озадачился участковый.

– Носки я ему вязала серые с белой каймой по резинке! – вдруг выпалила она.

Участковый осторожно по доске подобрался к валенку одной ноги и попытался его потянуть на себя. Куда там! Ватные штаны, запроваленные в голенища, были вплотную заморожены, очевидно, даже с ногами. Участковый постоял, подумал, постучал костяшками пальцев по обледенелому валенку и полез в карман полушубка. Достав большой складной нож, он с трудом вспорол хрустящее ото льда голенище валенка почти до щиколотки торчащей изо льда ноги. Раздвинув в стороны разрез голенища, обнаружился край темного носка со светлой полосой.

– Эти носки я вязала! – вдруг зарыдала Шурка, – Витенька, что ж ты наделал! Родной ты мой! – затряслась она и кинулась к торчащим валенкам.

– Стой! Нельзя! Лед проломишь! – оттащили ее мужики.

А участковый, таким же манером, вспорол и второй валенок. Обнаружился точно такой же носок. Шурка и его признала.

– Так, ну все! Первичное определение личности произведено! Прошу всех отойти от места происшествия. Васильич, – обратился он к завгару, – трактор-то тебе бы признать надо документально, учти, с минуты на минуту энкэвэдэшники нагрянут. Будет не до шуток.

– Понял, понял, спасибо, – и завгар со слесарем стали выискивать какие-то особые приметы и записывать их карандашом в записную книжку.

– Ну, а вам, гражданка Беляева, придется со мной пройти в контору.

Шурка, рыдая и согнувшись, поплелась за участковым. Бабы шипели на нее, и многие тоже потащились следом.

– Мы напомним ей, если будет выкручиваться, из-за чего погиб Виктор. Ишь, сука!

Когда наехали энкэвэдэшники и заставили вырубить глыбу льда с телом погибшего, то оказалось, что головы-то почти не было, она была настолько расплющена и промыта водой. А какие-то кости остались между бункером и бревном-топляком – то по ним определить никакого лица было невозможно. Опять же только Шурка, которую много раз заставляли осматривать его одежду и тело, окончательно определила:

– Это Беляев Витька! Потому, как документов у него с собой никаких не было. Все было дома.

Его нормально похоронили, даже поминки в столовке гаража были. На поминки народу привалило не счесть. В столовке сделали три захода по стакану водки, тарелке вермишели, стакана компота с кусочком хлеба на брата и баста! Поминальные продукты закончились. Народ негодовал. И половина людей не могла помянуть геройски погибшего офицера. Заплаканная Шурка в черном платье вышла на улицу и стала из сумки раздавать по две карамельки девочкам и мальчишкам, набевшим на поминки в несчетном количестве. Карамелек всем тоже не хватило. Особо нищие бабы – стояли большой гурьбой и выкрикивали:

– Вишь, сучка дожила до чего, поминки толком о муже сообразить не сумела! Она другое, зато хорошо умеет соображать!

И из темноты короткого зимнего дня неслись маты.

Пачкая черный платок песчинками сахара от карамелек, Шурка, заливалась слезами и хрипела:

– Простите, ради Бога – время такое!

– Ага, ага! – щерились бабы, – Бог-то с тобой разберется, он все видит.

Вышедший из столовой раскрасневшийся участковый, услышав бабы выкрики, прикрикнул на них:

– На пятнадцать суток захотели? Сейчас организую! – и он демонстративно взялся за кобуру.

Бабы огрызаясь, уходили прочь. Ребятишки хохотали. А он, подойдя к Шурке, оценивающе оглядел ее и участливо сказал:

– Не обращайтесь на них внимания, Александра Михайловна, не-воспитанный народ, им бы только нажраться на дармовщину. А у Вас еще жизнь впереди! Ну вот, вышло так, что ж! – и, помедлив, доба-вил, – а нам еще протокол до конца дописывать придется, район тре-бует. Придется идти в контору.

– Ой, – зарыдала Шурка еще громче, – хоть вы-то меня понимаете! – и, уцепившись за рукав его полушубка, она приникла к его плечу.

– Тихо, тихо, любое горе проходит! – успокаивал ее участковый, ведя на выход из гаража.

А из темноты неслись им вслед бабы выкрики:

– Щас, тебе он допишет, чего не дописал морячок! Ой, умора, смотрите бабы, вместо конторы к Коваленчихиной бане пошли, прото-колы там дописывать!

– Народ, он какой? Он тебе поможет, и он же тебя в грязь втопчет, – рассуждал он отечески.

И уже более уверенно шагал Гошка, выйдя из зоны бабьей видимости. Шурка покорно шла сзади него по узкой тропинке, ведущей к бане.

Глава 11

Вчерашние похороны – погибшего Витьки Беляева в нелепой катастрофе – обсуждались во всей очереди за хлебом. В центре внимания была Буланиха, которая подходила то к одной кучке баб, то к другой. Ей даже удалось побывать на поминках в последнем заходе и, поджав губы куриной гузкой, она сокрушенно качала головой:

– Да разве это поминки? У порядочной жены было бы намного лучше. Ну, а Шурка, как Шурка – сами знаете. Да если б я не обнаружила ее с хахалем еще неизвестно, сколько бы органы бились над рассле-дованием.

– А че, Маруська, ее-то признали виновной в смерти Витьки?

– Ну, тут еще не до конца все ясно, – многозначительно поднимала она брови, – Да как же ты не знаешь, ведь ты в бане с морячком ее обнаружила?

– Ну, я.

– А после поминок участковый ее вместо конторы снова в баню увел, дознание снимать!

– Иди ты!

– А ты че, не видела?

– Дак он पहले меня с поминок ушел.

– Да че ей видеть-то было? Она ведь вчера на карачках с поминок в гору лезла. Не до Шурки ей было.

– Да идите вы! – разозлилась Маруська, уходя дальше к бабам.

– Да ладно тебе, не злись, мы-то не попали на поминки вот и чешем языками. Ты лучше-ка расскажи, как там калмычонок сгорел?

– К-ка-кой калмычонок? – растерялась Маруська, – Ой цельный день седни с компрессом на голове пролежала, ничего не знаю. Ну-к, ну-к, че там стряслось? – и она словно губка впитывала в свою память, что наперебой пересказывали ей бабы.

Потом, всполошившись, под каким-то предлогом рванула в другой конец очереди, но там стояли литовцы, греки и ни черта не знали. Вскоре она вернулась назад и уже бойко принимала участие в разговоре о гибели калмычонка. Даже вспомнила, какой это был пацан, потому, что после контузии это был единственный такой ребенок в се-ле. Последнее время он даже не ходил побираться, наверняка и умер бедный голодным. Максим на свою зарплату не мог прокормить такую ораву детей и старух. Припомнились случаи, когда пацаны мучили улы-бающегося Улюмку, хотя наверняка ему было больно, но он бедный по своей болезни все равно улыбался.

В разговор влез рыжий Валька Федоркин и деловито сообщил, что он видел все от начала и до конца действия перед гибелью Улюмки и с видом знатока отвечал на разные вопросы. Его мать, такая же рыжая баба, стоявшая тут же в очереди, тощая и злая за свою вечно голод-ную и нестроенную многодетную семью, вдруг схватила костистыми пальцами Вальку за щеку, и второй рукой лягнула его по другой щеке и носу.

– Бляденыш! Видел все и стоял, радовался, – и она, закрыв свое лицо руками, рухнула под ноги стоявших рядом женщин.

– Ульяна! Остепенись, успокойся! Мальчонка ж он еще, не сообразил!

– Скотина он, хоть и мой сын, и все вы скоты!

– Ну, ты даешь девка, за что же это мы?

– А за то, как вы к калмыкам относитесь. А калмычонок сгорел, мы все виноваты. Человек он в первую очередь. Ребенок, в конце концов! – рыдала баба, поднимаясь на ноги, – Вон, посмотрите! – и она ука-зала на стоящую отрешенно кучку калмычат и старух, – Они даже очереди не занимают, их все равно вытолкают, если даже и деньги у них есть. Они ведь хлеба не

видят! Вон литовцы, греки стоят, не говоря уже о немцах. Чем эти хуже? Мордами не вышли? По одной причине все они у нас, да, только кто-то жрет калачи, а кто-то смотри да молчи!

Все молчали и прятали глаза друг от друга. Подошедший участковый протолкался на крик бабы сквозь толпу.

– В чем дело граждане? – и увидев кровь и слезы на лице Вальки, живо заинтересовался, – Кто тебя?

– А никто, – озлился рыжий пацан и стал протискиваться в сторону от него.

– А кто вас гражданка? – подступился он к рыдающей Ульяне и не договорил, увидев ее злое выражение лица, поперхнулся.

– Кто говоришь? Сталин, да такие как ты дармоеды!

– Да вы знаете, что говорите? – взревел быком участковый.

– Знаю, знаю, пошел на хер отсюда, пока тебя в клочья не разорвали за калмычонка.

Участковый разинул рот, хотел что-то сказать, засверкал гла-зами, хватаясь за кобуру, но тут какой то пацан, сидевший на заборе узрел хлебовозку и торжественно заорал:

– Хлеб везут!

Толпа мигом спрессовалась у прилавка, придвинутого к открытой двери магазина. Кто-то из пацанов полез по головам стоящих плотно людей, его быстро сгрузили вниз, и он уже продирался между ног.

– Давай, давай, пощекочи девок между ног! – поощряли его старики.

Хлынувшая очередь людей прихватила с собой и участкового. На-чалась давка. Шапка у него съехала на глаза, он был зажат так, что не мог двинуть руками, опущенными вниз, чтобы уберечь кобуру с ору-жием. Гошка, наконец, очухался и, вращая головой и упираясь ею в кого-то, поправил шапку.

– Граждане, я на службе, прошу меня выпустить! – безуспешно дергал-ся он.

– Ничего, посмотришь, как хлебушек добываем! – вторил ему насмеш-ливый голос.

– Да он-то, поди, уж натрескался, со вчерашних поминок сыт, а у нас брюхо к хребту подводит.

– Хлебушек не с той стороны возьмешь, с черного хода, а тут с на-ми, если хватит, – бубнил кто-то сзади, невидимый.

– Поживи, поживи, как мы живем! – посмеивались бабы.

– Женщины милые! Мне действительно надо выйти! – взмолился участ-ковый, видя, что дело его приобретает нешуточный оборот.

– Бабы, в уборную ему надо! – взвизгнула какая-то молодуха.

Очередь заколыхалась в смехе.

– Антонида! – крикнул участковый в сторону прилавка, – Не торговать пока не выпустят меня из очереди!

– Кто там приказывает? – забеспокоилась продавщица.

– Да тут у нас много начальников, только хлебушка маловато. Отпус-кай, Тоня, пока прилавков не свернули. Народу сотни полторы скопилось и еще люд с работы подходит.

– Да я то че? На то и стою тут, чтоб хлеб отпускать, – и продавщица загремела весами.

– Бабоньки, милые! Выпустите меня, я все понял. Обещаю, буду вам помогать! – взмо-лился опять Гошка.

– Вот так-то лучше! – и зычный женский голос властно зазвенел в ушах очередников, – Бабы, а ну-ка разоидись. Милицию выпустить надо!

Сразу стало свободнее и участковый, отдуваясь, стал выдираться из толпы.

– Стой, стой! – кричал кто-то, – вот передайте ему!

И передавая через головы, с рук на руки ему под мышку сунули увесистый кирпич хлеба.

– Что это? – опешил он.

– А заслужил буханку хлеба за стоянку в очереди, а деньги занесешь потом! – кричал кто-то от прилавка.

И толпа загрохотала веселым смехом, выталкивая из себя очередного взъерошенного и вспотевшего счастливчика с помятым кирпичом хлеба. Участковый побагровел лицом, pokrutil головой и, взяв хлеб в обе руки, медленно пошел к забору, где жалась друг к другу кучка калмычат и старух. Чем ближе подходил он к ним, тем теснее прижимались ребятишки к старухам, а те отступали к забору. Наконец, их спины уперлись в забор, и они затравленно уставились на милиционера узенькими щелочками глаз.

– Это вам, возьмите! – протягивал он хлеб.

Старухи покачали головами. Хлеб никто не брал.

– Пожалуйста, возьмите!

Калмычата заглядывали в глаза старух. Наконец одна вздохнула:

– Ех! – мотнула головой, и по ее морщинистым щекам побежали слезы. Не смахивая их, она указала на какую-то тряпку или сумку, лежащую у ее ног. Участковый поклонился, положил туда хлеб и, уткнув голову вниз, пошагал прочь от магазина.

Притихшая очередь с интересом наблюдала эту сценку, вытолкнул из себя очередного обладателя буханки хлеба, с растрепанными рыжими волосами, выбившимися из платка. Это была Ульяна. Проводив тяжелым взглядом быстро уходившего участкового, она что-то обдумывала, направляясь к забору. Калмычата заворожено смотрели на хлеб, лежащий на сумке. Ни слова не говоря, Ульяна отламывала от своего кирпича хлеба маленький кусочек и давала каждому малышу. Те радостно улыбались и, что-то говоря, тут же принимались есть. Старухи низко кланялись, сложив ладони у лица, и все повторяли:

– Спасип! Ханжинав! Спасип! Ханжинав!

– Да ладно вам, – усмехнулась Ульяна и оставшиеся пол кирпича сунула себе подмышку, пошла домой.

Выходившие бабы с хлебом, нет-нет, да и подходили к кучке калмыков и отламывали им кусочек хлеба.

Первую повозку хлеба распродали быстро. Стали ожидать вторую. Темнело. Продавщица, узнав о случившейся беде с Улюмкой, в перерыве вышла из магазина, держа под фартуком какой-то сверток. Подошла к ним, положила сверток на сумку и стала объяснять старухам, что это нужно все забрать и идти домой. Старухи быстро ее поняли и, собрав все в сумку, заковыляли с ребятишками в свою сторону.

– Тонь, ты че их спровадила?

– Че, че! Видите, темнеет? Жиганья-то сами знаете сколь у нас – отберут. Так хоть по свету донесут, что есть.

– Точно-точно. Опять амнистия была, бывших зэков нагнали невидимо.

– Бабы, вот че хочу вам сказать. Когда хлеб привозят – мне ни на секунду оторваться нельзя. Хлеб – деньги, дело нешуточное. Сколь на вашей памяти продавцов в тюрьмы загремело. Где у них украдут, где сами потянут. Ну, дело не в этом. А в том, что не по-христиански у нас получается. Обижаем мы, выходит людей. Смотрите, калмыки даже в очередь вроде как не имеют право становиться, а если встанут, то наши нахально приходят и становятся впереди них.

– Дык, они ж нехристи! – заржал какой-то мужик.

– Дурак ты! Они в первую очередь люди. Нельзя так. Поэтому следите за очередью сами. Мне при такой толпе не до этого. А что про них говорят, что Сталинград из-за них чуть не сдали, тут что-то не так. Это что, из-за них, мы чуть войну не проиграли? – указала она на удаляющуюся кучку старух и калмычат, – Херня на постном масле! Это у кого-то там, наверху мозги скисли. Но мы из-за этого не должны как собаки грызся.

– Точно, Тоня! – загалдели вокруг, – Жить уж хуже некуда! Так вот давайте, людьми будем!

– Хлеб везут! – выкрикнул кто-то и продавщица засемила в магазин.

На следующий день этот магазин не открылся. Не открылся он и на следующий день. Никаких объявлений не было. Никто ничего не знал. Толпы людей атаковали ларек у гаража, который был не в сос-

тоянии обслужить такое количество людей.

– Пошли к конторе, за жабры начальство возьмем, пусть хлебом обеспечат! – заорал здоровенный парень явно из приезжих, – Айда!

Щас, найдем причину!

Толпа колыхнулась вроде за ним, но так и осталась на месте у ларька. Тут все-таки давали хлеб. Может, повезет. А парень, матерясь и брызжа слюной, вернулся назад и полез к ларьку.

Через три дня, наконец, открылся злополучный магазин. Но к удивлению всех за прилавком стояла не Антонида, а красномордый мужик и стеклянными глазами смотрел не на покупателей, а куда-то поверх голов. Зажав в лошадиных зубах папиросу “Беломорканал”, он попыхивал ею и не обращал ни на кого внимания. Белый халат его на груди был засыпан папиросным пеплом. Под халатом был китель на военный манер и галифе из синего сукна. Двери магазина были настежь открыты, стола-прилавка у дверей не было, когда торговали только хлебом из дверей. Прилавок, как и полагается в магазинах, стоял на месте, отгораживая покупателей и продавца с товаром. Прихожая в магазине была довольно большая, и в лучшие времена сюда набивалось человек до тридцати-сорока. Сейчас в магазине все полки были завалены хлебом, двери настежь открыты, на улице громадная толпа, а никто не заходил. Что-то новое и непонятное. Сзади напирали:

– Чего там застряли? Хлеб берете?

Передние упирались в косяки, в магазин не заходили и зло шипели:

– Да погодите, вы! Не готов еще!

Наконец, продавец, затаившись глубоко папиросой, выдохнул из себя густую струю дыма, сплюнул в пустое ведро и бросил туда же окурок и хрипло произнес:

– Ну, слушаю вас!

– Дык, хлебца бы, – ослабилась передняя баба, отчаянно упираясь обеими руками в косяк двери, сдерживая задних. – Деньги есть? – осведомился продавец.

– А как же! – заспешила баба, роясь в рукавице. – Так! В магазин заходить по трое, остальные на улице! – рявкнул продавец и загремел весами, бросив туда уханку хлеба.

– Мальчонка у меня там, на улице, он в очереди, а тут-то задавят. Мне завсегда две буханки дают, шестеро деток у меня, – за-искивающе затараторила баба, – Тоня знает. А где она?

Продавец сунул ей кирпич хлеба и сдачу, и будто и не слышал ее, буркнул:

– Следующий! – и положил снова на весы очередную буханку.

– Дык, стой милый, мне ж две буханки надо!

– А у меня распоряжение – в одни руки только одну буханку хлеба! Все. Не мешай.

– Дык, у меня ж мальчонка здесь, на улице. Сюда ж он не пробьется – задавят.

– Не знаю, – внимательно глядел продавец на весы, – Следующий. В одни руки только одну буханку хлеба! – рявкнул продавец.

Наконец баба осмыслила, что сюда нужен ее сын. Она быстро метнулась к двери, заглядывая и подпрыгивая, пыталась увидеть кого-то через головы стоявших людей. Но через спрессованную массу людей увидеть кого-нибудь на улице было невозможно.

– Бабы! Люди! – кричала она в проеме двери, – Кольку моего сюда покличьте! Он где-то в конце там!

– Охо-хо! Дашь тетка. Дайте мне и моему цыганенку? – съязвил какой-то парень.
– А ты выходи, найдешь его, а потом зайдешь, – весело давали ей советы.

– Да если я выйду, разве снова запустят? Да и хлеб кончится.

– В том то и дело, тетя, жрать всем хочется! – и поднапыжившись парень влез, наконец, в магазин, вытаскивая за собой полу фуфайки, зажатую между людей.

– Мать честна! Хлеба-то горы! – восхитился он, – Заодно и водочки возьмем.

– Пока торгуем только хлебом, – охладил его белый халат, – Водкой торговать будем после хлеба.

– Молчу. Хлеб давай!

В магазине уже скопилось с десятков покупателей, купивших хлеб, но выйти на улицу не могли. Меж ними ходила первая баба и все повторяла:

– Ну, вы ж знаете, мне ж всегда давали две буханки, а?

Продавцу надоело ее бормотание и он рявкнул:

– Выйдите вы отсюда, наконец, или магазин закрыть!?

Угроза мгновенно подействовала. Кряхтя и ругаясь, толпа кое-как раздвинулась, выпуская взявших хлеб. Плача вышла и баба, не получившая вторую буханку хлеба.

Стоявшие в дверях бабы стали совестить продавца:

– Че ж ты не дал ей вторую буханку? Все знают – большая у нее семья. Всегда давали.

– И тебе жалко? – спросил он бабу, протягивая ей сдачу.

– Конечно, надо бы дать.

– Так на, ей дай! – и он протянул ей ее же кирпич хлеба.

Баба выхватила у него свой хлеб, прижала к груди, второй рукой зажала себе рот.

– Ты че? У меня же трое, чем же их кормить буду? – пятилась она от прилавка.

– Вот то-то и оно. Жалеть все мы мастера. Вот и она дожалела! – и он зло постучал пальцем по прилавку, – И дожалелась до 58-ой!

– А-а-а! – хором разинули рты бабы и похватав свой хлеб начали буравить толпу, высккивая на улицу.

Антониду по 58-ой арестовали! В секунду облетела весть густую очередь. За калмычат заступилась, вишь, принародно. А какая-то сука доложила куда надо. У-у! понагнали сюда всякой сволочи, теперь за них страдают люди.

– Это я вцякая цволача! – схватились за грудки грек с литовцем и, разряжая похоронное настроение покатались по утоптанной скользкой дороге с косогора.

Враз образовались две стороны болельщиков, которые внимательно следили за ходом поединка и не давали никому вмешиваться. Стороны были готовы в любой момент сразиться стенка на стенку. Пацаны готовили снежки, скатывали их в ледяные комья. Предстояло интересное действие.

Рослый литовец никак не мог освободиться от приземистого грека, который мертво ухватился за полы его фуфайки, и бестолково махал руками. Очевидно, грек искуснее был в борьбе, он то и дело подсекал его ногами и оба шумно шмякались на скользкую дорогу. Уже противоборствующие стороны болельщиков задирались друг с другом и вот-вот должны были сцепиться, но все испортил девяностолетний дед Лавничий.

– Ну-к, чаво тут? – раздвинул он толпу суковатой палкой. И не замедляя своего шаркающего стариковского хода, дед вроде и не сильно, но хряско огрел одного и другого бойца своей

полупудовой палкой, – Мирно жизнь устраивать надоть, а вы все скрозь войны да драки, чтоб вас опоносило!

Литовец, наконец, освободился от цепких рук грека и резко дернулся в сторону нового обидчика. Но, увидев древнего деда в рваной шубейке, он поднял к голове свои огромные, красные от мороза руки и замахал ими:

– Не, нет, все, мирно, мирно!

А сконфуженный грек нырнул в толпу, и его не стало видно. А дедок пошел себе дальше. Как ни в чем не бывало, сопровождая внука, у которого подмышкой был кирпич хлеба.

Толпа хваталась за животы. Драки не получилось. Но мир всегда был лучше войны. Отдельными кучками, оглядываясь, обсуждали полупешепотом перемены в торговой жизни. Загуляла по толпе еще одна новость. Парня, что звал толпу у гаражного ларька идти к конторе жабрить начальство, оказывается, тоже арестовали.

– Смотри, слова лишнего нельзя сказать, укукут! – оглядывались очередники.

Наступал вечер. Холодало. Хрустко скрипел снег под ногами все подходивших людей, занимающих очередь. С трудом пробившаяся скрозь толпу из магазина Ульяна, неся тряпичную сумку, в которой угадывался кирпич хлеба, увидела невдалеке кучку калмычат и старух, поманила их к себе и пошла им навстречу. Они узнали ее и, улыбаясь, подошли. Подходившие люди занимали очередь. Ульяна тоже заняла и за ней выстроилось уже человек десять. Тогда она повернулась к сзади стоявшей женщине и сказала ей:

– Впереди меня стоят эти люди, – указала она на калмыков, – Сколько их в очереди будет стоять, не знаю. Вот они за этой женщиной. Таня запомни их, они за тобой.

– Запомню, не переживай, иди домой.

– Хорошо, погоди. Деньги-то есть у Вас? – обратилась она к старухам.

– Еса, еса! – закивали они и показали ей смятые бумажки.

Ульяна пересчитала их и отдала назад.

– На две булки хватит, – и показала два пальца.

– Дива, дива, – кивали головами старухи и весело блестя глазами.

– Вот ты, – она показала на старшего пацана из их компании, – и ты, бабушка, становитесь здесь и стойте за хлебом, а остальные к забору отойдите.

– Я русскую понимаю, – ответил старший пацан, – Хлеб пукупать, осиридь сктоять нада.

– Вот и молодец! Теперь всегда ходи, когда деньги есть за хлебом. Очередь занимай и покупай хлеб. Понял?

– Мэн (да), мен (да).

– Ну, все. Удачи вам! – и Ульяна ушла, захрустев подшитыми валенками по подмороженному к вечеру снегу.

Днем снег мягчел под лучами солнца начинающейся весны. Еще будут морозы и хорошие заморозки, но трескучих зимних морозов уже не будет. Наступил первый весенний месяц – март. Но для Сибири это все равно зима, голодная 1947 года.

Глава 12

Скудные запасы овощей, а особенно картошки, которая не уродилась прошедшим летом, заканчивались. Многие семьи, несмотря на голод, берегли какую-то часть картошки на семена, ведь придет весна – садить будет нечего. Опять не будет урожая, опять голод. Но это те семьи, где хоть как-то сводились концы с концами. А где такие, как жили калмыки? Там вообще беда. Запасов никаких. Жилье, какое попало. Хорошо, что в избенку, где жили герои нашего повествования, пришел Максим. Он и окна подладил и дыры заткнул, и печку подмазал. Всегда дров привезет, а главное с едой помогал. Если он безвыездно неделю работал в лесосеке, то обязательно находил возможность заскочить домой, передать то булку хлеба, то еще чего. То

мерзлой картошки мешок привезет, то листьев капустных промерзших. Но старухи и этому были рады. И варили всякие болтушки, кипятили чай.

К ним то и дело наведывались отогреть хотя бы животы чаем, совсем бедные калмыки, живущие в других концах села. Повезло вам! Завистливо оглядывали они нары по стенам, набитые сеном, где копошились свои и чужие ребятишки, жадно прихлебывая чай. А в нашей землянке со стен вода бежит, на полу канавы роет, чтобы вода убегала. Все замерзает, топи не топи. Сколь уже умерло стариков и детей, на их место другие приходят, у которых еще хуже. В лесосеках в бараках-то теплее, но там живут только те, кто работает, а остальных гонят, чтобы не занимали места, все новых и новых людей разных привозят. И отогревшись, они незаметно исчезали, оставив на нарах на день-два своих ребятишек. Пусть хоть они отогреются немного, а то совсем позамерзали. Старухи милостиво разрешали. Когда за ними приходили родственники, ребятишки ни в какую не хотели уходить:

– Нас бабушки Алтма и Алтана хорошо кормили и чаем настоящим поили.

Старухи горестно покачивали головами и говорили:

– Разве будет вкусная похлебка из мерзлой картошки и мороженных капустных листьев? А чай? Разве настоящий жомба будет вкусным из обыкновенной кучки сена? Нет. Ох-хо, хо!

– Что вы, что вы, у вас правда все вкусно получается. Ханжинав! – кланялись им пришельцы, – У нас и такого нет!

Это было еще зимой, в трескучие январские морозы. К ним на ночевку попросилась женщина калмычка с ребенком – лет семи восьми. Максима дома не было, он после поздней работы в лесосеке ночевал там же в бараке. Женщина была старая, но помоложе старух-хозяек, ее сын калмычонок, еле плелся за ней и все время молчал. Старухи напоили их чаем, и они легли спать вдвоем на топчане Максима. Женщина ночью все охала, вскрикивала, но к утру затихла. Старухи переговаривались между собой:

– Самое лучшее место ей выделили, а она все крутится, помолчала бы уже. Нет, мы ее на вторую ночь не оставим.

Зимой утро приходит поздно, да и два маленьких окошка слабо пропускали свет сквозь замороженные слои льда на них. Поэтому и дети вставали поздно. Старухи и не торопились их поднимать. Меньше кормить их, меньше забот. А тут еще чужие люди, хоть чем-то да придется покормить.

– Тут самим-то есть нечего, – бурчали старухи.

Совсем рано утром, когда морозный туман еще плотно висел над селом, старухи уже сходили на конец своего косогора и заработали кружку молока, которую уже вылили в ведро, определенное под жомбу – чай. Молока маловато, но все-таки что-то. А дело оказалось совсем простое для них.

У молодой разбитной вдовы Зинки возьми и отелись телка в самые трескучие морозы. Да если бы отелилась сразу, а то мучилась сутки. Зинка с округлыми глазами от страха, выглядывала на тропинку в глубоком снегу, по которой ходили люди мимо ее стайки, где мучилось животное. Никого. И в соседях никого, все на работе. И тут на счастье показалась целая процессия людей. Один за одним человек десять.

– Слава тебе Господи!

Когда люди подошли ближе, Зинка чертыхнулась:

– Тьфу, ты! Нашла людей! – и с горя заревела.

Она знала пастуха – из калмыков – старика Бадмая. Но где его искать? Давненько его уже не видела. Он лечил коров. Так это бывало летом, когда пас их. А тут зима. Сидит где-нибудь на печке, старый хрыч! А у нее горе. И еще раз, глянув на толпу, которая почему-то остановилась около нее, она вконец рассердилась на них без всякой причины:

– Нет у меня ничего, нечего подать, идите! – махнула она рукой.

Ребятишки молчали, а старухи переговаривались между собой по калмыцки, тыкали пальцами то на нее, то на стайку.

– Му-у? Бе-е? – наконец прояснила обстановку одна из старух и приставив тыльную часть ладони ко лбу выставила врозь два пальца. Зинку как током шибануло.

– Про коров и овец спрашивает?

А тут еще ребятишки захохотали, кривляясь и также выставив пальцы повторяли:

– Му-у, му-у! Бе-е, бе-е!

– Болшго (нельзя)! – прикрикнула на них вторая старуха. Ребятишки враз замолчали.

Корова у меня:

– Му-у! – повторила их звуки Зинка.

Ребятишки аж завизжали от смеха. Зинка засуетилась и стала звать старух в стойку, откуда слышалось жалобное мычание коровы. Старухи оживились, и одна зашла с Зинкой в загон и стойло, вскоре калмычка выглянула из дверей стайки и поманила к себе вторую – Алтану, что-то ей сказала, показывая на пацанов. Алтана трясла сумкой, в которой были куски хлеба, и покрикивала на ребятишек, что-то объясняя им, и отправила их домой. И зашла в стайку. Старухи оказались хорошими акушерками. В результате совместных усилий родился хорошенький пятнистый бычок. Но вот беда. Первотелок Чернушка ни в какую не позволяла притрагиваться к своему вымени ни сынку, ни хозяйке. Она взбрыкивала, пугалась ведра, забивалась в угол, поводя своими острыми рогами, выкатив бешеные глаза. Зинка была еще в большем ужасе. Ревел голодный бычок. Ревела и Зинка. И бегом побежала к калмычкам-старухам. Те оказались легки на подъем, закивали головами.

– Сэн, сэн (хорошо, хорошо)! – и затрусили за Зинкой.

Чтобы не пугалась корова дзинькающих струек молока о ведро, старухи даже не взяли в стойло ведро, а какую-то свою замызанную кожаную сумку, которая на удивление не протекала. Одна из старух протянула корочку хлеба корове, второй рукой накинула на рога веревку. Пока корова жевала хлеб, она нежно гладила ее по шее и привязала к стойлу. Продолжая что-то ей напевать-рассказывать, она гладила ее по шее и за ушами. Корова блаженно закрыла глаза, успокоилась. А вторая старуха гладила корову по брюху и крестцу, поближе к хвосту. Постепенно руки Алтмы коснулись ее вымени. Корова задрожала, прислушалась, но стояла спокойно, слушая пение уже обеих старух.

Потом незаметно Алтма стала мять вымя и сдавливать соски. Сначала на пол, потом в сумку потекло молоко. Через полчаса раздувшееся вымя заметно похудело, а сумка наполовину наполнилась молоком. Корова стояла спокойно. Алтма совала сумку Зинке, та брезгливо отталкивала ее. Алтма совсем рассердилась и тоненько замычала, низко показывая рукой.

– Ой, дура я! Дура! Молоко ведь теленку нужно!

И она схватила сумку из рук старухи.

– Пойдем теленка поить в избу!

Часть молока из сумки Зинка налила в литровую кружку и отдала старухам. Напоили и теленка прямо из сумки. Корову поначалу надо было доить несколько раз в день. Но Зинку она не праздновала. Вот так и стали старухи доить Чернушку, получая в плату кружку молока. Дня два молоко сваривалось в плотную массу – молозиво – удивительное лакомство для ребятишек. Потом – стало обычным, и им стали забеливать чай – жомбу. Вот и сегодня сварив похлебку и чай, старухи неспешно вели разговор, сидя на чурбачках у печки попивая чай. Потом сосали трубки – табаку почти не было. Пора было поднимать ребятишек, накормить, да идти очередь за хлебом занимать. А тут гостя все еще лежит, не встает. Они уже давно заметили, что ребятишки, свесив с верхних нар головы, показывают на топчан, где лежали мать и сын. Обычно они балуются и хихикают, а тут что-то тревожно шепчутся. Алтана тоже встревожилась и встав с чурбачка заглянула за печку. На топчане, неестественно выгнувшись, с открытыми глазами,

устремленными в потолок, с искаженным лицом лежала женщина. Она не спала. Она была мертва. Рядом судорожно дергался ее сын.

– Пее (ай-ой)! – вскрикнула старуха и позвала сестру.

Они долго стояли и смотрели на умершую мать и умирающего сына. Дети начали слазить с нар на пол. Но грозный окрик Алтмы загнал их назад. Мальчик еще подергался несколько секунд и затих. Сложив руки вместе у лица, старухи стояли и шептали молитвы. Ребятишки тоже поняли всю серьезность случившейся трагедии и отвернувшись к стене молча лежали. Вдруг в сенцах застучали ногами, и в избу с клубами холодного воздуха зашел старик Бадмай.

– Менд... (здравст...), – начал здороваться он и осекся, увидев в скорбной позе сестер-старух. Дождавшись пока они увидят его, он так и стоял у порога, не снимая из-за спины своего вечного вещмешка.

Наконец старухи закончили свои молитвы и повернулись к нему, вытирая слезы. Расспросив их что случилось он внимательно-внимательно осматривал умерших.

– Не трогай их, у них, наверное, чума, – тревожились за Бадмая старухи, – Как нам теперь быть? Они к нам в дом болезнь принесли.

– Они себе смерть принесли, – произнес старик, – Голод тут виноват.

– Мы вчера их чаем поили, наверное, надо было похлебки и хлеба дать, – слезливо шептали старухи.

– Им ничего не могло помочь, – ошупывал старик животы умерших, – Откуда эта пшеница? – рассматривал Бадмай разбухшие заплесневевшие зерна посыпанные на топчане и под ним.

Потом он пощупал карманы штанишек мальчика и материнной кофты. В них тоже была такая же пшеница. Старик разогнулся и, показывая пальцем на зерна, сказал:

– Они отравились этой пшеницей. Страдая от голода, они где-то раздобыли эту пшеницу, а она, скорее всего, была протравлена для мышей и крыс. Заразы здесь нет, – и он рукой прикрыл веки женщины.

Постояв так и пошептав молитву, он сказал, что нужно их вынести из избы.

– А где Мутул? – спросил он о старшем из мальчишек.

– А он каждый день рано утром убегает на конный двор, там помогает конюхам, они его за это кормят. А нам в карманах овса приносит, мы его жарим, ох, и вкусно.

– Овес – это хорошо, – согласился Бадмай, – Пшеница вот тоже – из нее хлеб пекут, но, оказывается, из-за нее и умирают.

– Мы ему говорили – заторопились старухи, – но он овес берет прямо у лошадей, когда их кормят.

– Смотрите, чтобы много не брал, а то посадят.

– Нет, нет! – замахали руками старухи, – Он немножко приносит, когда жарим, когда на кисель толчем.

– Ну что ж, открывайте двери, буду выносить мертвых на улицу.

– А разве можно? Наверное, начальство вызвать надо, пусть смотрят.

– Никого не надо, их не дождешься, а ребятишкам жить надо дальше. А ну-ка, укрывайтесь кто чем, сейчас холодно дома будет! – скомандовал он ребятишкам. И взяв на руки женщину, легко понес ее из избы.

Старухи уже стояли наготове, и одна открыла двери избы, другая двери сенцев. Бадмай уверенно понес ее к сараю и, положив на снег свою ношу, стал отгребать снег от дверей. Сначала он вошел туда один, что-то устроил из досок, потом перенес и женщину. Зайдя за мальчишкой он услышал всхлипывания ребят на нарах.

– Что-то еще случилось? – спросил он пацанов.

– Да жалко его, – кивали они на мертвого, – холодно ему будет на морозе. Он неплохой пацан был, мы даже с ним подраться не успели.

– Да, мои хорошие, лучше бы вы с ним подрались.

Вынес Бадмай и сынка к матери и положил рядом, помолился и приперев колом дверь сарая зашел в избу. Старухи уже смели с топчана и из-под него каждое зернышко злополучной пшеницы и не знали куда девать эту кучку, лежащую на картонке. Бадмай молча взял эту картонку с зернами и, открыв печку, кинул туда.

– Уф-ф! – радостно вздохнули старухи, – Жомба будешь пить, – заглядывали они ему в глаза.

– Будем пить и жомба, и жить будем! – задумчиво кивал он головой, моя руки в углу.

– Заразы нету? – допытывались старухи.

– Не бойтесь, живите, сколько хотите. У них животы как камень. На пустой живот нельзя много пищи есть – смерть. А тут еще пища из зерен, они разбухли, да еще отравленные – тоже смерть. Мукубен когда будет?

– Должен сегодня – завтра быть.

– Хорошо, дождусь.

– Ой, спасибо! Мы сами хотели просить тебя его дождаться. А куда их девать? – Алтма махнула рукой на дверь, подразумевая умерших.

– Мукубен придет – решим. Хоронить нам конечно придется. А кто они? Я что-то их здесь не видел.

– Не знаем.

– Ни документов, ничего нет. Участковому надо бы сказать, да что толку. Постоит, посмотрит, да скажет – хороните. Мукубена дождемся. Почти каждый день умирают наши. Вчера только молитвы читал в Муртуке, это шесть километров отсюда, старик и старуха умерли. Хоронили кое-как. Дороги нет, все в снегу, еле дошел назад. Обутки худые, валенки совсем развалились.

Старухи молча, почти враз, показали пальцами на оставшиеся у печки валенки умершей женщины. Бадмай помотал головой.

– Сейчас нельзя. Похороним, потом возьму, если подойдут. А милиционера не надо, он опять пришлет фельдшерицу с хлоркой как в начале зимы. Все хлоркой засыпала, чуть от нее не умерли. Да и ребятишки укулов опять заботятся. А он опять начнет везде смотреть, морщить нос, да за что-то ругаться.

Старухи не поняли тогда, почему ругался участковый. А он ругался за то, что в снежной канаве за избой обнаружил занесенные снегом ледяные кучки замерзшей картошки и замороженные пласты капустных листьев.

– Откуда это у вас?

Старухи не понимали и с детской наивностью нагребали корзину мерзлых овощей, несли домой – готовить пищу. Когда он узнал, что это основная пища калмыков, то отстал, затыкая нос от запаха варившейся похлебки. Но на сигнал, который поступил, он должен был отреагировать. Разиня-завхоз подсобного хозяйства леспромхоза не сумел до снегов вывезти с полей огромные кучи выкопанной картошки и капустных листьев после ее уборки. Сначала все это охраняли, а когда пошли снега – забросили! Но народ не дремлет. И ночами на СА-ночках стали возить гремящую как камни мерзлую картошку, да хрустящие ото льда пласты капустных листьев. Узнал об этом и Максим и несколько раз со старшим пацаном – Мутулом тоже навёдался туда. Хотя и привезли много, половина привезенного была гнилой продукцией. Выбирать в поле было некогда, собирали все подряд. Вскоре обильные снега занесли, спрятали следы преступления в канаве за домом. Но опять же, люди все видят – донесли. Пришел участковый. И когда в очередной раз Максим пришел отмечаться к нему в контору, участковый спросил его:

– Слышь, Цынгилыев, это что у тебя за избой за кучи овощей?

- А выросли, убрать не успел! – весело забелел зубами калмык.
- Ты это брось! Я серьезно спрашиваю.
- Ну если серьезно, то с поля подсобного хозяйства.
- Ты знаешь, что это хищение урожая, социалистической собственности, точнее?
- Знаю, что это ротозейство и головотяпство руководства хозяйства.
- Как? – разинул рот участковый.
- А так. Не вывезли с полей вовремя урожай, заморозили. Так хотя бы вози скоту на корм.

Нет же, до этого не додумались. Народ с голодухи стал таскать с полей уже негодный овощ. Но не трожь, это государственное! Пригнали бульдозер, и он сравнял все с землей, вперемежку со снегом. Вот тогда я и взял санки и поехал, хоть что-нибудь найти пригодное в пищу моим землякам. А скот, кстати, на подсобном началдохнуть от бескормицы. Ну, что мне писать подробно в заявлении, как я расхищал социалистическую собственность?

- Ты, вот что, Цынгиляев, не умничай, спросим тебя – ответь.
- Ну, я и ответил! – опять заулыбался Максим, – До свидания!

И жизнь пошла своим чередом. Хоть скудная, но пища была, если хорошенько постараться. И старухи старались. Они целыми днями чистили картошку, мыли, сушили, толкли, рубили капустные листья, жарили. Но кроме темной похлебки и черных картофельно-капустных оладий ничего не получалось. Но это была еда. Спасение от голода. И можно было видеть, как калмычата в одних рубашонках, смеясь, и обгоняя друг друга, кто босиком кто в каких-то опорках на ногах, бегут к канаве-траншее. Быстро разгребая снег, они хватают пласты листьев, накидывают в мешок или корзину ледяных картофелин и еще быстрее бегут в избу, побрякивая:

- Ех, ях! Ех, ях!

Так у них бывало несколько раз в день. Ну, если кто шел с ведром, вниз к речке, тот был одет более основательно. Воду в гору таскать было трудно, калмычонок скользил, падал и летел вниз кубарем с ведром. Ребягня, катающаяся невдалеке с их косогора, с удовольствием наблюдала эти моменты. Так было и раз и два и три, пока более взрослый местный пацан, не хватал у обессиленного калмычонка ведро, зачерпывал его полным и бегом заносил до самых саней.

– Молодец! – похлопывал он сопящего калмычонка, еле поспевающего за ним, – Три раза нес, три раза падал и даже не заплакал. Вот, учитеcь у него, балбесы! – наставлял он своих друзей, только что закатывавшихся в смехе от падений калмычонка, а теперь наблюдавших за милосердностью своего жоака. И по-разбойничьи свистнув, он с разбегу катанулcя прямо в кучу стоящих пацанов, и слетевши с ног, они, крича и хохоча, кувырком летели вниз по раскатанной горке.

Калмычата то и дело выглядывали из сенцев, но кататься с местными не решались долго. Да и было не на чем. Но калмычата сначала просто не знали, что кататься с ледяной горки можно было хоть на чем. Хоть на куске фанеры или картона, на обрывке клеенки, на санках, на обледенелой доске. А калмычатам еще и не в чем было кататься. Старухи уже вычислили, что катающиеся пацаны с горки, и рвут одежду и обувь быстрее, и вывалившись в снег становятся мокрые, потому, что много раз заходили к ним сушиться у печки. Поэтому одежду и обувь, какая была, очень сильно берегли. За хлебом в очередь сходить, или по селу пройти – милостыню просить, одежда и обувь были нужнее, и должна была быть сухая. А тут с горки просто так не прокатишься, скатившись вниз не успел вырлиться – плюхнешься в речку в полынью, родники которой не замерзали даже в трескучие 40 градусные морозы. Плюхаться в речку никто не хотел, но случаи бывали. Но дети есть дети и их желания непреодолимее всего.

Калмычата все чаще выбегали из избы и, постояв минуту, другую на морозе, посмотрев на катающихся разом убежали домой. Но однажды от калмыцкой избы вышел пацаненок, одетый непонятно во что. Замотанный платками сверху шапочка, явно бабкина, сверху подпоя-

санный халат, тоже старухи. На ногах были известные валенки – бахилы, которые были дежурные. В руках у калмычонка был неглубокий алюминиевый тазик. С трудом, переставляя ноги в валенках, которые доходили ему до паха, он бесстрашно подошел к кучке пацанов, которые с интересом смотрели на него и не поехали вниз.

– Ребя! Смотри, сейчас калмычонок на тазике поедет!

Из раскрытых дверей сенцев торчали головы ребятишек и старух, которые смеялись и подбадривали своего товарища. Катавшиеся ребятишки довольно дружелюбно приняли калмычонка. И даже задиристый Юрка Верхотуров звал его сюда и показывал вниз:

– Давай катись, посмотрим, как ты катаешься.

Калмычонок деловито подошел к началу горки и стал усаживаться в свой тазик. Но, негнушися высокие валенки никак не позволяли ему сесть как надо. Наконец, он брякнулся задом на тазик, но тот выс-кользнул из под него и, весело юля из стороны в сторону, зазвенел вниз. Юркий Вовка Коваленко с размаху плюхнулся на свои санки и пустился в погоню. На повороте тазик опрокинулся и зарылся в сугроб. А Вовка метко выхватил его из снега, будто всегда только и занимался этим делом, пробуравив немного головой сугроб. Калмычонок озадаченно смотрел вниз. Вскоре Вовка, с мокрым лицом, доставил тазик и помог калмычонку сесть в него. Калмычонок радостно улыбался, узенькие щелочки глаз стали еще меньше.

– Ну, пиши письма! – заорали пацаны и калмычонок поехал с горы.

Сначала его крутануло несколько раз на выбоинах, но он крепко держался за края тазика.

– Ты смотри, усидел! – восхищались пацаны, видя как, набирая скорость, он несется уже по самому крутяку горки, – Смотри, несется быстрее, чем мы!

– Так он не рулит, не тормозит! – раздавались реплики.

– Вот в том-то и дело, что не рулит, сейчас в полыню ухнет!

И пацаны один за другим, разбежавшись, падали на свои санки или ледянки и неслись вниз.

Почти в конце горки, ребятишки насыпали приличную кучу снега, утрамбовали ее и получился своеобразный трамплин, после которого, обычно, прилично шмякнувшись о выбоину в снегу, надо было срочно поворачивать вправо, чтобы уйти от прямого попадания в незамерзающую полыню. А если умело подрулить вправо, то еще можно было катиться сначала по берегу, а потом и по замерзшей части реки. Пацаны бравировали друг перед другом мастерством своего катания, проезжая от полыни буквально в метре. Некоторым не удавалось вырлиться, и они, под всеобщий громкий хохот и даже с помощью пацанов бежали срочно сушиться в котельную гаража. Дома за зимние купания полагалась порка.

Калмычонок этого не знал и купание ему было обеспечено. Ребятишки это знали. А он, зажмурив глаза, крепко держался за тазик, даже когда его шмякнуло с трамплина, и, крутясь вместе с тазиком, плюхнулся в полыню.

– Ногами тормози! – вдогонку кричали пацаны, но было уже поздно. Да и как это сделать калмычонок не знал.

Плеснувшись по сторонам, вода заколыхала наездника некоторое время на месте, благо течение здесь было незаметнее. Потом лениво его развернуло и потащило к кромке льда. Наверху пацаны хватались за животы, а те, что съехали вниз, тоже были с веселыми искорками в глазах, но не на столько. Они понимали всю серьезность положения неуклюжего пацана.

– Смотри, под лед утянет! – кричали они и бежали к краю полыни.

Сообразительный Генка Кадуцкий плашмя улегся у края полыни и торчком опустил свои санки у края полыни до самого дна, держа их за веревку. Тазик под калмычонком наполнился водой, подмочив и одежду седока. Валенки тоже наполнились водой и благодаря их тяже-

сти, голова у него была наверху. Он как будто полулежал на спине. Теперь глаза калмычонка были широко открыты от ужаса, он хватал ртом воздух и не понимал, что же произошло.

– Тазик брось! Тут не глубоко! – наперебой орали пацаны, – Вставай на ноги!

Но калмычонок не понимал, и еще крепче держался покрасневшими руками за тазик. Наконец его развернуло течением и подтащило ближе к Генке, к кромке льда. Изловчившись, он схватил калмычонка за ши-ворот и потащил к себе. Лед под ними затрещал.

– Тащите меня за ноги, я один не могу его вытащить! – заорал Генка.

Набухшие водой валенки и одежда на калмычонке оказались довольно тяжелы, не хватало сил. Потасили Генку за ноги, а он в свою очередь тащил пацана.

– Тазик брось, он за лед зацепился! – орали пацаны.

Но не тут-то было! Калмычонок тазик не отпускал.

– Дураки! – завизжал Генка, – зачем с меня валенки стащили?

Наконец, подъехавшие еще пацаны помогли вытащить калмычонка на лед. Вода из тазаика и валенок стали подтекать под Генку. Он откатился с мокрого места, быстро одел свои валенки и подошел к лежащему на боку калмычонку, снизу весело поглядывавшего на всех.

– Вставай чучело, а то замерзнешь! – беззлобно засмеялся он, – Вон из-за тебя все брюхо замочил и ноги замерзли, и намокшие санки обледенели.

Намокшая одежда и валенки с водой не позволяли ему подняться, как он не трепыхался. Пацаны отцепили его руки от тазаика, посадили на чьи-то санки, и вылив воду со снятых валенок. Обув его, поставили на ноги. Калмычонок прижал тазик к груди, стоял и улыбался.

– Ну, сто лет будет жить! Главню не трус! Ну пошли наверх, – и толпа пацанов полезла на гору, – Гля! Он наверно примерз валенками ко льду, стоит на месте!

И действительно, мокрая одежда пацана взялась коробом, а подошва валенок примерзла ко льду. Гурьба пацанов вернулась назад, они повалили калмычонка на чьи-то санки и потасили наверх. А наверху кудахтающими курицами, размахивали руками и кричали выбежавшие старухи и раздетые калмычата. Наконец толпа ребятишек, с калмычонком на санках вылезла на гору и подошла к избе. Старухи низко кланялись пацанам, а калмычата радостно поставили на ноги своего обледенелого товарища и кричали:

– Сэн, сэн, Сюля! (Хорошо, хорошо, Сюля!)

– Ну, что давай, иди, грейся! – деловито показывал на двери избы Генка, – Слышь, а как зовут тебя?

Калмычонок радостно смотрел на Генку и молчал.

– Ну, как зовут тебя? Ну, вот я – Генка, – ткнул он себя в грудь пальцем, – А это Лидка, – показал он на сопливаю девчонку, – Ну, а ты?

– Сюля! – выдохнул калмычонок.

– Сюля? – удивился Генка, – Сюльки, Юльки, Гальки, Лидки – это у нас девчонки, – и он опять ткнул на Лидку.

Калмычонок стал еще радостнее и закивал головой. Старухи хитро улыбались, калмычата перетаптываясь на снегу, заходились от визгливого смеха.

– Ты, мальчик, пацан, – и он опять ткнул в себя и на Вовку.

Калмычонок отрицательно замотал головой и показал на Лидку.

– Ты девчонка? – опешил Генка и попятился назад.

– Сюля девика, девика! – засмеялись старухи и потасили обледенелую девчонку в избу.

Дверь захлопнулась, в избе восторженно многоголосо кричали.

А на улице стояла толпа мальчишек и подтрунивала над обалдевшим Генкой.

– Во Генка дал, калмычку героически спас!

– А ты че, если б знал, что это девчонка, не помогал бы? – прищурился Генка на Вовку.

Тот напустил на себя безразличный вид и, идя к горке, рассуждал:

– Да на кой мне эта девчонка, тем более калмычка, вон чего про них говорят.

– Значит, пусть на глазах у тебя тонет человек, а ты руки в брюки? – допытывался Генка.

– Да какой там человек? Калмычня какая-то, – тянул свое Вовка, – На ногах-то толком стоять не может.

– А ну-ка мы посмотрим, как ты стоишь на ногах! – и Генка резко дал подножку Вовке. Тот с размаху брякнулся на скользкую дорогу горки и закувыркался вниз. Некоторое время он удерживал за веревку санки, которые летели вместе с ним. Но потом он как-то выпустил веревку и санки, обретя самостоятельность, обогнали своего хозяина и, раскатившись, бултыхнулись в середину полыньи, зацепившись за торчащую из воды ветку.

Докувыркаясь до трамплина, Вовка сумел свалиться с него в сторону, зарывшись в сугроб. Высвободив из него голову, он сгреб с лица снежинки и, повертев головой, сориентировался, тупо глядя на полынью, откуда издевательски виднелись его санки. Погрозив кулаком наверх, где скалили зубы в его адрес пацаны, он заорал:

– Ну, погоди Кадучок, я тебя еще подловлю!

– Давай, давай! – беззлобно ответил Генка и съехал вниз, где уже стоял Вовка и нахмурившись соображал, как же достать санки.

Подкатили еще пацаны и все стали давать советы.

– Ну че, помочь или сам достанешь?

– Да пошел ты к своей калмычне! – огрызнулся Вовка.

– Так, – ощерился Генка, – покувыркался, а ума не набрался? Придется тебя искупать, заодно и санки достанешь.

– Да ты, че, совсем сдурел? – обиженно заорал Вовка и драпанул вверх на несколько метров.

– Да я то ниче, а калмычке ведь ты начал первый прислуживать. Так, ребя? Кто тазик ей поймал укатившийся? Ты!

– Эх-хе-хе! – визжали пацаны, – Точно, так и было!

– Да вы че, пацаны? Я ж по-людски! – уже чуть не плакал, оправдывался Вовка.

– Вот, вот и мы по-людски спасли человека, а кто он, пусть там старухи сейчас в штанах у него найдут. Мальчишка он или девчонка! А может, они нас обманули! – философски рассуждал Генка.

– Точно, точно! – смеялись пацаны, затеяв кучу-малу.

– Ладно, побузили и хватит! – деловито изрек Генка, – Санки доставать надо. Вон, давай жердину с огородного забора снимем, толканем толканем ей санки и поймаем их там, где калмычонка вытаскивали.

– Идет!

Притащили жердину, подтолкнули санки, они подплыли к краю полыньи. Генка также лег плашмя на край полыньи, пацаны подержали его за ноги на всякий случай. Засучив рукав своей фуфайки почти до локтя, он побуровил голой рукой по стылой воде и вытащил санки, а пацаны волочили его на брюхе по льду подальше от полыньи. Санки вмиг обледенели, Генка пульнул их Вовке и все, как ни в чем не бывало, полезли в гору. Генка подышал на покрасневшую от холода руку.

– Че, ребя, за хлебом кто идет?

– А ты думал! Разок другой катанемся, домой заскочим и пойдем.

Вовка попинал свои санки, подергал и сказал:

– Не, я не буду кататься, санки обледенели, дома их оттаять надо, пока мамки нет.

– Да, наверное, уже и нам хватит, – как-то согласились все враз.

И когда проходили мимо калмыцкой избушки, двери распахнулись и вместе с клубами тепла, выходящего из избы, высунулось несколько круглых мордочек калмыцкой ребятни, весело кричавших:

– Сюля! Сюля!

И среди них высунулась и лучисто улыбалась старуха, попыхивая трубкой. Вынув трубку изо рта, она этой же рукой махала и звала в избу накатавшихся пацанов.

– Айда, пешька, сади, жомба – щай пить!

– Не-е, мы дома погреемся, в другой раз! – расходились пацаны по разным тропинкам к своим избам.

Глава 13

Казалось бы, и весенний месяц март начался, и солнце веселее и дольше стало висеть на небосклоне, а поди ж ты, до тепла было еще далеко. С вечера давили морозы и за день, чуть размягчивший снег смерзался за ночь в сплошную ледяную массу. Утром висел сизый туман, который к полудню растворялся солнцем, и в ясное спокойное небо, втыкались стройные струи дыма из труб, топившихся печек в немногих избах. Все трубы задымят вечером, когда весь люд поселка придет с работы. А сейчас топят лишь некоторые ребятишки, кто не учится или старые. И все-таки приход весны чувствовался. Веселее чирикали воробьи, деловито дзинькая, сновали синицы. На солнцепеке, блаженно закрыв глаза, стояла скотина, выставив на обогрев тощие ребристые бока. С кормами было очень плохо. Прошлые дождливые лето и осень напрочь сгноили заготовленные копны сена. На сенокосах в некоторых местах их даже не свозили в стога. Так они и стояли приплюснутые, накрытые шапками снега. Разве только охапку сена можно было надергать из сгнивших пластов копны.

Чуть поутихли морозы и поярче засветило солнце, хозяева не стали держать на своих подворьях голодный скот, который не выдерживал бескормицы и начал погибать. Так хоть на свободе, буравя глубокие еще снега, корова лезла в густой кустарник, обгрызая тонкие макушки его, а где показался и пучок высохшего бурьяна. Люди надеялись на авось до последнего, что скотина выживет. Размягченный солнцем снег, застывал на ночь в ледяную корку и в раннее утро или в теневой стороне на следующий день не всегда размягчался. И вот, так называемый наст, тонким слоем покрывающий основную толщу снега губительно действовал на ноги и брюхо животных. Животные проваливались сквозь ледяную корку наста – в кровь изрезая себе ноги и брюхо. Обессиленные голодом, а еще сильными ранами от наста, животные падали, гибли. Хорошо, если хозяева успевали прирезать скотину. Пища из такого животного считалась вполне съедобной. А не успел прирезать, погибшая скотина считалась дохлятиной, мертвечиной и употреблять ее в пищу считалось великим грехом. Грехи – грехами, а жрать чего-то надо было. И шкуру с животного по налогообложению государству сдать надо. Хоть с зарезанной, хоть с дохлой. Ну, а когда снимал хозяин шкуру с туши, ум за разум заходил. Не выдерживал и вырубал наиболее мясистые куски. Да пусть простит бог за грехи! А сизые ребра, торчащие гнутыми обручами грузил на санки и показушно вез в ближайший лесок на выброс. Вторым заходом вез голову и ноги, объясняя попавшимся встречным свидетелям:

– Смотри, вроде и тощая была, зараза, а вот уж третий или четвертый раз вывожу эту падаль.

Встречные долгим взглядом провожали его и запоминали место выброса падали. А как только темнело, окольным путем, с саночками, мешком и топором, спешили туда, где грызлись собаки. Случалось, находили и более целые туши, торчащие замерзшими глыбами поодаль. Это вывозили падшую скотину наиболее сытые хозяева. Единственно, кто не скрывал, и не таился, а были даже благодарны, если им указывали место нахождения падшей скотины, так это – калмыки. Особенно они любили конину. На лесоразработках работало много лошадей. Погибали они по разным причинам: часто среди таежных буреломов лошади ноги ломали, распарывали брюхо сучьями, до смерти забивались осатаневшими от нечеловеческой жизни возчиками. Их часто прибывало падающим лесом, лошади надрывались от непосильных поклаж, от бескормицы. Естественно, при разделке туши лучшие куски отправлялись в столовые, разбирали возчики, а что оставалось, забирала разные люди. Калмыкам доставалась требуха, головы, ноги. Завидев калмыков, везущих костистые остовы туш или в мешках требуху, народ интересовался:

– Махан?

– Махан, махан! – радостно кивали они и приглашали к себе – Айда, избам!

Люди брезгливо отказывались и бурчали:

– Жрите-ка сами дохлятину!

Но, проходя мимо их избы раз-другой, когда несло на всю округу аппетитными мясными запахами, удержаться не было сил, особенно, если человек был голодный. Да и местные ребятишки кругами носились вокруг их избы, пока кто-нибудь из них не высовывался из дверей и не приглашал зайти в избу. Заходили вроде как погреться, заодно посмотреть, как живут эти люди. А цель-то была одна – утолить голод. Философски рассуждая: – они едят махан – не умирают, а почему мы должны умереть? А брезгливость – чувство временное, привыкает человек. И к тем ужасным запахам в избе, от гнилой картошки и капустных листьев, от испражнений идущих из под пола, к несусветной грязи, тоже относились философски. Ну, живут так люди, что ж! Кому что. Ребятишки безвылазно сидели на нарах, свои и чужие. Вшей и клопов было не меряно. На нарах с сеном спали, ели, играли.

Избенка была маленькая, с нар на нары от одной стены до другой ребятишки прыгали как обезьяны, стараясь меньше спускаться на грязный, холодный пол без нужды. Прихожую и комнату разделяла кирпичная печка. Но эта печка плохо топилась, потому в ее дымоход подходила труба железной печурки, которую в гараже сварил Максим. Ей и пользовались и топили и день и ночь. Она оказалась удобной, и от нее быстро нагревалось в избе. Да и кирпичная печь немного грелась, пропуская от нее через себя горячий дым. Но пол был все равно холодный, так как изба стояла на крутяке, обдуваемая ветрами. Максим, как мог, подремонтировал крышу, потолки и окна. Двери, конечно, были старые. Сени вообще были как решетка без дверей. Подремонтировал их Максим, и стало в избе теплее. Нехватка одежды и обуви, морозы, болезни и смертность калмыков навели Максима на мысль: ребятишки в уборную в холода бегают почти раздетые, простуживаются. От плохой пищи часто болят животы. И он устроил уборную-туалет дома.

В сибирских избах под полом всегда выкопаны большие ямы – подполья. В них зимой от морозов сохраняют картошку и все овощи и соленья. Можно неделями не выходить из избы и быть сытыми. Необходимые продукты в подполе. Но это у кого-то. А у калмыков запасов никаких не было. По косогору было построено несколько таких избенок и несколько барачков. Бараки еще до приезда калмыков были заселены под завязку тоже спец. переселенцами литовцами, немцами, украинцами и непонятно кем. Раньше, при создании леспромхоза, в бараках жили заключенные, в избах, очевидно, начальство и охрана. И место это называлось колония, а теперь после ухода заключенных называлось в народе Колонка. Так вот, все избы в более лучшем состоянии были заселены русскими и украинцами, а одна, совсем обвалившаяся, досталась калмыкам. Поскольку каждый хозяин в своей избе распорядился, как хотел, то Максим тоже решил устроить жизнь своим жильцам как можно лучше. И в пустом подполье, выдрав одну доску из пола, он устроил уборную-туалет. Да, немного смердело, зато ребятишки и старухи не морозили зады в трескучие морозы. Доска при необходимости свободно открывалась и закрывалась, и ребятишки часто усаживались в ряд, и только трескотня стояла по избенке. Зловоние частично уменьшалось тем, что старухи исправно посыпали золой из печки свежие автографы ребятишек. Если кто-нибудь заходил к ним и морщил нос: «Ну и дух у вас, друзья!», старухи, дымя при этом трубками, старались нейтрализовать зловоние табачным дымом, заключали:

– Ничава, вися свая!

Против этого возразить было нечего. Выживали, как могли. С падежом скота все чаще у них появлялась мясная пища. Но чаще расстраивались и животы. Но жить все-таки было можно.

Когда хозяева подворий стали выпускать скот на волю, падеж заметно прекратился – коровы все-таки находили кой-какой корм в окрестных лесах. Да и морозы заметно поубавились. Завхоз подсобного хозяйства, поняв свою оплошность с кормами, и тут запоздал. Давно

бы надо было уж выпустить коров на свободный прокорм. Боялся – недосчитается поголовья. В загоне хозяйства если сдыхали коровы от голодухи, все было проще: шкуры в наличии, акт составил, подписали свидетелями и ветеринаром и точка. Все законно. А потеряется если корова – подсудное дело. Но все-таки рискнул – выпустил коров и пастуху – придурковатому мужику, наказал ходить, следить, считать коров. Куда там! Коровы в разные стороны, пастбищ-то нет, лезут в разные кусты по снегу, не угонишься за ними. И найдя третейский вариант, пастух грелся на солнышке на штабелях бревен, дожидаясь темноты, когда коровы сами возвращались на ферму. Тогда и он шел последним. Где только не ходили коровы в поисках пищи. И в лесу, и по селу, и по проезжим дорогам, подбирая клочья оброненного при перевозке сена. Шофера лесовозных машин остервенело ругались, сгоняя с дорог блуждающий скот.

За речкой, за кустарником шириной в несколько десятков метров, находился гараж лес-промхоза. Территория его когда-то была огорожена забором из горбыля (первая доска, отпиленная от бревна) метра в три высотой. За годы войны доски забора растащили для различных нужд, и забор был только по названию, торчал кое-где сиротельными щитами. Входи в гараж с какой хочешь стороны. То были одни ворота, а теперь дорог к нему наделали со всех сторон – и со стороны речки, моста, горы, куда он примыкал к густому осиннику и со стороны таежных лесов. Собственно в распутицу весеннюю и осеннюю, и во время разлива речки это было даже удобно. Коровы, шляясь по всем дорогам, забредали и в гараж. За котельной, где грохотал дизель и паровозик, поставленный на прикол, для выработки электроэнергии для мастерских и освещения села, когда-то была вырыта вплотную к горе яма-пещера, для выжига древесного угля для кузницы. Потом эту яму использовали для выжига извести. Впоследствии, уголь и известь жгли-готовили где-то в лесосеке, а эту яму приспособили для гашения извести. Но стройка барачов и печей скоро закончилась, известь выбрали, а яма стала использоваться под различные отходы при работе в гараже. Сюда сливали отработанные масла, кислоту от аккумуляторов, масляные растворы при мойке двигателей, выбрасывали сюда и непригодную замасленную ветошь. Дожди и снега дополняли уровень ямы, она никогда не замерзала и, пенясь белесо-бурыми пятнами, магнитно притягивала сюда пацанов, пуляющих в нее камнями и снежками. Выдумывались про эту яму невероятные истории, что там водятся, чуть ли не крокодилы и какие-то таинственные существа. Ее края обросли коричневатым пыреем, мохнатыми бородами свисали вниз и как ни странно, там многоголосо квакали лягушки, перепачканные мазутом. Особенно ранней весной.

Одна из коров подсобного хозяйства забралась сюда в поисках корма и, обнаружив пучки сухой травы по ее краям, стала их поедать. Не замечая опасности, она очень близко наступила передними копытами на подмытый край ямы, который не выдержал ее веса и отвалился вниз, увлекая за собой и корову. Ткнувшись мордой в опасную жидкость, корова не захлебнулась, а, побурлив воздухом из ноздрей, скоро появилась над поверхностью этого коктейля и жалобно замычала. Из этой жижи торчала только ее голова и часть тощего хребта. Она попыталась выбраться на противоположный край, отчаянно загребая ногами, но безуспешно. Очевидно, вниз была илистая масса, образовавшаяся за многие годы. Чувствовалось, что ей трудно передвигать ногами, их, очевидно, засасывало в своеобразную трясиину. Люди узнали о падении коровы в яму, когда она, обессилив от попыток выбраться оттуда, только жалобно мычала и расфыркивала перед собой мазутную муть. О том, что корова стояла на ногах, было видно из того, что она несколько раз меняла свое местонахождение в яме. Но больше всего она подходила к месту, откуда свалилась, и здесь ее голова торчала из жижи намного выше. Обессиленная, она с трудом поднимала свою рогатую голову от поверхности жижи, выфыркивая грязные пузыри из ноздрей и жалобно смотрела на людей круглыми влажными глазами. О том, что это была корова из подсобного хозяйства, говорила о себе заклепка в правом ухе. Там все коровы были с клеймом. Люди подходили, сожалели, но действенных мер никто не принимал.

– Силантычу сообщили? – любопытствовали бабы.

– Сообщил, сообщил, собственноручно отправлял своєю пацана. Скоро прибудет, – разъяснял гаражный сторож.

– Ну, что, Кузьмич! Магарыча ждешь? – справлялся у сторожа подковылявший на деревяшке мужик, – В долг бери, я первое тебя увидел из окошка своего дома эту аварию. Да пока подрулил сюда на своих колесах ты уж тут как тут.

– Мне тут по службе положено быть и в долю кого брать – слово за мной при магарычевом деле, – важно ответил Кузьмич, – Ты, Венька, свои фронтовые замашки брось, это тебе не в атаку иттить, тут животную государственную спасать надо.

– Ух, ты футы-нуты, ножки гнуты, нашел государственное дело, ты еще скажи партийное, – подтрунивал Венька, хлопая прутиком по своей деревяшке.

– Ну-ка, скажи, как ты ее спасать будешь? И что потом будет? Вон, в прошлом году кобель у литовца во время собачьей свадьбы бултыхнулся сюда. Потеснили его кобели во время выяснения сил. И че, думаешь? Облезла шерсть на нем. Все лето в холодке обретался, а холода зимние пришли – околел. А ты «государственное животное». Ты знаешь, че в этой яме есть? Тотто. Все отравлено-промазутено. Даже на мясо твоя животина не пойдет. Все Крышка корове, можно и не вытаскивать, – и вдруг радостно осклабился, увидя подходившего завхоза подсобного хозяйства, – А, Силантыч, на поминки пришел! Давай, дорогой, по-христиански помянем животину, в мир иной отходящую.

– Тьфу, на тебя! Чего мелешь? – озлился завхоз, – Где тут животина?

– Да, вон, любуйся! – указал Венька.

Силантыч обошел яму, насколько это было возможно, внимательно разглядывая корову.

– Мда! – закачал он головой, – Коровке каюк!

– Че я тебе говорил! – торжествовал Венька.

Подошел сюда и завгар. Покуривая папиросу, он покосился на столбик с надписью: «Не курить! Огнеопасно!». Поздоровавшись с Силантычем, он усмехнулся:

– Утопился, говоришь?

– По самые уши, – зацокал языком завхоз.

– Что делать будешь? Ну, технику, допустим, я тебе дам за магарыч. Но ведь поломаем мы твою животину.

– Да хрен с ней, пусть бы тут она и околевала, да шкуру ведь с нее сдать надо. Живая она или мертвая.

– Не, милый, убирай ее отсюда, придет тепло, разлагаться начнет, вонь будет несусветная.

– А после мазута, кислоты, какая шкура с нее?

– Ты мужик опытный, с другой коровы две шкуры сдерешь, – засмеялся завгар и, хлопнув его по плечу, зашагал прочь.

– Стой, Васильич! Акт подписать надо, пока люди тут.

– Ну, надо так надо! – вернулся он, – А может тут в яме под ней еще одна корова лежит?

– А хрен его знает, может и есть, – устало махнул рукой завхоз, – Если б не отчет, так бы и хрен с ней, а так ведь в бумагах она, как и твои машины-трактора. Так что хочешь, не хочешь, а акт по форме придется составлять.

Услышав про акт, Венька поближе подковылял к завхозу, и лукаво поглядывая на сторожа, похохатывал, рассказывая ему:

– Слышь-ка, Силантыч, тут мы с Кузьмичем, не далее как вчера, баграми щупали яму, обруча на кадушки тут от ржавчины сохраняли, так и рога и копыта попадались нам. Тут, мне кажется, не одна коровка твоя кислотой разъедена.

– Иди ты? – выпучил на него глаза завхоз.

– Так, что давай, акт сразу на несколько штук подписывать будем. Пока мы свидетели, а то уйдем, поздно будет.

– Ты что меня на преступление толкаешь? – заорал он, – Может и вправду тут еще и мои коровы погибли, но пока вот одну вижу.

– Ладно, как хошь! – и мигнув сторожу Венька собрался уходить, бурча, – Сейчас пол-литру пожалеешь, потом в сто раз больше отдашь, да может еще и не возьмут.

– Что ты, что ты! Вениамин! Не уйдет от тебя и пол-литра и больше. Не до этого мне сейчас, вишь, голова кругом идет, – разволновался завхоз, ерзая рукой по планшетке, висевшей сбоку на плече. Наконец он достал нужную бумажку и посплюнув огрызок карандаша, что-то на ней записал. Потом протянул планшет вместе с бланком Веньке, – Давай, вот тут свою фамилию и роспись.

Венька, растопырил в сторону руки:

– Ага, подмахни тебе бумагу и до свидания!

– Тьфу ты! Мать ее! – ругнулся завхоз и, дрожа пальцами, вынул из нагрудного кармана какие-то смятые деньги.

– Во! – выдохнул он, – Тебе этого хватит?

Венька живо сгреб с ладони завхоза деньги, а другой рукой потянулся писать на бумажке.

– Вот тут, – тыкал пальцем завхоз.

– Че пишешь-то? – заорал он, – Не надо никаких коров, фамилию только эту, как ее? – начал заикаться завхоз, – Силантьич, дорогой, Иванов, Иванов.

– Пишу, Вениамин Иванович я, – радостно юлил Венька, – Все самое российское. Я – Иванов, отец – Иванов Иван Васильевич, за что и воевали, за что отца и ногу потеряли! В гроб ее дышло! Видишь как вышло? Я ж тракторист первейший был, а теперь на бутылку у таких как ты прощу! – багровел лицом и дрожал руками Венька.

– Веня, Веня! Успокойся! Мы ж с отцом твоим вместе воевали.

– Воевать-то воевали, да лег он там под Москвой, а мы-то с тобой вот тут живые, хер с ним, что я без ноги! Я еще докажу всем и на трактор сяду!

– Вот и хорошо, Веня! – встрял завгар, – Как только с бутылочным делом закончишь, так мы с тобой чего-нибудь придумаем без всяких комиссий.

– Ну, спасибо и на этом! – заскрипел зубами Венька. И разжав кулак, омертвелым взглядом глядя на скомканные деньги, властно приказал, – Слышь, Кузьмич, потопали душу приводить в порядок, а то ведь, ей-бо, один оприходуя!

– Чичас, тако акту подмахну и мигом с тобой, Веня! – засуетился тот.

– А дежурство? – напомнил ему завгар.

– А дык, я только сменился, слободный до завтра. Силантьич! Иде тут крестик поставить на документе.

– Тьфу ты! С твоим крестиком, иди, тут роспись нужна. Крестик... – забурчал завхоз.

Мужики и бабы хохотали:

– Глянь, магарыч сорвали, а как дело до подписки дошло – крестиком расписаться.

Завхоз молча протянул акт завгару.

– Да пусть сначала народные массы подписывают – им веры больше, – задумчиво ответил завгар, глядя на мычашую корову.

Подписали акт несколько мужиков, а бабы боком и ушли незаметно. Осталась только бойкая на язык Кудриха. Она подержала в руках карандаш и съязвила:

– А курица не птица – баба не человек, не поверят мне!

– Да ты че? – смутился Силантьич.

– А ни че, через плечо! Сам вылезешь, не впервой. Моим ребятишкам жрать нечего, а твоя баба вчерашние щи на помойку выливает. Вот чего! – И она сунула ему огрызок карандаша, бойко зашагала по дороге.

– Вот те раз! – вконец смутился завхоз.

– Не озлобляй народные массы, а то ими же и бит будешь, – как-то по-библейски сказал завгар, подписывая акт.

– А может, здесь ее оставим? А, Васильич! – просяще, чуть не плача выдавил завхоз, – Все равно, через час другой пропадет животина.

– Э, нет! – замотал головой завгар, – Яма-то дело не шуточное. Не-ровен час человек какой, а, скорее всего, ребяташки попадут сюда. Тюрьма тогда. Мне давно уже начальство талдычит: откачивай ее да засыпь от греха подальше. Нет, Силантьич, при всем к тебе уважении. Вытащить техникой помогу, и сани тракторные дам, только увози ее куда-нибудь, ради бога.

– Оно-то так, – протянул завхоз, – Давай тогда трактор или чего, не соображу прямо как эту пропадлину отсюда вытащить.

Завгар обернулся и увидел разворачивающуюся машину.

– Э-э-э! – замахал он руками и быстро зашагал туда. Водитель заметил своего начальника и подрулил к нему.

Сзади кузовной машины был прицеплен лесовозный прицеп.

– На ловца и зверь бежит! – обратился он к выпрыгивающему из кабины калмыку, – Максим, посоветуй, как тут быть! – и он подвел его к яме.

– Ну и ну, попала бедняжка! – присел на корточки Максим и стал рассматривать корову, – А чего вы ее тут держите? – спросил он, вставая, – Вытаскивать ее надо.

– Да куда спешить? Хоть так она падаль, хоть этак – списывать придется, – Силантьич протянул ему акт, – Подпиши-ка, лучше.

Максим расплылся в лучистой улыбке и вытирая ладони рук о фуфайку ответил:

– Спасибо за честь, но моя подпись не боеспособна.

– Как это? – не понял завхоз.

– Враг народа я – лишен права голоса.

– Да, брось ты ломаться, мы, что не знаем, что ты передовой труженик? – поддержал завхоза завгар.

– Ну, смотри, сам себе приговор подписываешь, – и Максим, размашисто и быстро расписался.

– Лихо, – завхоз спрятал акт в планшетку.

– Чего привез? – осведомился завгар.

– Да вот, две лебедки на ремонт привез, и трех женщин захватил. Выходной им дали первый раз за месяц, – и он что-то крикнул в кузов по калмыцки.

Из кузова неуклюже спустились три молодые калмычки и, застеснявшись, отошли кучей сторону.

– Где твои красавицы работают? – осведомился завгар.

– В Моховом чурочку для тракторов пилят.

Услышав мычание коровы, калмычки несмело стали подходить к яме.

– Ях, ях! – зажалковали они, увидев бедную корову, и стали что-то бурно обсуждать между собой шепотом.

Одетые в фуфайки и ватные брюки, и большие валенки, в обыкновенных солдатских шапках, они походили на мальчишек-подростков. В другой одежде в жесточайшие сибирские морозы работать в тайге было просто нельзя. Многие были одеты хуже.

Силантьич ткнул рукой на яму и спросил Максима:

– Как ты думаешь, вытащить ее оттуда можно?

– Конечно можно. А куда вы ее хотите деть?

– Да вот, по акту она падежная, тут в яме и кислота и мазут, в общем, она все равно не жилец. Вытащить отсюда, вон, завгар настаивает. Ну, отвезу ее в овраг да и сожгу.

– Стоп, стоп! – начал что-то соображать Максим и, нагнувшись, зачерпнул в ладонь бурюю жидкость и понюхал ее. Потом вылил ее, но так и остался с грязной рукой на отлете.

– Вытри руки-то, – забеспокоился завхоз, – сожгешь.

Максим только тер руку снегом, что-то обдумывая.

– Значит, по акту этой коровы уже нет?

– Точно, сам подписывал, – пожал плечами завхоз, – Ну час, полчаса протянет и сдохнет.

– Так, что она никому не нужна? – продолжал допытываться калмык.

– Смешной ты, ей-богу! – закипятился завхоз, – Она не жилец. Мясо отравленное кислота и всякая срань тут. Самому сдохнуть можно. Ее бы тут оставить и не возиться, да предписание яму откачать спущено.

– А если я ее возьму себе? – несмело глянул на завгара Максим.

– Зачем она тебе? На махан не годится – отравленная, нажретесь сами посдыхаете, меня таскать будут.

– Нет, есть не будем, расписку дам о том, что ты предупредил меня.

– Давай, давай, только уж тогда сам потрудись вытащить ее и обязуйся сжечь ее или закопать.

– Значит, если я возьму ее, я не украл ее? – гнул свое Максим.

– Чего воровать? Нету ее! Давай, действуй! – и завхоз засобирился уходить.

– погоди, Силантьич! Ты же знаешь, на каком я положении. Пиши бумагу, что доверяешь мне достать из ямы и распорядиться с нею по своему усмотрению с соблюдением санитарных норм.

– Как это? – опешил завхоз, – Откуда такое знаешь?

– Зоотехником я работал в родной Калмыкии.

– А-а-а, – протянул, глядя на него, завхоз, – Ну, тем более, знаешь, что с такой животиной делать. Может, мыло надумал из нее сделать? Ну, дело твое. Значит надо тебе – бери так.

– Нет, Силантьич! Без бумаги не возьму.

– Тьфу ты! То возьму, то не возьму! – вконец рассердился завхоз.

– Да дай ты ему бумагу, корова вот-вот сдохнет, – заходил в смех Васильич.

Завхоз уселся на бревно поодаль и стал рыться в планшетке, выискивая нужную бумагу. Максим подошел сбоку и показал на бланк со штампом.

– На, с водительского удостоверения спиши мои данные.

Мусоля карандаш в губах, он натужно писал, вконец зафиолетив губы и щеки. Максим диктовал.

– Распишись пожалуйста, и полную фамилию.

Силантьич аж вспотел, пока писал.

– Ты бы милый пришел на днях в подсобное хозяйство ко мне, поглядел бы, как там и что со скотиной. Я ж не животновод – пришел с войны, партия поставила, бабу свою зоотехником сам поставил. А из нее какой зоотехник? Телку от быка еще может отличить и все.

– Ладно, зайду, если Васильич отпустит, – пряча бумагу в нагрудный карман, ответил Максим, – Ну и конечно, если доверяешь. Да, Силантьич! А корова-то стельная, телочку могла бы принести.

– Да ты что? Откуда знаешь?

– Да по рогам и морде видно.

– Ишь ты! – опять удивился завхоз, – Не судьба, значит! Вот видишь? Ты даже это понимаешь, зайди, а, ко мне!

– Ладно, зайду обязательно. Да, Силантыч, какого цвета корова?

– Да не один ли тебе хрен? Цвет, возраст.

– Вот, вот, – вновь достал бумагу из кармана Максим, – Вот тут допиши. Корова стельная, четырех лет, красного цвета.

– Ты, что-то Максим, не в ту сторону гнешь. На кой тебе все это? Не все ли равно какого цвета дохлятина и сколько ей лет?

– Не все равно, Силантыч, спасибо. Остальное я все сделаю сам. Васильич! Ты главный свидетель, на твоей территории случилось это. Твоя подпись была бы не лишняя.

– А хоть сто раз расписаться, – и завгар расписался.

– А мы чо, лыком шиты? – подковылял Венька в обнимку с Кузьмичем, – Все пишете? И нам хоть сто раз расписаться, как плюнуть. Вот Силантыч – человек, нам услужил и мы тоже, – и Венька отхлебнул из бутылки, – Будешь? – протянул он Максиму.

– Нет, спасибо, не пью.

– Как это? – не понял Венька.

– Просто. Ты знаешь про эту историю? – кивнул Максим на яму.

– Дык, мы с Кузьмичем и увидели. Если бы не мы...

– И акту подписывали, – подсказал Кузьмич.

– Ну, тогда, и на этом акте распишитесь, а то мне эту корову доставать поручили.

– Завсегда рады, хоть ты и калмык.

– Калмык, калмык я! – засмеялся Максим и Венька, нахмурившись серьезно, писал свою фамилию.

Кузьмич тоже, было кинулся поставить свой крестик, но Венька отстранил его рукой:

– Вишь печать на акте? Дело сурьезное, тут брат, грамотно писать надо.

– Эх, растудыть твою! – вздыхал Кузьмич, – Без грамотности вроде как и не человек!

– На, глотни, подумаешь крестик!

Завгар с завхозом, постояв поодаль, пошли к конторе.

– Слышь, Высильич! У этого калмыка с мозгами все в порядке?

– Да ты сам все видел, – уклончиво ответил завгар.

А Максим отцепил лесовозный прицеп, открыл задний борт и ближе подогнал машину к яме. Он залез в кузов и спустил оттуда длинный и широкий настил. Выкинул моток толстой веревки. Пока женщины разматывали веревку, Максим перевернул настил, загнул хорошо все торчащие гвозди, прибил к нему еще несколько поперечин. Получился трап, по которому можно было подниматься и спускаться не соскальзывая. По косой части настила затаскивали лебедки в кузов машины и по нему также должны были спустить их для ремонта. Взяв веревку и сделав петлю на одном ее конце, Максим легонько кинул ее на рога коровы на манер лассо. Потянув ее, он затянул петлю и потащил на себя. Корова это почувствовала, напряглась и, подняв голову, сделала движение вперед. Это ей плохо удалось. Очевидно от долгого стояния на месте ее ноги засосало в ил. Максим передал веревку одной женщине, а сам двумя остальными стал спускать трап под морду коровы, с целью достичь нижним его концом ног ее. Установив трап, он попрыгал на нем в верхней его части и приказал женщинам тянуть веревку. Те, по команде Максима, потянули веревку, Максим в это время все направлял трап, давя его вниз. Корова дергалась из стороны в сторону, месила ногами где-то внизу, но на трап никак не попадала. Потом, обессилев, зарылась мордой в жижу, хватанула ее ноздрями и фыркнула грязью в сторону женщин. Те засмеялись и отскочили дальше. Потянули веревку опять, Максим опять продолжал елозить трапом, подталкивая его под ноги коровы. Наконец трап задергался от глу-

хих ударов и Максим почувствовал, что корова наступила на трап и удерживается копытами о перекладину. Голова стала выше и показалась часть ее хребта.

– Тяните! – кричал Максим, но у женщин не хватало сил.

Тогда он кинулся помогать им. Корова поднялась еще на несколько перекладин, показались ее грудь и передние копыта. Но она никак не могла наступить на трап задними копытами. Она обессилено покачивалась по сторонам, высунув язык и закрыв глаза. Грязные тягучие потоки жижи стекали с ее груди и холки. «Если она сейчас упадет с трапа на бок, она не поднимется и захлебнется» – мелькнуло в голове Максима. Приказав женщинам держать веревку натянутой, Максим быстро побежал к машине, развернул ее передом и стал подъезжать к яме. Остановившись, он выскочил и быстро набросил веревку на крюки бампера, объяснил женщинам, что пока не натянет машиной веревку, ее не отпускать. И вот совместными усилиями женщин и машины, корова, лихорадочно скребя копытами по трапу, пошла вверх. Мощные потоки мазутной жижи стекали с ее тощих боков. Очевидно добрая половина ее веса сейчас составляла эта грязь. Натужно хрипя и мыча с высунутым языком, корова наконец перешагнула передними ногами через верхний конец трапа и ступила на край ямы. Снег враз почернел от стекающей с нее грязи. Скребя задними ногами по трапу, она медленно поднималась вверх. Задняя скорость у машины постоянно выбивалась и, невероятными усилиями и мастерством он сумел все-таки плавно и тихо отъезжать назад, таща за собой животное. Наконец и задние подогнутые дрожащие ее ноги коснулись верха трапа и соскользнули на край ямы. Натянутая как струна веревка вдруг лопнула именно в этот момент, как раз на середине между ее рогами и первой к ней калмычкой. Все три женщины разом опрокинулись назад, на спины и покатались к передним колесам машины. Растеряйся Максим – не миновать беды. Или попадали бы калмычки под колеса машины, или затылками испробовали бы прочность искореженного бампера лесовозного ЗИСа. Но Максим сумел дать больше газа и машина убежала от них, немного проташив их за собой. Так как они добросовестно крепко держались за веревку. Когда опасность миновала, Максим выскочил из кабины и кинулся к корове и ухватился за обрывок веревки на ее рогах и стал тянуть подальше от ямы. Но обессиленное животное не могло сделать и шага, готовое рухнуть назад на дрожащих ногах.

– Скорей ко мне! Она упадет назад в яму! – орал Максим.

Но его сородичи не понимали русского языка, на котором он кричал. Пока не сообразил и не позвал их по калмычки.

Наконец общими усилиями они оттянули корову метра на два от края ямы и корова, не выдержав всех мытарств, тяжело вздохнув, легла на снег. Максим побежал к машине, отвязал от нее веревку и привязал ее к обрывку на рогах. Приказал калмычкам держать веревку и не спускать с коровы глаз, а сам побежал в котельную, которая находилась отсюда буквально в десяти метрах. И скоро из разбитого окошка змеей полез шланг, из которого лилась вода. Максим дотянул шланг до лежащей коровы и крикнул в окно:

– Дай горячей!

Упруго задвигался шланг, получив добавочную струю воды. Максим пробовал рукой воду и крикнул:

– Так оставь!

И направив струю на корову, начал ее обмывать. Калмычки тряпками и пучками сорванного бурьяна стали елозить по хребту и ребристым бокам. Корова блаженно закатила глаза от теплых струй воды после холодного и неприятного купания. Лужи грязной воды стекали в яму и, казалось, грязи не будет конца. Надо было вымыть брюхо коровы, но она не хотела и не могла встать. Тянули ее за веревку, подстегивали прутьями, кричали, но корова лежала. С большим трудом, наконец, удалось поднять ее на ноги. Корова стояла сторбатившись, шатаясь на ногах, дрожала.

Уже вечерело и холодало. На ночь обязательно должен быть мороз. Таковы уж правила начинающейся весны. Надо было спешить. Вымыв брюхо и вымя от грязи, стали вытирать ее насухо отжатыми тряпками и мешковиной.

– Надо вести ее скорее в котельную, а то замерзнет, простудится!

Потянули ее за веревку, корова ни с места. Не ходила корова на веревке!

– Несите сюда мешок с сеном!

Откуда? Где его взять?

– Да вы же ехали на мешках с сеном, вместо скамеек.

– А-а-а, – заулыбались калмычки и одна из них, более шустрая, забралась в кузов и сбросила вниз несколько мешков-скамеек.

Сено в мешках было уже почти трухой, но как только развязали мешок и поднесли горсть этого корма корове, она жадно слизнула его с ладони. Так, протягивая ей горсть за горстью этого сена-трухи, заманили в грохочущую от дизеля котельную, точнее в прируб, где хранился разный инструмент. Здесь было тепло. Вытряхнув в угол три мешка трухи-сена, Максим привязал ее, и уехал разгружать лебедки. Когда он вернулся назад, корова подбирала из угла последние веточки-стебельки корма.

– Бедная ты моя! – обнял ее за шею Максим. Он принес ведро теплой воды, которую корова с жадностью выпила.

– Ну, жить будешь! – похлопал он ее по холке.

Корова в тепле быстро высохла, и цвет ее действительно был темно-красный. Максим взял щипцы и осторожно вынул заклепку из уха коровы и, подумав, достал из кармана красный шнурок и продел его в дырочку вместо заклепки и завязал на бантик.

– Красулей будешь! – засмеялся Максим.

Подошел машинист котельной и, посмотрев на хлопоты Максима, сказал:

– До утра можно тут побыть, а утром какого начальства тут не бывает, сам знаешь.

– А мы, люди благодарные и за это. Отчалим. Главное было горячей водички на мытье, да и обсохнуть в тепле. Так что я у тебя в долгу.

– Да брось ты! Думаешь, выживет?

– Попытаемся помочь. И как только отелится, и молоко будет годное для питья, первая бутылка молока – тебе. А пока – такая вот! – и Максим достал из-за пазухи фуфайки бутылку водки.

– Да ты что? Разве ты бы не помог? – отмахивался машинист.

– Да, я бы помог, слов нет. Но важнее другое – ты помог. Спасибо.

– Ну, и тебе спасибо, – взял машинист бутылку.

– Я тут на полчаса отожду, схожу домой за пацанами.

Максим ушел и когда дома объявил, что у них, возможно, будет своя корова, восторга не было конца, особенно ребятишек.

– Ну, а сейчас Мутул, как старший из вас и вот ты, Басанг, пойдете со мной, поможете пригнать корову.

– А мы, а мы? Мы тоже хотим!

– Ребята, Мутул старший, от него помощи больше будет, а у Басанга валенки на ногах, хоть и старенькие, фуфайки, шапки оденут и готовы. А у вас с одеждой слабовато. Зато вы каждый день будете помогать бабушкам ухаживать за коровой. Идет?

Ребятня нехотя согласилась. С большим трудом удалось перегнать Красулю из гаража на калмыцкое подворье. Сараюшка, кособоко стоявшая недалеко от избы, была ветхая и дырявая. Полночи Максим потратил, пока заколотил все дыры и убрал из нее снег. Хорошо, что еще осенью он привез добрую охапку сена, которую раскидал для просушки. Время от времени

он брал охапки сена и добавлял на нары, где спали ребяташки. О простынях речи не было, сено прикрывали любыми тряпками и мешками, закрывались тогда чем придется. Куча сена в углу, произвольно стала кормушкой коровы, объедки пошли на подстилку и через час-другой, насытившись, корова по-хозяйски уже лежала на подстилке, закуржавев на морозе, мирно пережевывая жвачку. Заперев сарай-стайку на подпорку, Максим забылся коротким сном до утреннего гудка и первым делом, когда проснулся, понес ведро теплой воды корове. Она была уже на ногах и деловито хрумкала сеном. Напоив ее, он объяснил старухам, что это теперь их корова и дня два-три ее надо усиленно покормить. Негодные капустные листья и разные очистки от картошки могут быть неплохим кормом для животного. Старухи успокоили его, что на своем веку они ухаживали за многими коровами и даст бог выходят и эту.

– Вези какого-нибудь сена, даже плохого, мы отпарим его – корм будет! – заверили они его.

Утром, раньше обычного, проснулись ребяташки и первым делом бегали по очереди смотреть на корову.

Через день два о том, что у калмыков появилась корова, узнали и соседи. Любопытные бабы смотрели на костлявую животину, и первым вопросом был:

– А где вы взяли ее? Не украли?

И к своему недовольству получив ответ, что корова их на законном основании небрежно давали советы:

– Да прирежьте вы ее, сдохнет ведь, кожа да кости.

Старухи, растопырив руки, возражали:

– Болшго! Сен, Красулька! (Нельзя! Хорошо, Красулька!)

Наперекор всем прогнозам злоязычников корова с каждым днем становилась все бодрее и полнее. Злые языки донесли участковому, что у калмыков невесть откуда появилась корова, и кормят они ее ворованными капустными листьями и картошкой с подсобного хозяйства. Донеслись слухи и до завхоза, что мертвая корова из ямы гаража выздоровела, раздобрела у калмыков на харчах. А харчи-то подсобные! Заволновался-задумался Силантьич, что дал промашку и при первой же встрече с участковым городил-мямлил об этом что-то непонятное.

– Так что, украли у тебя корову? – уже в который раз спрашивал он Силантьича.

– Да, нет!

– Так да или нет?

– Нет, – пожимал плечами завхоз, – Живые по счету в наличности. Падежные по акту оприходованы.

– А у калмыков чья, твоя?

– Моя, – констатировал Силантьич.

– Так выходит украли?

– Нет, по акту оприходовали, падежная.

– Мертвая?

– Выходит так.

– А у них-то живая?

– Живая.

– Твоя?

– Моя.

– Ничего не понимаю, – хлопал по ляжкам себя участковый.

– Пил с утра?

– Нет еще. Пойдем, возьмем для разъяснения, – приглашал завхоз.

– Ты мне это брось! – ярился участковый, – Я при исполнении, стало быть это будет взяткой.

– За что?

– За утерянную корову.

– Все у меня в наличии, согласно документов, – похлопал по планшетке Силантьич.

– А тогда, какого хера, ты тут время у меня отнимаешь?

– Для информации.

– Да пошел ты! – вконец озлился Чиков и зашагал к леспромхозовской конторе.

Разговор с завхозом не шел у него из головы. На другой день, чуть свет, он подходил к калмыцкой избе. Морозный воздух ранней весны был чист и приятен. Предстоял ясный, солнечный день. Еще не доходя до избы он почувствовал неприятный запах гниловатой капусты. Дым из калмыцкой избы весело тянулся вверх, подтверждая о предстоящем солнечном дне. У распахнутых дверей сенцев монументально восседали обе старухи на чурбачках, с трубками во рту. Одетые в какие-то лохмотья, с одинаковыми меховыми шапочками на головах, они попыхивали трубками, созерцая мир нового утреннего дня. Из раскрытой двери избы тянуло каким-то варевом, булькающим в котле. Вот этот-то кислый дух и учуял участковый при подходе к избе.

– Здорово живете! – бодро поздоровался он со старухами.

Старухи согласно кивнули головами.

– Мужики-то дома?

Старухи опять кивнули, посапывая своими трубками, выпуская кольца дыма.

– На работе или дома? – опять он задал вопрос.

Старухи молчали.

– Скоро пойду на работу, я сегодня на ремонте, – вышел из сарая Максим и широко заулыбался.

– А-а, здрастье! – участковый кивнул и с ходу спросил, – Где корова?

– Здесь, здесь, Красуля! – жестом показал Максим на сарай, – Жует все, что ни положим, – и он, зайдя вовнутрь, стал гладить по шее животину, хрумкающую бурьян, пересыпанный прелыми капустными листьями и картофельными очистками.

За несколько дней пребывания здесь корова заметно поправилась и вид у нее был веселый. Зашедший участковый мельком глянул на нее и спросил:

– А где та?

– Какая? – не понял Максим.

– Ну, та дохлятина, что из ямы вытащил?

– Вот она, – заулыбался Максим и, поняв, что к чему, полез в карман гимнастерки, вытащил оттуда вчетверо сложенный листок и протянул участковому.

– Что это?

– А дохлятина, и паспорт ее, и заодно, что я хозяин ее.

Багровея лицом участковый медленно вчитывался в бумагу, оглядел ее с другой стороны и вернул Максиму.

– Н-да, как-то непонятно. Умирала скотина с голоду, а тут стоит гладкая корова. Что-то тут не то. Сознайся, намутили вы тут с завхозом для обоюдной выгоды? Или эта корова не та?

– Почему? Та, из ямы, падежная.

– Да у меня что, глаз нет, какая же это падежная? – заорал он.

– Послушайте, уважаемый, какой упитанности она была десяток дней назад можно судить по тем коровам, которые шляются по дорогам в поисках пищи. Но эта была еще хуже, да к тому же попала в яму с кислотой и мазутом. Она умирала, ее бросили, я достал, выходил. Вот и весь секрет. Ребятишки ходят, где какой бурьян несут, где мерзлые листья, картошку – все ест. Старухи перебирают, что себе варят, отходы – корове.

– Ладно. Больше никто тут не умирал?

– Пока бог миловал.
– Фамилию той женщины и пацана узнали?
– Нет, – потускнел лицом Максим, – Спрашивал всех своих, никто не знает. Наверное из другой деревни.

– М-да! И у меня они висят безымянные. Похоронил-то где?

– Ну, там же, на десятом.

– А дома-то что?

– А зайдём, посмотрим.

– Давай зайдём, раз уж пришел.

– Пожалуйста! – и Максим шире открыл двери избы.

Участковый, пригнувшись, шагнул за порог и остановился, привыкая к полумраку. Электрического света не было. Тусклый свет пробивался из двух маленьких окошек, наполовину забитых фанерой и тряпками, позволяя видеть в избе только очертания ее внутренней утвари. Ребятишки спали, съежившись на нарах под каким-то тряпьем. Топилась печка, и через дырки в стене играли блики огня. Бурливший котел источал неприятные запахи. Участковый оглядывал нары и покачивал головой. Он чуть не оступился в щель на полу, плохо прикрытую доской.

– Подпол есть?

– Есть, – кивнул Максим и отодвинул доску.

Участковый, чиркая спичками и нагнувшись, заглядывал туда, морщил нос.

– Что там? – глянул он на Максима.

– Уборная. У детей нет одежды и обуви бегать по нужде на улицу.

Страж порядка понял откуда идет основное зловоние. Они вышли на улицу.

– Правда, что ты зоотехник? – пытливо глядел он на Максима.

– Правда. До войны закончил ветеринарный факультет, давал стране мясо, кожу и шерсть, – глядя куда-то на вершины гор ответил Максим.

– Ладно, живи как-то! – и хлопнув его по плечу пошагал к баракам, – Пацанов береги! – крикнул он на ходу.

Глава 14

Весна укрепляла свои права. Прошедший март убрал снег с бугров и вершин гор, и рыже-черные плешины влекли к себе все живое. Птички и куры весело греблись на освобожденных от снега буграх, скот выщипывал до земли бурые стебельки и вгрызался в начинающую зеленеть траву. Горные козлы часами простаивали на выступах отвесных скал, греясь на солнце, небрежно поглядывая на беснующихся внизу собак, неспособных забраться к ним.

Около калмыцкой избы, стоящей на косогоре и к тому же на бугре, снега не было уже давно. Калмычата бегали босиком, да и местные ребяташки, приходя сюда, сбрасывали свои рваные обутики и носились кругами вокруг избы. Здесь их никто не гонял, не ругал и вдоволь наигравшись они усаживались вокруг топившейся под навесом летней печки, грелись, жарили пластики картошки, слушали заунывные песни старух. А еще их угощали калмыцким чаем и изредка маханом. Но от угощения большинство пацанов отказывалось, их дома за это страшно ругали. Пользовались угощением или смельчаки или совсем голодные. Неожиданным гостем и постоянным дегустатором калмыцкой пищи оказался местный пацан Толька. Хотя толком было непонятно где он живет. То у одной тетки, то у другой, то надолго исчезнет. Говорят он был детдомовский. И если появлялся то обязательно с калмыченком Харой. Они появлялись обычно поздно вечером, когда под навесом уличной печки у калмыков собиралась уже наигравшаяся ребятня. Они незаметно подсаживались в кучу ребятешек и поймав взгляд на себе какой-нибудь старухи, Толька улыбался, махал рукой:

– Мендуть, (Здравствуйте, бабушка.) Ээж Алтана – Алтма!

– Э-э, Тулюк! Мендуть!

– Ямаран бээнет? (Как поживаете?) – важно спрашивал их Толька.

– Ханжанав сэн (Спасибо, хорошо.) – отвечали старухи, – Жомба ухэ? (Чай пить?)

– Мэн, мэн, (Да, да) – кивал он.

– Тулюк – хальмг? (Толька – калмык?) – смеялись старухи.

Выставив ладонь с растопыренными пальцами в их сторону он важно приподнимался и тыкал себя в грудь:

– Бичке! Тулюк – урус! (Не надо! Толька – русский!)

Вот тут и начинался хохот. Визжали калмычата и тряслись в смехе, слезясь, старухи.

Калмычата прыгали и радостно кричали:

– Тулюк – хальмг – урус!

Русские пацаны удивленно таращили глаза. Они не понимали калмыцкой речи.

– Ну, ты Толян даешь!

А он, прихлебывая чай, небрежно отвечал:

– Они же учатся говорить по-русски, почему мы не можем на ихнем?

– Дак это ж, калмыцкий! – утверждали с каким-то значением пацаны.

– А хоть бы японский. Все люди разговаривают меж собой.

Пацанам крыть было нечем.

– А, этот Харка, че он все молчит? Кто он?

– Это мой детдомовский кореш, у него сердце больное. Когда их везли сюда в Сибирь, по дороге, у него умерли все родные, они с меньшим братом вдвоем остались. Потом они с чужими калмыками жили в райцентре, побирались. А потом его брата свиньи сожрали на ферме. Сам видел. Вот после того у него сердце заболело, и он стал всегда молчать. Невесело ему.

– Да ты че, Талян, как это свиньи сожрали?

– А так! Когда жрать нечего у свиней из корыт корм таскали. Ну, а свиньи сами голодные, разорвут кого хошь.

– А он тоже детдомовский?

– Да, вместе с ним там мы. Он-то русский плохо знает, а там блатата старшая, каждый подзатыльник хочет дать, да и чтоб прислуживал ему. Его-то каждый может обидеть. Вот я и согласился в детдоме вместе с ним, чтобы защищать его.

– Да брось ты, Толян, защитник нашелся! – насмешливо потянул долговязый Колька Кудрявцев.

– Слабо, говоришь? – вскочил и взъерошился Толька. И вдруг выхватив из-под штанины что-то блестящее, похожее на нож, согнулся, рас-топырил руки и дико заорал, – А ну, сучье, подходи по одному!

Пацанов от печки ветром сдуло. Первым, падая и спотыкаясь, кинулся прочь Колька. Остался один Харка, который радостно смеялся:

– Маладеса Тулик!

Старухи тоже застыв на мгновение от увиденного, крутили го-ловами и чмокали губами, приговаривая:

– Ех, Тулюк, мектэ! (Ах, Толик хитрый!)

Калмычата, убежавшие от страха в избу, осторожно выглядывали из сеней. Толька дру-желюбно махнул им рукой:

– Нааран гхартн! (Проходите сюда!)

Калмычата не решались.

– Мэн, мэн! (Да, да!) – кивали им старухи.

Постепенно калмычата вернулись. А разбежавшиеся пацаны кричали из темноты:

– Мудак ты, Толян, поймаем, яйца вырежем! Калмычне проданся! Маханом дохляцким провонял! Пойдешь домой – подкараулим, по зубам получишь.

– Ну, суки, берегись! – и Толька ринулся в темноту. Послышался дружный топот ног.

– Перепорю! – неслоь из темноты.

Вскоре он вернулся. Старухи осуждающе глядели на него и покачивали головами, тыкая на нож у него в руке.

– Тулюк, болшго! (Толик, нельзя!)

А он, подойдя ближе к ним, стал снимать блестящую фольгу из конфетных бумажек, обнажив обыкновенную палочку, выструганную в форме ноже. Старухи задыхались в смехе, передавая друг другу палочку, калмычата тоже визжали.

Темнота молчала. Посидели немного у печки-костра. На ночь еще подмораживало. Калмычата, зевая, стали заходить в избу. Харка нерешительно топтался, потирая глаза.

– Алтма, Алтана, Болжана унтх Харка, Тулюк? (Алтма, Алтана, можно спать Харке, Толику?) Кибитка хальмг? (В избе калмыков?)

– Мэн, мэн, айда избам (Да, да, пошли в избу), – встали старухи, – Тулюк! Вошка-блошка, килоп хальмг кибитка! (Толик! Вошки-блошки, клопы в калмыцкой избе!)– и они демонстра-тивно стали почесываться.

– Не первый раз! – отмахнулся Толька, – Пошли, – подталкивал он Харку в избу, – Пере-ночуем, а там видно будет. Они-то вот меня к себе пускают на ночевку, а вот тебя мои теткы не пустят к себе. Вот такие дела у нас с тобой.

Слухи о том, что Толька сбежал из детдома и обретается у калмыков на Колонке, донес-лись и до Толькиных родственников. Знаменитая трактористка Катерина – родная его тетка по отцу – не вылезала неделями и месяцами из лесосеки и не могла им заниматься. Когда дово-

дилось им встречаться, она кормила его, давала десятку-другую на мелкие расходы. Мыла его, выискивала вшей, штопала одежку и все твердила:

– Толька, блядь ты такой, смотри, не залезь куда, да не кури! Ой, горе ты мое! У тебя ж махорки полные карманы.

– Не курю я, тетя Катя, это для обмена.

– Ну смотри Толька, горе ты мое! Кольку-то с Вовкой когда видел?

– Давно, – братья где-то в других детдомах были, – Слышал – сбежали. Куда – не знаю. В колониях пацаны знакомые говорят – нету их.

– Ты был в колонии?

– Нет. Кореша там есть.

– Толька, Толька, за что все вот так? – и она прижимала его лысую голову к своей груди, и так они могли сидеть часами. Она, обливаясь слезами, а он зажмурившись, теребил ее девичью косу.

Совсем по другому его встречала тетка Зоя – жена его родного дяди по отцу. Степан был младше на два года Толькиного отца и попытался усыновить его. Но что-то там не вышло или вышло, он толком не знал. Он был малограмотный и молчаливый, искалеченный войной мужик. Военных наград – на всю грудь. Как увидел первую бабу по приходу с войны, так и женился на ней или женили его в радостной суматохе. Так и стал он под каблуком своей суженой, не дождавшейся прихода из госпиталя первого мужика своего. Вроде по бумагам Толька должен был жить у него, но чуть что, Зойка тут же отправляла его в районный детдом. Хитрая латышка когда нужно было возвращала его, брала, если отоваривала карточки или давались пайки сиротам. Узнав от пацанов, которых пугал ножом Толька, что он вновь появился и не кажет к ней глаз, а торчит у калмыков, она пришла в ужас.

– Гад такой, дохлятины обожрется, заразы всякой нахватается, вшей принесет – занимайся тут им потом. Степан! Не нужен мне этот выблядок. Ворюга вшивый!

– Зоя, может с ним поласковой быть, да и приживется он у нас? Детей-то у нас своих с тобой нет. А-а?

– Ага, сайчас, растопырилась! Вон, братья его по колониям шастают и ему туда дорога!

– Зоя! – несмело пытался возражать он.

– Чефо Соя, Соя! – переходила она на латышский акцент, – Сам пудешь ему пелье стирать и от сарасы оперегать. Или он или я!

– Зоя! Да ладно, скажу ему, путь в избу не заходит, на сеновале переночует, а пожрет в летней кухне. Сегодня же пойду к Чикову, пусть отправляет его обратно в детдом, с калмыками связался, это до добра не доведет! Вон они идохнут и про них всякое говорят.

А жизнь в калмыцкой избе шла своим чередом. Шумели-кричали калмычата, целыми днями что-то готовили в пищу старухи, а с коровой и еще больше хлопот стало.

Разбежавшиеся вчера пацаны несмело подходили к их избе и из далека вели переговоры.

– Талян, ты че, сердисься на нас?

– А чего мне сердиться?

– Ну, мы вчера, вроде поссорились.

– Поссорились – не подрались. Вам в шутку показал, как я могу с блатягами разговаривать, а вы трусили и удрали. Точно?

– Точно. А мы думали... правда.

– Вот я думал, вы и по правде соберетесь вместе и отлупите меня. Тогда, знайте, выловлю вас по одному, вот тогда и узнаете, кто кому по зубам даст.

– Да, Талян, мы же ниче, это все Кудря, с него все началось.

– Так вот сами и поддайте Кудре, чтоб в другой раз не мутил.

– Точно, надо отлупить его.

– Вот и отлупите. А то какой раз я приезжаю и всегда он начинает заедаться. Считает, что если он длиннее меня на две головы, так ему все можно. А сам бздун настоящий.

– Правильно, Таян, это все из-за Кудри.

– Так че, таян, мы идем играть?

– Наверное сегодня нет. Старухи не разрешают, говорят, шумим сильно. И говорят они, сегодня с минуты на минуту должен сюда участковый подойти, кого-то из вас ловить.

– Да ты че?

– Точно. Вон Генка приходил предупредил.

– Ладно, спасибо, что нам сказал, нам встречаться с ним не с руки. И не говори, что нас видел. А? Идет?

– Идет! – хитро улыбался Толька.

А утром старухи действительно сказали своим ребятишкам и гостям, что сегодня не надо шуметь во дворе, у них болят головы и если они не послушаются, то бабушки могут умереть. А кто тогда будет варить им пищу и кормить? Никто. На ребятишек это сильно подействовало, они целый день торчали на нарах и разговаривали шепотом, а старухи торжественно восседали на чурбачках у дверей сеней и курили трубки. Это был известный знак для чужих ребятишек, в избу к калмыкам почему-то нельзя. А тут еще участковый. Нет дураков, нет, у калмыцкой избы ему попадаться. А старухи по очереди довольно часто прохаживали в сараюшку, где была корова и довольно долго пропадали там. Уже к вечеру они притащили в избу в угол охапку сена. Пацаны думали, что они будут менять подстилку на нарах, но когда через некоторое время они на мешке принесли что-то коричневое и мокрое, удивлению ребятишек не было конца.

– Теленок! – закричали они.

– Телочка, – поправили старухи, – теперь молоко у нас будет.

Целый вечер старухи возились с теленком, то поили его свежим молоком, то отгораживали ему из мешков и палок место, чтобы не обжегся об печку, то бегали к корове, кормили и поили ее. Калмычата теперь не бегали попусту по двору. Они заготавливали корм корове, вырывая бурьян из кустов, благо уже почти сошел снег. Ломали на корм тонкие ветки – все годилось. А через неделю Красулю стали выпускать на волю и она уже находила корм сама. В кустах у речки, на межах в огородах. Скоро появилась и первая зелень. Река была бурная после таяния снегов и к реке подходить просто было опасно. Мощным потоком плыли бревна, попасть между которых грозило смертью. В это время животных старались не подпускать к реке, переломает бревнами ноги, унесет животину. На время сплава леса Максим приказал ребятишкам гонять корову на выпас на гору. И ребятня по очереди по двое-трое, сопровождали корову на выпас. На обеденную дойку Красуля шла домой неторопливо, к своему дитю. Так оно и было. Умная корова точно приходила домой в одно и тоже время, порой оставив своих заигравшихся пастухов на выпасе.

К обеденной дойке подходили и три-четыре местные бабы, которые впервые видели схему дойки коровы и кормления теленка. Надоив полведра молока, старухи выпускали к корове теленка, который обретя свободу, пулей вылетал из избы и обежав круга два-три вокруг навеса над печкой подбегал к мычащей своей матери, сначала к ее морде. Обнюхавшись, теленок спешно направлялся к ее вымени. Вытянув мордочку, он захватывал себе в рот сосок и оттопыривал почти горизонтально свой хвостик и начинал сосать, время от времени поддавая своей головой под вымя и материнское брюхо. Красуля переставала есть из кормушки и изогнув шею, добрыми выпуклыми глазами, наблюдала за своей дочерью, изредка облизывая своим длинным шершавым языком под ее хвостом.

Соседские бабы с завистью смотрели на эту картину и судачили:

– Ну, если я к своей Пеструхе подпущу телка, все, молоко не жди. Она и так-то сторбатится дугой, когда дою, еле два литра надаиваю. А тут, смотри, три раза по пол ведра за день,

да еще и теленка сама кормит. Да, везет нехристям. А корм-то какой? Где сена клок, где вилы в бок. Не-е, они че-то знают эти калмычки. Да, шаманят они. Вон, этот старик, который к ним приходит. Как соберутся, так че-то гогочут, поют, горлом бурлят.

– Иди-ты!

– Вот те крест! Пошли отсель, а то неровен час сами околмычимся.

– А че это у тебя под рукой, под фартуком держишь? Кружка никак? Молочка поди калмыцкого хошь?

– Да моя-то корова еще не отелилась, а маленький-то хворает. Ну, думаю, попрошу.

– Тьфу, да сроду я бы не взяла, сдыхать буду! – и баба сердито отходила прочь.

– Может еще и калмычного чаю, да махану из дохлятины отведаешь? – уже на отходе добивала баба свою соседку.

– Ну и отведаю, если надо! – огрызалась та, – Припомни как ты Кудрихиного пацана от хворости живота лечила: принеси сальца, принеси хлебца, а он как поносил, так и чуть не загнулся. Пока калмычки его своим чаем или чем там не вылечили. Так теперь тайком все к ним лечиться ходят. А чай-то чего не пить? Сейчас из сена выберут траву какую надо, да и в котел ее, да молока туда же чуть не полведра. Прокипятят, соли щепоть бросят. Чего тут не пить? Ну, и масло или жир, если хотят или есть, чего не добавить? Так, Алтма?

– Така, така! – кивала старуха, наливая ей кружку молока.

– Спасибо тебе, – кланялась баба.

– Сэнер (хорошо), здраситя! – махала ей та.

Жить калмыкам стало легче. Ребятишки пасли корову уже вместе с теленком, который тоже стал пощипывать травку.

Как-то Максим встретил завхоза Силантьича и тот уговорил его пойти к ним на ферму, помочь сделать прививки молодняку и вообще, посмотреть, что и как с коровами. По дороге Силантьич рассказал, что ему вlepили строгий выговор по партийной линии за разбазаривание кормов и падеж скота и вообще сгущаются над ним тучи. Как бы не посадили. Это будет похуже, чем его положение, Максима.

– Да тут еще эта корова твоя, как бельмо на глазу у всех. Раздобрела, гладкая, а числится падежной. С полей корма тоже все тащили, а теперь отдуваться мне.

– А ты, не печалься начальник, ты мне помог, я тебе помогу.

– Чем же ты мне поможешь? – встрепенулся завхоз.

– Чем ты мне помог, тем и я тебе. Как у вас говорят: долг платежом красен.

– Неужто корову назад вернешь?

– Нет, корову назад не верну, спасибо тебе за нее, ребятишки ожили. А вот телку верну, взамен ее. Я же говорил, что она телочку принесет. А живая единица скота для отчетности это не шутка. Так?

– Ой, Максим, спасибо!

– И еще. Ехал я как-то из лесосеки, видел стадо коров твоего хозяйства. Пасет его пастух, тот пьяница, все в одном месте, у болота. Коровы всегда по брюхо в грязи стоят, одной осокой питаются. Мало того, что соски осокой режут и вымя всегда мокрое и грязное, зимой они у тебя опять начнут падать, если не от голодухи, то от ревматизма.

– Неужто ревматизма у коров бывает? – изумился завхоз.

– Бывает, Силантьич, бывает. Животные тоже болеют теми же болезнями, что и люди, только сказать не могут. А пастуха заставь гонять стадо по горным долинам. Ну и корма начинай заготовливать, все что сейчас зеленое с листьями, любой бурьян зимой будет ценным кормом. Сколько стариков и старух с ребятишками не у дел. Пригласи их к себе на хозяйство, кружка молока с куском хлеба, да крыша над головой, у тебя же барак пустой стоит, и люди тебе в мешках травы наносят.

– Ой, Максим, что ты раньше ко мне не зашел, спасибо тебе за совет.

– Да не за что. Ты не печалься, все образуется, а в воскресенье жди в гости, в следующее, я как раз должен быть выходной. Приведу телочку. Давай, пока!

Калмычата уже знали, что теленка придется отдать и очень расстраивались, когда об этом заходил разговор.

– Теленка придется отдать, иначе у нас отберут корову.

– Ну и пусть! – надували они губы, – С теленком можно поиграть, а с Красулекей сильно не поиграешь, – приводили они доводы.

– А Красуля дает много молока, у нее еще телята будут, – объясняли им старухи.

Телочку назвали Булей, из-за того, что когда она пила молоко из ведра, то сильно булькала. Теперь ей уже не разрешали сосать вымя у Красули, а поили из ведра. Хозяйкой Були стала внучка старух – Сюля. И ребятишки смеялись:

– Где Буля, там и Сюля.

Так оно и было Теленок ходил за ней по пятам, она водила его и на веревочке, как собачку.

В назначенное воскресенье у Максима был действительно выходной. Рано утром старухи, подоив Красулю, выпустили ее на самостоятельный выпас. Теленка оставили дома. Ребятишки долго спали или делали вид, что спят, но не вставали. Потом нехотя встали, дол-го пили жомбу у печки. Все молчали.

– Ну, что ребята, Булю надо отдавать. Пойдем, проводим ее до места, деваться нам некуда.

Тяжело вздохнув Сюля поднялась с места и пошла в сарай и вывела за собой теленка.

– Куда вести ее?

– А вон туда, за гору, – махнул рукой Максим, – Ну что, герои, приуныли? Пошли, а то девчонку обидит еще кто-нибудь. Да заодно и поглядим, как там Буля жить будет. Если плохо там – заберем назад.

Ребятишки, как подстегнутые вскочили и побежали следом. Старухи, сложив руки на животах стояли и смотрели им вслед.

Дорога поднималась все выше и выше к леспромхозовским конюшням, которые располагались как раз наверху горы. Село находилось как бы в котловане на косогорах его. Так как низина у речушек – Степного Баджея и Таежного Баджея, сливающихся в одно русло, весной тогда заливалось, поэтому избы и другие хозяйственные постройки стояли по буграм и косогорам. С далеких времен люди вычислили своенравное поведение с виду малых речушек, а в паводковые времена – мощные несущиеся потоки, поэтому и строились на неудобных косогорах. Зато были в безопасности. А залетные неверы, хитромудро посмеивались, строились на жирных низинных местах, поближе к речке, любясь ее летней тихой красой. Да и хозяйство содержать поближе к воде дело важное. Эвон воды сколь уходит на водопой скотины, да на полив огорода. В засуху на косогор воды не натаскаешься, замой в снега, метели, тоже непросто водичку на косогор доставить. Бывали конечно малоснежные зимы, когда после таяния снегов реки почти не разливались. Новосельцы гоголем ходили супротив старожилов. И урожай получше у них, и вода рядом, и сил меньше тратится на ее доставку. Но это редко бывало. А в основном лютые январские морозы напрочь вымораживали ручьи, а бьющие незамерзающие родники прокладывали себе только им нужные направления. И дыбились, топорщились в низинах, неожиданно сказочные ледяные колпаки и причудливые торосы льда от исходящих клубами пара и наплывавших львами родников. Напитывались водой низинные снега, заливались все колдобины, с каждым днем ледяное поле росло вширь и вверх, подкатывая к постройкам незадачливых хозяев. Сто только не делалось для заграды незаметно подвигающейся воды. Навозились снежные валы вокруг усадьбы, грядами складывались бугры коровьего навоза. Бесполезно. Вода исподволь по грунту проникала всюду. Подполья и погреба, загруженные на

зиму картошкой и прочим овощем, заливались чистой водой до самого пола. Приходилось все вытаскивать на пол, городить дополнительные подмости в хлевах и стайках, спасая скот. По самые окна вмерзали в лед низинные избы. Все на свете кляли хозяева таких подворий. Зато благодать была ребятам. Ледяное поле бескрайное, катайся, сколько хочешь на коньках, да смотри в оба: ухнуть можно в предательскую, покрытую тонким льдом размоину. А весной, в снеготаяние, когда отовсюду с гор катят потоки в низину, и вскрывается сама речка одна и ругая, тут просто беда. Чуть не на крышах сидят низинные поселенцы. Но сойдет половодье и жизнь снова налаживается. А бабы, живущие на косогорьях, с завистью заглядывают в огороды низинных. Как на дрожжах у них все растет, а тут все плечи изодраны от коромысел. Разве натаскаешься на полив огорода воды? Нет, конечно.

– Ничего, – утешались язвительно другие, – придет зима, да новая весна, посмотрим, как они с крыши кальсоны полоскать будут.

– И то верно, – поддакивали завистники.

Красиво громадное село, разбросанное по буграм и косогорам, с утопающими в зелени избами в низине у реки. Неожиданные паводки случались осенью в сезон заливных дождей, но это бывало редко. Здесь реки обычно справлялись со своими обязанностями и редко выходили из берегов. А сейчас в разгар лета ярко светило солнце, красиво зеленели горы, голубыми лентами извилисто текли в одно русло мирные речки. Одним словом красота. И именно этой красотой и любовались сейчас ребяташки и Максим, забравшись на гору, на самую высокую точку дороги. Они сидели на бревне, брошенном у дороги и Максим показывал им узкоколейную железную дорогу, по которой вдалеке пыхтел словно игрушечный длинный паровозный состав с хлыстами. Показывая им таежные плотбища, где разделялись хлысты на бревна, показывал на долины за увалами, где была его лесосека, откуда он возил лес. Ребяташки во все глаза рассматривали увиденное и слушали его.

– Вон там, в конюшне, работает наш Мутул.

– А пойдем к нему? – загалдели ребяташки.

– Назад будем идти, зайдем, покажу вам лошадей и жеребят настоящих.

Ребяташки не сговариваясь обернулись на теленка, пощипывающего траву.

– А где подсобное? – спросил кто-то.

– А вон, по ту сторону горы, видите длинные сараи-фермы? Там.

Ребяташки долго молча смотрели туда.

– Не печальтесь, ей там будет хорошо, там много телят, ей нужны подружки.

– А мы? Мы тоже друзья ее.

– Все так. Она хочет разговаривать с ними на своем языке. Видите? Птичка с птичкой разговаривает, собачка с собачкой.

– А телочка с телочкой! – засмеялись пацаны.

– Правильно. А вот глядите сюда. Эта дорога уводит дальше, туда в горы. По этой дороге привезли вас из райцентра сюда. А там недалеко настоящая, большая железная дорога. По ней привезли вас сюда с нашей родины – с Калмыкии. А наша родина очень далеко отсюда, это там! – и Максим показал на запад.

– Калмык с Калмыкии, а орус с Орусии? – хихикнул самый маленький Цебек.

– Да, – задумчиво кивнул Максим.

– Дядя, Мукубен, а мы туда поедем? – спрашивали пацаны.

– Да, да. Подрастете и поедете. Обязательно.

– А Мутул говорит, что скоро денег заработает и убежит на родину. А как он убежит, это ж далеко? Вон, смотри какие горы, – шептались они.

– Так Мутул собирается убежать в Калмыкию? – спросил Максим улыбаясь.

– Ага, только не выдавай нас. Ему дорогу орус Тулюк покажет. Он знает как туда бежать.

– Ух, ты! – засмеялся Максим, – Ладно, пошли ребята!

Вниз идти было легче, да и ребяташки как-то успокоились после разных разговоров. Их еще издали встретил улыбающийся завхоз и пошел им навстречу.

– Ну, проходите, проходите, собак я запер!

Под высоким крыльцом, громко лая, бесновались две здоровенные собаки. Ребяташки боязливо прижимались к Максиму.

– Хозяйство, вишь, на отшибе, сторожа верные нужны, – кивал он в сторону собак, – Народу-то тут всякого полно. Вот, присаживайтесь, – кивал он в сторону лавок под навесом с огромным длинным столом.

На столе стояла огромная миска со свежей морковкой. Ребятня нбе спускала с нее глаз.

– Берите, угощайтесь! – потчевал он калмычат. Но они держались кучкой и за стол не садились.

– Силантьич, куда животину определить, им не до угощения, телку жалко.

– А-а! – засомневался завхоз.

– Ничего, они знают, что отдать надо, Скажи, что им можно иногда приходиться посмотреть на нее.

– Что ты, конечно. Путь приходят, а молодняк вон, в углу огороженный и ее туда же.

У всех телят на ушах были заклепки, ребяташки это увидели сразу и тыкали в них пальцами

– И нашей Буле такую заклепку поставят и она не потеряется, – сказал Максим и стал вталкивать ее в загон к телятам.

Калмычата притрагивались к своему теленку, гладили, шмыгали носами.

– Все будет хорошо. Пойдемте!

И ребяташки, оглядываясь на загон, стали выходить на улицу.

– Ну, пошли за стол, посидим, с меня магарыч, – приглашал Силантьич Максима.

– Некогда, пока пойдем домой, время к вечеру.

– Ну чем же вас угостить? Морковку не взяли.

– А ты сам дай – возьмут, – и подойдя к столу Максим взял одну морковку и с хрустом откусил ее.

Силантьич взял миску и стал раздавать морковку ребяташкам. Те согласно кивали и тут же принимались ее грызть.

– А ты говорил не хотят, – смеялся Максим.

– Погодите-ка, – поставил пустую миску завхоз на стол и побежал на высокое крыльцо, заскочил в сени избы. Вскоре вышел с ведром, наполовину наполненным огурцами.

– Вот, – протягивал он каждому по огурцу.

Ребяташки брали уже не стесняясь. Вышедшая на крыльцо женщина вынесли на фартуке довольно большую круглую буханку хлеба.

– Это наша повариха, Валя, сами печем хлеб свои рабочим, – пояснил Силантьич, передавая Максиму аппетитно пахнущую, еще теплую буханку, – Возьми домой, сгодится.

- У нас все сгодится, – засмеялся Максим, – Ну, что нужно сказать?
- обратился он к ребятам.
- Ханжинав-спасип! – хором весело ответили они.
- Ну, что, мы пошли?
- Как-нибудь зайду, прививки поставим коровам и телятам.
- Ой, буду благодарен! – приложил руки к груди завхоз, – На конюшне твой мальчонка работает? Подвозит нам иногда воду, фляги.
- Мой, Мутул.
- Так вот на днях для леспромхозовской столовой выбракованную корову резать будем, отходы какие будут – отдам ему, выбрасывать не буду. Есть кому трубуху, ноги обработать?
- Есть. Бабушки дома у нас.
- Ну, вот, привезет парень. Стало быть польза должна быть от нас обоюдная. Так?
- Так, так, Силантьич, спасибо!
- Семья-то я вижу у тебя эвон какая, только успевай подавать на стол.
- Да, семья-то вот такая, – задумчиво произнес Максим, глядя куда-то вдаль, – До свиданья! А то ребятня уже вперед пошла. Будем жить дальше, – и Максим зашагал вслед за ушедшей ребятней.

Незаметно прошло лето. Не умеющие заниматься огородами калмыки ничего не посадили на своем косогоре. Хотя соседские русские бабы на глазах у них выращивали овощ и картошку. Конечно нужны были семена на посадку, опыт и желание. Ни того ни другого у них не было. Но если разговаривать насчет желаний, то здесь можно было и поспорить. Местные жители нанимали калмыков и огороды копать и картошку садить и выкапывать. И после сбора основного урожая на полях и огородах никто столько не трудился в поисках оставшихся овощей. Не раз на рабочих собраниях местные жители и рабочие задавали вопросы начальству – почему калмыкам не выдают семена на посадку огородов. И ведь просачивались же слухи: им на каждую семью выделены определенные средства, на обзаведение хозяйства. Люди-то мрут, голодают.

Обычно парторг леспромхоза выискивал задававшего такие вопросы и, наклеив на свое лицо суровую озабоченную маску сострадальца, поднимал его с места.

– Вот вы, встаньте, товарищ, на обозрение народа. Вы, что сомневаетесь в правильности линии партии и правительства?

– Да при чем тут это? – холодел тщедушный мужичонка.

– А при том, что согласно указа правительства для каждой семьи спец. переселенцев выделяется ежегодно по два мешка, а это 100 кг, точнее, отборного семенного картофеля. А они его съедают в течении зимы, не заботятся о посадке огорода весной.

– А чего жрать-то им? Другого ничего и нет. И когда дают весной или осенью?

– Вот и сейчас, подходит к концу уборка урожая, пожалуйста, получайте неимущие семьи картофель на семена, – важно ответил парторг, – А то, что получается? Леня получить вовремя, ведь с полей из буртов можно получить. Как и в прошлом году семена с буртов для них лежали, начали растаскивать кому не лень. Вскрыли их, а потом и совсем заморозили – тут уж, товарищи, расхитительством пахнет.

– Ага! А потом бульдозером сравняли, чтобы и скоту не досталось! – выкрикнул кто-то с места.

– Кто это сказал? – выискивал парторг хозяина реплики.

Мужики и бабы посмеивались.

– Товарищи, всегда пишутся объявления, о том или другом мероприятии, надо читать и вовремя получать, что выделяется. Кто из спец. переселенцев может пожаловаться, что не получил положенную ему помощь от государства? Ну, поднимите руки!

Молодые калмычки шептались между собой и замолкали.

– Ну, смелее, смелее!

– Не понимают они тебя, начальник, а основных-то людей с их стороны нет здесь. Они и не знают, что им положено и куда оно девается! – зло выкрикнула баба отвернувшись и закрывая лицо платком вышла на улицу.

– Куда вы, гражданка? – потянулся за ней парторг и какой-то явно не орешенский мужик тоже заторопился к выходу.

– погоди, погоди, ребята! Давай собрание до конца довести, – посмеивались рабочие, сгрудившись в кучу и не пропуская мужика к выходу, – Пришел на собрание – не мешай людям слушать про линию партии и правительства, а не бежи за юбкой убежавшей бабы.

– Их-хе! – грохнули мужики и завизжали бабы от смеха.

Инцидент замялся. И прокашлявшись парторг, заглянув в повестку дня собрания, миролюбиво провозгласил:

– Ладно, товарищи, туту наши вопросы всякие, мы в состоянии решить их сами. Непросто жить людям сейчас, в годы послевоенной разрухи, враг был открытый – фашизм и мы его уничтожили. Наладим и свою жизнь, не сразу все. А вот бдительность и осторожность к махровым врагам советской власти, которые, не исключено, что есть и среди нас, надо усиливать.

– Ты о чем это, Виктор Авдеевич, – не таясь выкрикнул кто-то из передних рядов.

– А вот о чем, товарищ Зимин. Кажется Иван Николаевич?

– Точно, он! – ответил польщенный мужик, что его знают по имени отчеству.

– Так вот, Иван Николаевич! И остальные сознательные граждане! Международное положение крайне сложное, заокеанские силы хотят ослабить мощь нашего государства, об этом сейчас расскажет нам товарищ из крайкома КПСС. Пожалуйста, Петр Алексеевич! Приветствуем товарища Черкова! – парторг заулыбался и захлопал в ладоши, собрание дружно поддержало его.

– Ишь, ты, аж из самого крайкома партии! Не шутка, а ну-ка, тихо! – укрощали друг дружку сидящие, – Дело-то вон какое, кабы новой войны не было!

Лектор, круглолицый мужчина в годах, доходчиво стал рассказывать, что творилось в мире. Люди слушали, затаив дыхание.

– Вы бы чаще к нам приезжали, может и мы бы умнее были вместе с нашим начальством. Живем в глуши, ни черта не знаем. А тут вертят нами как хотят!

Парторг хлопал молча глазами и делал вид, что не слышит в его адрес реплик.

– А че, против этого мериканца Трумэна нет никаких сил? – спросила худощавая баба лектора.

– А вот мы собравшихся просим, – хитро прищурился он, – Как вы думаете, товарищи, какое наказание за такие действия заслужил Трумэн?

– На север его, к чертовой матери выслать или к нам на дальний лесочасток чурочку пилить!

– Тьфу! Это не наказание, мы-то живем и ничего!

– А я бы ему вот че сделал, – загудел огромный Ленька Шуйков, многодетный тракторист.

– А ну-ка, послушаем товарища, – еще хитрее прищурился лектор.

Собрание притихло, ожидая, как обычно подвоха от своего земляка.

– Ну, взял бы я хороший железный ломик и один конец раскалил бы в кузне до красна. А холодный конец всадил бы ему в сидячее место.

- А почему холодный, а не горячий? – интересовались земляки.
- А чтоб союзники его не вытащили. За раскаленный-то конец шибко не схватишься.

Собрание рыдало, охало, ахало, вытирая от смеха слезы. Смеялся и лектор. Парторг не решался особо смеяться и все поглядывал на гостя из крайкома.

– Хорошие у вас люди, Виктор Авдеевич, с такими нам не страшна ни холодная война, ни горячая.

– Живем с ними, стараемся вникать в их нужды, – улынулся парторг.

– Будьте ближе к массам, – пожал ему руку гость и пошел к легковушке, ожидающей его.

А парторг долго стоял на улице, смотрел вслед удаляющейся машине гостя и перебарывал слова гостя: «Будьте ближе к массам.» Что он имел в виду, этот крайкомовец, и как будет докладывать о их встрече и кому?

– Дела-а! – беспокоился он, – Эти чертовы спец. переселенцы, сколько из-за них неприятностей.

Особенно калмыки. Какие-то тихие, покорные, как-то мрут незаметно. Вроде были и нет их. А где же их хоронят? Вон латыши, эстонцы, хохлы, литовцы, тоже на их положении. Но тем палец в рот не клади – откусят по самый локоть. Они-то приехали уж после войны с мешками, с ящиками. Сразу сыто зажили. И дома построили, а кое-кто их них сразу готовые дома купил. И всякое барахло втридорога продавали. Дети их сразу учиться пошли. А калмыки?.. Стоп, стоп, стоп! Калмыков привезли зимой, в страшные морозы 44-го и без всяких необходимых вещей. А-а-а! Их первыми выселяли из всех этих спец. переселенцев. Еще у нас не было опыта по спец. переселению. Очевидно, на них сорвали первое зло за предательство вырожденков из разных народов. А тут жестокие и долгие бои под Сталинградом. И они оказались рядом, под рукой. А они почти кочевники, какие там вещи, кроме скота? Да почти никаких! Вот и согнали их под автоматами как скот в товарняки. А они погибать, дух-то надломленный. Вот и молчат, не могут отмякнуть душой. А уж как стали онидохнуть в дороге и на местах наверх-то, в правительство, точно доложили, ну, других-то и стали привозить в более лучшие условия. А как теперь создать им лучшие условия? На всех одинаковое клеймо. Взбунтуются греки, закарпатцы, те же литовцы, татары. Нет! Наверху знают, что сделали. Так что пусть живут как живут. Не знали мы их раньше и не будет большой потерей, если их не станет у нас вообще. Меньше хлопот будет! А кто хочет жить, тот живет. А с семенами и прочей помощью пусть кто хочет рыпается. С полей бурты картошки и турнепса растащили? Все знают. А специально мы их оставили в поле, чтобы поддержать население в голодное время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.